

ОЛЬГА РАЙСКАЯ

ПРОКЛЯТЬЕ
РЕЧНОГО ЗМЕЯ

Annotation

Каждой хочется простого женского счастья. И мне его хотелось. Я бы и замуж по любви пошла с радостью. Но то ли пасьянс судьбы никак не складывался, то ли ведьмовская сущность мешала, то ли бабушки мои неугомонные слишком усердствовали. Впрочем, их последний кандидат в женихи совсем неплох. А что частенько чешуей обрастает, так это и почистить можно, если, конечно, характерами сойдемся.

- [Ольга Райская](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Эпилог](#)
-

Ольга Райская

Проклятье речного змея

Глава 1

— Ну вот, сейчас работы по наряду закроем и к обеду, глядишь, дома будем, — добродушно хмыкнул в пушистые седые усы начальник участка Фомин.

— Хорошо бы, Михалыч. А то вон какие тучи над долем собираются. Того и гляди ливанет. — Петька крутанул баранку, и бульдозер свернул с шоссе на едва заметную грунтовку. — Много там работенки?

— Да пара покосившихся домишек. Хозяева давно квартиры в новом комплексе получили и переехали. Кому охота без удобств в такой глуши куковать? — Фомин достал папироску, покрутил ее в пальцах, разминая табак, и прикурил, с наслаждением затягиваясь.

— Ну, значит, надолго не задержимся, — рыжий бульдозерист взглянул на часы. — Сегодня футбол по телику. Хорошо бы еще за пивком заскочить.

— Успеешь. Дельце плевое. — Михалыч выпустил сизый дым в приоткрытое окно.

Дорога обогнула лесок, и вскоре показались несколько домишек за покосившимся, потемневшим от времени, хлипким забором.

— О, гляди-ка, ты говорил все переехали, а из трубы дым валит! Не иначе печку топят! — заржал Петька.

В их работе случалось всякое. Бывало, прежние жильцы никак не хотели покидать старые дома. Цеплялись за гнилые доски и полуразрушенные кирпичи до последнего. Иногда приходилось и полицию вызывать, но к этому демонтажники прибегали редко. Слишком уж много времени терялось.

— Погоди-ка, Петруха. — Фомин разложил документы и карты.

Так и есть. Бывшая деревня «Ручьи», сейчас звалась улицей Комсомола их небольшого городка. Но какая к чертям собачьим улица? Затерянная в лесу заимка. А территория давно выкуплена фирмой «СтройИнвест» и утверждены проекты построек. Ошибки быть не могло, но откуда тогда взялся дым?

— Буди Семеныча! Глуши моторы! — скомандовал он Петьке. — Кажется у нас форс-мажор, будь он неладен.

— Э-э-э, Леха, подъем! Приехали! — Рыжий толкнул в бок огромного детину.

Два бульдозера и экскаватор, проехав улочку с покосившимися ветхими строениями, застыли напротив обитаемого дома. Зброшенным он точно не выглядел. Впрочем, как и ветхим. Добротные бревна совсем недавно просмолили и утеплили мхом, резные ставни покрасили веселой голубой краской, а дорожки перед домом и в огороде засыпали свежим песком.

Вокруг стеной возвышался лес, стрекотали кузнечики, жужжали пчелы. Птицы о чем-то весело щебетали. И современная техника смотрелась как-то нелепо и чужеродно на фоне этого оазиса природного великолепия.

Демонтажники высыпали из кабин, а с высокого крыльца спустилась старушка. Самая обычная, каких в городе тысячи. В берете и наспех накинутой болоньевой куртке, под которой виднелся простенький ситцевый халат с цветочным принтом.

— Чего это вам, добры молодцы, в наших краях занадобилось? — неожиданно звонким голосом поинтересовалась она.

— Дык, сносить вас приехали, бабушка. — Развел руками Фомин. — Землю-то выкупили, народ расселили.

Почему-то он совсем неуютно себя чувствовал под пронзительным взглядом синих очей пожилой женщины. Чем больше Михалыч смотрел на нее, тем больше убеждался, что не простая перед ним селянка.

— Кто же, мил человек, мог землю продать, на которой отец мой жил, а до него дед, а еще ранее — прадед, и так много поколений предков. Да и я согласия своего не давала.

— Город, бабушка! Город! Не задерживайте рабочих. Мы люди маленькие. Нам сказали сносить — мы сносим. Документы в порядке.

— Маленькие, говоришь? Стало быть, проблем не решаете, и говорить с вами бесполезно. А где большие-то люди сидят? — синие глаза, словно в душу заглядывали. Фомин поежился.

— Знамо где — в городе, в самом центре!

— Ничего, милок. Найду. — Старушка развернулась и направилась к дому.

— Бабушка! — начальник участка пошел следом, но женщина вдруг развернулась и выставила вперед руку.

— А ну стой, где стоишь! — произнесла она, и Михалычу показалось, что в глазах ее потусторонний свет мелькнул.

Поднявшись на крыльцо, старушка вошла в дом и плотно прикрыла за собой дверь. Фомин бы и рад был последовать хоть куда-нибудь, но ноги словно приросли к земле. Чертовщина какая-то!

— Братва! Клянусь, шагу сделать не могу! — испуганно выкрикнул начальник участка.

Из кабины выпрыгнул проснувшийся Леха, цыкнул на шушукающихся демонстражников и подошел к Фомину.

— Нашел, с кем тягаться, — усмехнулся он. — С ведьмой.

— С ведьмой? — на лбу Михалыча, несмотря на утреннюю прохладу, выступил пот. И едкие капли скатывались на глаза, заставляя жмуриться. — Какая, к лешему, ведьма?

— Настоящая, — ответил Леха, которого вся бригада привычно величала Семенычем.

— И что мне прикажешь делать-то? — Фомин кивнул на приросшие к земле ноги.

— Ждать, пока сжалится и отпустит. Ну, или как вариант — прощения попросить, — пожал плечами детина и удивленно осмотрелся вокруг. — Мы ж вроде ехали улицу какую-то сносить...

— Это и есть — улица Комсомола! Дома с первого по восьмой! Сам посмотри в наряде! А до этого здесь деревня «Ручьи» значилась, — заорал Михалыч, теряя терпение.

— А до «Ручьев» это место «Ведьмин скит» называлось, — лениво ответил Леха и расправил богатырские плечи. — Они тут испокон веков жили. Место силы здесь древнее.

— Кто они?

— Ведьмы. Это уже потом в «Ручьи» переименовали, при советской власти. Дед рассказывал, ключи тут бьют с живой водой. Любые болячки та водица лечит. Только показываются они не всем. Ведьмы все почитай о них и знают. Знал бы, что мы сюда едем, сразу бы предупредил, что зря.

С крыльца спустилась старушка: бодренькая, деловая, в темных брючках и добротных кожаных туфлях.

— А, Лешенька, — улыбнулась она гиганту. — Как мама себя чувствует?

— Вашими молитвами, Агрипина Савишна. На поправку пошла, врачи только диву даются, — пробасил детина.

— Настой мой пьет ли?

— Обижаете! Все, как вы сказали, исполняет.

— Ну, хорошо-хорошо. — Похлопала Леху по мощному бицепсу старушка. — Авось обойдется все.

— Бабушка! — взмолился Фомин. — Простите Христа ради! Бес попутал!

— Бесы у вас в городе сидят, в самом центре, да честных людей с их законных земель выживают. А ты, милоч, иди куда шел, коли нет у тебя дурных мыслей! — ответила старушка.

Михалыч пошевелил ногой. Сделал осторожный шаг к бульдозеру и с облегчением выдохнул. С такой работой и инфаркт заработать недолго, а он уже не молод. Лучше уж управдомом в ЖЭК пойти.

— Мудрое решение! — похвалила его ведьма, словно мысли прочла, а потом развернулась к демонстражникам: — На доме защита. Кто в мое отсутствие что дурное сотворит, пожалеет!

Дюжие молодцы, как по команде, разом сделали шаг назад.

— То-то же! — хмыкнула старушка. — Но стража все-таки оставлю. Мало ли что. Эй, Вельзевуловна!

— Ме-е-е-э-э-э! — раздалось из-за дома, а потом выскочила огромная черная коза с белой звездой на лбу и длинными загнутыми рогами.

— Сторожи! — наказала ей ведьма. — А я приеду и тебе морковочки сладенькой дам.

— Ме-е-е-ээ! — ответила коза и села. Вот так взяла и села, как собаки сторожевые у будки садятся.

— Коза? — удивились мужики.

— А ты поди, сунься — в клочья разорвет! — предупредила бабка. И все как-то сразу ей поверили.

— Мистика! — выдохнул рыжий Петька, когда хозяйка скрылась за поворотом.

— Чертовщина какая-то! — утер пот Михалыч.

— Ведьмы, они справедливые, — сказал Леха. — Не делай им зла, и они не сделают.

— Ну, чо, Михалыч, крушить-то сегодня будем? — спросил кто-то из работяг.

— Пусть сначала начальство с этой бабкой разберется. По машинам, мужики! Еще на футбол успеем.

* * *

Огромное здание бизнес центра, отстроенное по современной моде из стекла и бетона, полностью принадлежало фирме «СтройИнвест». Напоминало оно гигантскую башню, располагалось в самом центре, а соответственно — возвышалось над всеми историческими постройками, притягивая к себе взгляды прохожих.

Сегодня с самого утра бизнес центр гудел, как растревоженный улей. Сотрудники носились по зданию, а все шесть лифтов постоянно сновали туда-сюда. В общем, работа кипела. А все почему? Потому что хозяин всего этого великолепия, а по совместительству генеральный директор и держатель контрольного пакета акций Дмитрий Петрович Заречный, с легкой руки коллег прозванный не иначе как Дракон Питонович Речной (за крутой нрав, внезапные вспышки гнева и любовь к рыбной ловле), был сегодня не в духе. Что-то у него не ладилось, а страдали простые клерки. Платили здесь хорошо, и место терять никто не хотел.

Антон Сергеевич Потемкин — драконий заместитель, друг и большой любитель женщин вошел в просторную приемную, белозубо улыбнулся миленькой секретарше Мариночке, водрузив на ее стол шоколадный батончик, и спросил:

— Лютует?

— Спасу нет! — пожаловалась блондиночка, подняв на симпатичного шатена полные грусти голубые глаза. — С утра огнем пышет! Все ему не так. Я уж три раза кофе меняла. То недостаточно горячий, то сахара ему мало, то, вообще, сорт не тот! Одним словом — ящер! А сейчас ему, вообще, Гарпия Андреевна звонит. Боюсь, сожрет — не подавится!

Последнюю фразу Мариночка уже пропищала и зажмурилась.

— Понятно, — хмыкнул Антон, медленно поднес дрожащую ладошку девушки к красивым чувственным губам, смачно поцеловал и, растягивая слова, произнес: — Придется спасти прекрасную даму от

кровожадного дракона! Но за это вы будете должны мне ужин, Мариночка.

Он медленно выпустил нежную ручку, а девица зарделась, для приличия потупив взор в рабочий монитор.

Про привычку местных дам давать клички с мифологическим уклоном всем пассиям шефа Потемкин знал. Если память Антона не подводила, то только за последний год «СтройИнвест» успел пережить Химеру Сергеевну, Фурию Львовну, Мантикору Александровну и вот теперь благополучно переживал Гарпию Андреевну, которую в миру звали Британцева Светка. Красивая баба, но глупая. Если бы не борзела, могла бы еще пару месяцев попользоваться щедростью господина Заречного. А скупердям тот не был.

Пора было спасать друга, а заодно завоевывать расположение, благосклонность и благодарность, которая, несомненно, последует от молодой сотрудницы.

— Можно? — тихо спросил Потемкин, чуть приоткрыв дверь в кабинет. И, получив одобрителный кивок, вошел.

Заречный что-то набирал в ноутбуке, а Светка висела на громкой связи.

— Котик, — пела она. Если что и бесило друга по-настоящему, то это обращения типа «котик», «пупсик» «медвежонок» и прочие «ежики». — Котик, ну можно я в губы еще гиалуроновой кислоты закачаю?

— В задницу себе закачай! — в сердцах буркнул Димка и снова застучал по клавишам.

— Так ты непротив, милый, чтобы я и попку себе поправила? Ура! Ты просто пусик! Не знала, как тебе об этом сказать, мой медвежонок!

Антон тяжело вздохнул, наблюдая, как меняется взгляд Заречного. Таким и убить недолго. Британцева оказалась еще глупее, чем он о ней думал изначально.

— Мозги себе закачай, Света! И не смей мне больше звонить! — Заречный отключил связь и тут же нажал селектор. — Марина!

— Да, Дмитрий Петрович! — тут же раздался испуганный, но мелодичный голосок секретарши.

— С Британцевой меня больше не соединяй. Никогда.

— Поняла, Дмитрий Петрович. Вычеркиваю! — радостно пискнула Мариночка.

Потемкин довольно улыбнулся. Ну вот, без особых хлопот заработал ужин в приятном обществе со вполне очевидным продолжением. В этом Антон уже почти не сомневался.

— Чего тебе, Антох? — спросил Заречный после того, как мужчины пожали друг другу руки.

— Да демонстражники мои вернулись ни с чем с Комсомола. Хотел спросить, в чем траблы?

Обычно Димон решал подобные проблемы на раз. Точнее, на памяти Потемкина, их вообще не возникало. Все проходило гладко, как по маслу. Но не в этот раз. Заречный нахмурился и вперил взгляд в витражное окно, за которым раскинулся город.

— Не понимаю, что с этим объектом не так, — наконец произнес он. — Сначала чиновники таксу вдвое загнули, потом с расселенцами бодались полгода, в итоге пришлось им царские хоромы выделять, только чтобы съехали.

— А сейчас в чем там беда, раз все съехали? — напрягся Потемкин.

— Все да не все, — тяжело вздохнул Димка. — Бабка там одна уперлась рогом. Предки, говорит, мои здесь, и я здесь останусь. Ни в какую ордер не берет! Зараза старая!

— А ей объяснили, что она к предкам-то легко на любом автобусе в любой момент доехать сможет? Что на том месте культурный центр для всех построят?

— Да уж не без этого! — Заречный с силой потер виски, словно его мучила головная боль.

— Звать-то ее как?

— Усольцева Агрипина Саввична.

— Как? — удивленно переспросил Антон.

— Ты слышал.

— Ну и имечко. Ископаемое какое-то.

Ожил селектор.

— Дмитрий Петрович, простите, что беспокою, но к вам тут посетитель, — пропела секретарша.

— Я занят, Марина! Для всех!

— Но это Усольцева Агрипина Саввична.

Мужчины переглянулись, подобрались и...

— Проси! — выдохнул Заречный, усаживаясь в свое кресло. Потемкин встал за его спиной. — И чая принеси, с сахаром, лимоном и чем там еще...

— Баранками, — подсказал Антон.

— В общем, сама сообразишь!

Глава 2

Глава 2

В кабинет вошла старушка. Обычная с виду. Аккуратная, чистенькая. Таких тысячи на улицах родного города, но в этой было нечто такое, что заставило Заречного напрячься и расправить плечи. Антоха за спиной крякнул, кашлянул и едва слышно выругался, видимо, в кулак, чтобы заглушить резкие слова. Дмитрий и сам бы хотел последовать его примеру, да не пристало главе фирмы так опускаться перед клиентом, с которым он планировал разойтись полюбовно. Хоть и предполагал — просто не будет.

— Добрый день, — Заречный поднялся и шагнул навстречу гостю, протягивая для приветствия руку.

Глупо. Потому что ведьма Усольцева смерила его таким изучающим взглядом, что внутри у него похолодело, а ладонь так и осталась протянутой.

— Может кому и добрый, — хмуро ответила посетительница.

Дмитрий хмыкнул и, чтобы сгладить возникшую неловкость, быстро убрал руку за спину, а потом открыто улыбнулся отрететированной улыбкой. Такой какая, по мнению психологов, пиарщиков и кризисных менеджеров сражает наповал женщин и способствует возникновению симпатии между партнерами.

Бабка не оценила. Да и куда ей. Наверное, позабыла уже, как женщиной была, а партнер из нее, как из дерьма пуля. Так себе партнер, прямо скажешь. Плевать, ему главное, чтоб Усольцева документы подписала и ордер взяла, а потом на дальние озера или в устье, на несколько дней с удочкой. На природе все быстро забывается, а уж такое недоразумение в болоньевой курточке — тем более.

— Чем обязан? — в конце концов, это она к нему пришла.

— Ты что ли большое начальство будешь? — уставилась на него бабка. А глазищи голубые, яркие. Не бывает таких у старух — выцветают они к старости.

— Я, — не стал отпираться Заречный.

— Вижу, что ты. Вон какой вымахал, косая сажень в плечах-то. И умом мир не обидел, только мудрости не накопил, — не отводя взгляда, произнесла Усольцева.

И странное дело, вроде похвалила его, и ничего ругательного не сказала, а стало стыдно, будто отчитали, как нашкодившего мальчишку. Зря он думал, что с Усольцевой трудно будет. С этой кикиморой только чудо поможет договориться.

— Дмитрий Петрович, — ожил на столе селектор. — Чай подавать? С баранками.

— Подавай, — ответил Марине, стоящий рядом со столом Антон. Заречный глубоко, почти обреченно вздохнул и отодвинул для гостя стул.

— Присаживайтесь, Агрипина Саввишна. В ногах правды нет.

— Верно говоришь, — ответила бабулька. — В ногах нет. Правда, она в душе, да в сердце. А чай мне с тобой распивать некогда. Я чего к тебе зашла-то, большой человек. Землю вам свою не отдам! Костьми лягу, а не отдам!

— Положим, земля, гражданка Усольцева, не ваша, а муниципальная. Принадлежит городу, а вот за дом вам положено вполне достойное вознаграждение. Вы же не хотите, чтобы наше общее дело до суда дошло, правда?

— Знаем мы суды эти ваши. Все куплено. Вон уже даже земля предков человеку не принадлежит. Ты вот что, больше орлов своих не присылай от греха подальше. И сам держись от скита в сторонке. Не по зубам тебе земля эта, и так почти весь свет убили.

Старушка говорила твердо, четко и до предела ясно, ничего не опасаясь. Так, словно за ее спиной несколько полков ОМОНа в полной боевой готовности стояло. Эта уверенность и вывела из себя Заречного. Да кто она такая, чтобы с ним вот так пренебрежительно общаться.

— Знаете, что, Агрипина Саввишна! — зарычал он. — Собирайте вещи! Хватит с вами нянчиться! В понедельник с приставами выселять вас приедем!

— Ой! — воскликнула Мариночка, вкатившая в кабинет тележку с пузатым самоваром и чашками.

— Выселять? — как-то очень тихо и со странной улыбкой переспросила Усольцева. Дмитрий мог поклясться, что его речь

совершенно не напугала бабуку, разозлила только.

— Именно! — Дмитрий поднялся, огромной скалой нависая над хрупкой старушкой. — Сроку вам три дня, слышите? Хватит уже хороводы водить, мне для людей строить нужно. А сейчас прошу покинуть мой кабинет.

И, возможно, именно в ту секунду он совершил самую глобальную ошибку своей жизни, указав Усольцевой на дверь.

— Я-то уйду, а ты вот скажи, тебе леса не жаль? Речки? Живой землицы, что силу каждому живущему дает? Умрет она, как только ты ее в асфальт свой запакуешь, — горько вздохнула бабушка.

— Вот только не надо мне тут сказок! Я в них не верю и вам не советую! Ничего с вашей землей не случится, еще лучше станет! — прикрикнул Заречный. Где-то в районе стола снова ойкнула Мариночка.

— Значит, не веришь в сказки? — прищурилась бабка.

— Не верю.

— Что ж, не договорились, значит...

— Не договорились! — Дмитрий и сам не понимал, почему так завелся.

— Придется поверить. Времени теперь у тебя много будет. — Заречный моргнул, на секунду ему показалось, что глаза Усольцевой засияли, словно лампочки на новогодней гирлянде. Чертовщина какая-то!

Бабка опустила на край стола свою сумочку и протянула к Дмитрию руки. Конечно, с сухих морщинистых пальцев не сорвались искры, но вот гром за окном при ясном небе заставил его вздрогнуть.

— Матушка землица наша, прими на службу стража. Лишь водицы он коснется, змеем тотчас обернется! — громко произнесла Агрипина Саввишна, а потом вдруг подошла и дунула в лицо опешившему Заречному. Правда, для этого ей пришлось задрать голову.

— Знаете, что, уважаемая! До понедельника! — заорал он так, что на столе опрокинулась на бок сумочка старушки.

— Это вряд ли, — усмехнулась та и почти участливо похлопала по плечу. — В понедельник тебе не до меня будет. А ты, мил человек, — вдруг обернулась она к Потемкину. — Оставь в покое дочерей человеческих. Не туда смотришь.

— А куда мне смотреть-то, бабушка? — весело хмыкнул Антоха, но руки от пятой точки напуганной Мариночки все же убрал.

— В воду смотри. В воду. Там судьбу свою встретишь.

И больше не сказав ни слова, загадочная посетительница покинула кабинет директора строительной компании.

Первой, как ни странно, отмерла секретарша. Мариночка с испугом взглянула на Потемкина и попятилась. Впрочем, и на Заречного она тоже смотрела с испугом, а, может, с жалостью. Кто их, женщин, разберет. Притворство, алчность и ложь Дмитрий давно научился определять сразу, а вот с искренним сочувствием, симпатией и участием сталкиваться приходилось гораздо реже.

— Дмитрий Петрович! — почти взмолилась Мариночка. — Можно я домой пойду? Что-то у меня голова совсем разболелась.

И только после этих слов, он понял, что у девушки самый настоящий стресс. И не из-за работы. Нет! Марина до дрожи, просто до трясучки и паники испугалась старухиных слов, а на них с Антоном и вовсе смотрела как на покойников.

— Иди, — позволил он.

Секретарь практически бегом, так быстро, как только позволяли короткая узкая юбка и огромные каблуки, бросилась к дверям, но в самый последний момент ответственный работник в ней победил напуганную женщину, и она обернулась.

— А... Баранки? — пискнула Мариночка.

— Иди, — повторил Дмитрий, и дверь за ней бесшумно закрылась.

Заречный вернулся в директорское кресло. Потемкин хрустнул пальцами и медленно направился к окну. При этом от насмешливости друга и следа не осталось.

Бред! Чистой воды бред все, что только что произошло здесь! Какие ведьмы? Какие заклятья? Мы в современном мире живем, где двигатель внутреннего сгорания, показавшийся древним людям могущественным волшебством, уже лет двести никого не удивляет. Мистика? В топку мистика! Все поддается объяснению! Стражи, земляца, водица... Маразм бабку бьет — это и без доктора ясно. Диагноз, как говорится, на лицо. Тогда, почему же он так напряжен, а сердце молотится с такой скоростью, словно Заречный десять километров в хорошем темпе пробежал?

Потемкин снова хрустнул пальцами. Дмитрий поморщился. Странно, эта привычка друга никогда его не раздражала. До недавнего времени. Сейчас же он едва не сорвался, до того захотелось накричать на Антоху, наговорить ему гадостей. А на самом деле? На самом деле Заречный злился не на него, а на себя. Но, судя по поведению, Потемкин тоже нервничал. Зам явно что-то знал и раздумывал, как это преподнести.

Надо же! И все из-за бабульки.

— Хватит там мяться, — усмехнулся он. — Садись, поговорим. Коньячок по пять капель будешь?

— Не отказался, бы, — выдохнул Антон и уселся на стул посетителя.

Заречный достал бокалы и початую бутылку, плеснул по одному глотку. Голова с такими делами нужна ясная, а стресс снять стоило. Посему это не за ради пьянства, а исключительно для здоровья.

Выпили молча. Одним глотком. Выдохнули в унисон и посмотрели друг другу в глаза. Нет, не ошибся он в Тохе. Что-то он знал.

— Говори.

— Знать бы как, сказал бы, — выдохнул Потемкин и запустил пятерню в густую каштановую шевелюру, испортив всю прическу. — В общем, если бы я точно знал, кого нам выселять придется, то отговорил бы тебя от покупки земли еще на торгах. Ведь чувствовал, что муниципалы мутят, недоговаривают и юлят, как мальки на мелководье.

— Поясни.

— У бабки этой больно уж лицо знакомым мне показалось. И пока ты с ней скандалил, я ее внимательно успел рассмотреть и вспомнил. Года три назад знакомая у матери заболела, никто не мог диагноз поставить. Так эта ведьма ее за неделю на ноги поставила, когда та совсем умирать собралась.

— И что было-то? Чем тетка болела?

— А ничем, — рассмеялся Потемкин.

— Как это ничем, раз чуть не умерла?

— Усольцева так и сказала, что нет в ней хвори. А раз болеет, значит, совесть есть. Та тетка всю жизнь завбазой отработала. Сам

понимаешь, какой в стране дефицит всего был. Вот она на проблемах других кое-какой капиталец и скопила.

— А ведьма пришла, и все грехи отпустила? — хмыкнул Заречный.

— Нет, немного не так было, но суть ты ухватил верно, — усмехнулся Антоха, наслаждаясь меняющимся выражением лица друга. — В общем, Усольцева ей сказала, что совесть ее к земле тянет, манит тетку там что-то. С тем и ушла.

— Как ушла? Погоди, ты же сказал, что выздоровела материна знакомая.

— Ага, выздоровела. Плесни-ка еще глоток, — Потемкин подставил бокал, и Дмитрий на автомате налил коньяку. — Так вот, слова ведьмы для всех загадкой остались, а тетка-то быстро смекнула, что там к чему. Закопан у нее был на даче клад со скопленными деньгами. Жить всем хочется, жизнь ее ни за какие деньги не купишь. Жаль вспоминают некоторые об этом поздно. Выкопала она клад и перевела все деньги по детским домам области. Приличная, я тебе скажу, там сумма вышла. Долго потом газеты писали о неизвестном меценате. Вот такая история, Димон.

Потемкин залпом влил в себя содержимое бокала и крикнул.

— Только не говори мне, что ты веришь во всю эту сверхъестественную чушь, — нахмурился Заречный. — Совпадение и ничего более. Если бы совесть на тот свет тянула, у нас среди чиновников такой мор начался бы, что в похоронные бюро очереди бы выстроились.

— Может и совпадение, но факты — вещь упрямая. Просто про Усольцеву чего только не говорят: и лечит, и предсказывает, и заговаривает. Ворожит даже! И всегда успешно.

— Тоха, ну ты сам подумай головой! Что она тебе предсказала? Девок не трогать, а в воде свою женщину искать? Щуку, что ли?

— Не о женщине она говорила, а о судьбе. Может, утону я скоро.

— Конне-е-ечно! Ты еще фобию в себе развей от слов ведьм недоделанных! — разозлился Дмитрий. — Хорошо, давай возьмем не тебя, меня. Если верить бредням старой карги, то, прикоснувшись к воде, я теоретически должен превратиться в какого-то стража земли. Проверим?

Заречный вскочил, подошел к столу для заседаний и налил из графина в стакан воды.

— Что ты задумал? — напрягся Потемкин.

Если уж совсем откровенно, то и сам Дмитрий сейчас переволновался не на шутку, но отступить не собирался. Будь, что будет!

— Доказать тебе хочу, что все твои доводы бред и сказки! — с этими словами он зажмурился и выплеснул воду себе в лицо.

Пару секунд Заречный стоял, не дыша, не шевелясь и не открывая глаз. Вода стекала по коже, капая на рубашку. Пожалуй, никогда еще в крови Дмитрия не бывало столько адреналина. Да, подобные эксперименты прочищают мозги круче, чем все известные ему способы. Только осознав, что все еще ощущает себя собой, он открыл глаза и посмотрел на застывшего с открытым ртом друга.

— Ну? — спросил Заречный. — Что изменилось? Может, у меня рога выросли? Клыки? Тело чешуей покрылось? Что молчишь?

Антоха еще раз плеснул в бокал на глоток коньяка и тут же выпил.

— Убедился? — никак не мог успокоиться Дмитрий.

— Убедился. Твоя взяла! — согласился Потемкин.

— А раз так, то и тебе нечего воды опасаться! Погнали на рыбалку! — хлопнул он зама по спине.

— Ты за руль! — хмуро констатировал Антон, бросив взгляд на пустой бокал.

— Идет. На сборы полчаса, едем на ближнюю заимку.

* * *

К домику подъехали, когда солнце уже садилось. Сторож выскочил навстречу, раскрывая створки добротных деревянных ворот, украшенных коваными элементами.

— С прибытием, Дмитрий Петрович, — поприветствовал он. — Надолго ли к нам?

— Здорово, Михалыч. На пару деньков планировали. Не прогонишь? — улыбнулся Заречный. Деда Соломатина он по-своему любил.

— Как можно, — развел руками тот. — Может, чайку с дороги?

— Не-е-ет! — рассмеялся Антон, доставая из багажника поклажу. — Сейчас переоденемся и как раз на вечерний клев усеем.

— Ты пока лодку расчехли. Да, я тут тебе из города мазь привез от артрита, — Заречный протянул старику тюбик. Знал, что со своей пенсии тот не сможет себе позволить подобное лекарство. Очень уж Михалыч в прошлый раз страдал от застарелого недуга.

— Благодарствую, — кивнул ему дед. — Токма мы к народным средствам приучены. Травок попил, барсучьим жиром смазал и уж почитай забыл, что беспокоило.

Для наглядности Михалыч несколько раз сжал и разжал пальцы на руках.

— Все равно возьми. Мало ли, пригодится.

Он вручил сторожу тюбик и прошел в дом. Любил Заречный бывать здесь. Тишина, покой, а воздух такой вкусный, что хоть на хлеб его намазывай.

Переоделись быстро, собрав нехитрый скарб, приманки и спиннинги. Михалыч уже топтался у небольшого причала.

— Никак на тайменя собрались? — прищурился он.

— Если повезет, — пожал плечами Антоха.

— Обязательно повезет, — усмехнулся дед. — Полнолуние, однако, да и сиг с хариусом хорошо уж почитай дня три клюют. Вы вот что, поезжайте-ка за Косогорову косу, к серым камням, где омуты. Там и ловите. А я вам приманочку дам хорошую.

Сторож довольно резво для своих годков припустил к домику и уже через пару минут вернулся обратно. Мужчины едва успели сложить в лодку вещи.

— Натте вот! — он с гордостью протянул полиэтиленовый пакет, в котором лежало несколько трупиков полевых мышей. — Для зятя готовил, да уж ладно, берите.

— Михалыч, да у нас с собой все, — кивнул на брезентовую торбу Антоха. — Мыши искусственные, от настоящих не отличишь!

— Это ты не отличишь, — по-доброму хмыкнул дед. — А таймень — рыба не глупая, за версту подставу чует.

— Спасибо, — улыбнулся ему Дмитрий и забрал пакет.

— Ну, как говорится, храни вас бог, робяты! А я вам к полуночи-то баньку налажу, хоть попаритесь как люди.

Клев был. Сиг и хариус, как сказал дед, только что в лодку не прыгали. Тоха даже умудрился на мелководье в зарослях сома поймать. Небольшого, конечно. Но на пару килограммов вытянет.

Рыбалка шла полным ходом, а вот царский трофей, ради которого, собственно, и приехали сюда, никак не хотел попадаться. Все было, а тайменя не было.

Уже стемнело, на унизанное мириадами звезд небо выкатилась круглая, как головка сыра, луна. На воде появилась серебристая дорожка. Откуда-то доносилось уханье ночных птиц, изредка раздавался плеск воды, словно кто-то потревожил рыбу. И более тишину ничто не нарушало.

— Странно, гнуса нет, — тихо произнес Антон, гипнотизируя едва различимую в темноте снасть.

— Чего ж странного? Здесь же пихты кругом, поэтому и комаров мало, — ответил Заречный. — Ладно, пойду я еще вон с того камня пару раз заброшу. Нет, значит возвращаемся.

— Может не сейчас? Ночь уже. А завтра с новыми силами сюда? — попытался отговорить его Потемкин.

— Успех в рыбной ловле, Тоха, прямо пропорционален количеству сделанных забросов. Так что, еще две попытки! — хмыкнул Дмитрий и, что-то напевая, направился к облюбованному месту.

— Ну и иди, — беззлобно пробурчал в его спину друг. — А я, пожалуй, пивка выпью.

Он открыл банку, сделал глоток, но любопытство победило и пришлось топтать к сосредоточенному Заречному.

— На блесну? — поинтересовался Антон, подойдя ближе.

— Нет, решил наживку Михалыча использовать.

— Сдурел? Ничего современнее под рукой не оказалось?

— Ловили же как-то раньше, и сейчас ловят, — Заречный напрягся. — Ключула!

— Да ладно? — Потемкин подошел еще ближе, но остановился на таком расстоянии, чтобы не мешать другу.

— Похоже, что-то крупное... — почему-то почти прошептал Дмитрий.

— Не спеши... Веди его... Веди... — Потемкин не мог отвести глаз от воды. — Смотри! Спина мелькнула! Не спина — спинища!

— Неужто таймень? — все еще не веря своей удаче, спросил Заречный.

— Он самый! Огромный! Килограмм на пятнадцать! Не меньше! — восторженно заорал Антон, начисто позабыв про пиво. — Подводи... Я его с этой стороны под хвост подсакком...

Определенно, в рыбалке самое главное не трофей, а процесс вытаскивания этого трофея из воды. Настроение поднялось, азартом блестели глаза.

— Что-то тяжело идет. Там не меньше двадцатки, я думаю, — сообщил Заречный.

— Гонишь! — благоговейно выдохнул Потемкин и тут же заорал: — Какие двадцать? Там все пятьдесят! Видел?!!

— Да! — процедил Дмитрий.

Огромная рыба неумолимо приближалась к берегу, но из воды больше не показывалась.

— Легче пошло, вроде, — выдохнул Заречный.

И в этот момент таймень ударил по воде хвостом и развернулся. Не ожидавший такой подставы рыбак пошатнулся, не удержался на валуне и рухнул в воду.

А дальше... Дальше Антон вообще ничего не понял. Сверкнул столб брызг, друг исчез под водой, с характерным треском таймень ушел с мелководья, утянув за собой новенький спиннинг. Леший бы с ней, с этой рыбой, вот только Димона нигде не было. Антон кричал, звал, несколько раз прошел берегом, обогнув косу, но Заречного и след простыл.

Потемкин метнулся к лодке. Вызвал спасателей, которые заслышав фамилию шефа, просто не посмели отказать, взял фонарь помощнее и вернулся к реке.

— Димо-о-о-о-он! — заорал он.

Послышался всплеск, словно в самом центре реки барахталось нечто огромное. Мелькнуло гигантское, покрытое серебряной чешуей тело, которое тут же скрылось под черной водой. Зато показалась голова. Если бы об этом кто-то рассказал Антохе, скорее всего он бы поржал, подняв вруна на смех. Но Потемкин еще доверял своим глазам и никогда не жаловался на зрение. Обнаруженное животное было

водным драконом, совершенно таким же, как в китайских картинах древности — массивная голова с огромными зубами, змееподобное тело и мощные плавники.

Если в реке водится подобное чудовище, то Заречного вряд ли найдут. По крайней мере, целым и живым. Монстр развернулся в сторону Антохи и внимательно посмотрел на него. По спине побежал холодный пот, а внутри как-то нехорошо екнуло. Другу он уже ничем не мог помочь, но себя спасти еще пока было ему под силу, и Потемкин отступил от воды. Вряд ли водный дракон полезет на сушу.

Зверь странно засвистел, а потом ушел под воду, ударив напоследок хвостом, и скрылся из вида.

Антон так и простоял, не сойдя с места до самого прибытия вертолета. Очнулся со стаканом водки в руке, а рядом хлопотал обеспокоенный Михалыч. Дед заглядывал ему в лицо и все приговаривал: «Ну как же так?».

Потемкин махнул огненной жидкости и понял, что никому не сможет рассказать о драконе. Его же просто сочтут за сумасшедшего. Но и в себе держать такое было выше его сил. Сторож казался идеальным вариантом, поэтому, не долго думая, Антоха вывалил на Михалыча всю правду, произошедшую с ним и с Заречным.

— Дракон, говоришь? — потер заросший щетиной подбородок дед.

— Да, на китайского похож, с плавниками и чешуей.

— Сам не видел, врать не буду. Но дед рассказывал, что в старые времена заплывали к нам такие животные. Из Байкала, стало быть. Их в народе еще стражами земли кликали.

Стражами земли? Потемкин обомлел и практически лишился дара речи. А ведь все вышло, как ведьма старая сказала. Коснулся Димон воды и обернулся змеестражем. Вот так и не верь в сказки...

Антон утер лоб, вмиг покрывшийся испариной, и зашагал к машине. Чертовщина какая-то! Конечно, поиски никто не свернет, хотя они и напрасны, а вот с гражданкой Усольцевой ему поговорить придется. И бог ему в помощь.

Глава 3

Глава 3

Еще один день позднего лета клонился к закату. Пахло бензином, пылью и еще чем-то промышленным, вызывая головную боль и стойкую ностальгию по деревенскому прошлому. Часа не проходило, чтобы я не вспоминала «Ведьмин скит». Несмотря на то, что одна бабушка все же переехала со мной в город, я скучала. Скучала по всему, к чему привыкла с детства: по речке, лесу, небольшим озерцам, смотрящим в небо своими голубыми глазами, по медовому аромату луговых трав и по людям — простым, бесхитростным, совершенно не умеющим таить злость.

В городе все иначе. Порой, мне казалось, что мерзкие запахи настолько впитываются в людей, теснящихся здесь, что делают зловонными и умы, и даже души. Потому что иначе просто не объяснить многих поступков местных жителей.

Да бог с ними! Своих проблем хватает. Наверное, и у них так же. Неприятности давят, заставляя хитрить и изворачиваться, подстраиваться под систему. Многие на этом сломались. Особенно кто послабее. А я? Я держусь. Хотя... Хочется, как в детстве, уткнуться в бабушкино плечо и рыдать до опухших глаз и красного носа, некрасиво всхлипывая, шмыгая и усиленно сопя.

Конечно, в тридцать лет жизнь не заканчивается, но стремительно отдаляется от станции «беззаботная молодость» на пути к станции «одинокая старость». И только от нас зависит, изменит ли состав свой путь, направится ли в желаемую точку «счастье». Мой поезд застыл на перепутье, словно закончилось топливо.

Точнее, еще сегодня утром мне в очередной раз казалось, что он мчится к вожделенному и такому необходимому для каждой нормальной женщины счастью. Но тогда почему я сейчас возвращаюсь домой, к бабушке, волоча за собой чемодан на колесиках? Что со мной не так? Третьи серьезные отношения в моей жизни и третья неудача. Возможно, нужно быть терпимей или, быть может, менее принципиальной. Но...

Иногда бывают такие ситуации, когда уступить, значит убить себя, растоптать, взять на душу такой камень, жить с которым попросту не сможешь.

Неужели, это я на крыльях радости всего пару часов назад неслась домой. Так хотелось приготовить вкусный ужин, навести уют в небольшой квартирке Вадима, которую последние два месяца мы делили на двоих. Автобус, супермаркет, пакеты с продуктами, гулкая лестница — все это промелькнуло как одно мгновение. Время летит, когда ждешь встречи с любимым.

Я никак не ожидала увидеть его пьяным, небритым и практически голым, не считая полуспущенных семейных трусов и одного носка. Где в это время пребывал его второй брат, думаю, и сам хозяин был не в курсе.

— А-а-а, явилась? — процедил сквозь зубы Вадим, едва взглянув на меня, и плеснул в стопку из початой бутылки водки.

Признаться, такого приема я не ожидала. Еще утром, перед работой, все было совершенно нормально. Впрочем, как и всегда. Хотя нет. Нормально не было уже давно. С тех пор, как я обнаружила, что Вадим игрок. И не просто игрок, а болезненно азартный, которого этот процесс затягивает настолько, что становится патологической жадой. Ни уговоры, ни просьбы, ни к чему не привели. Он просто стал скрывать свои походы в подпольные игорные дома. А когда я все же ловила его на лжи, говорил:

— Я почти отыгрался. Ленка, еще один такой раз и мы будем в шоколаде!

Целовал, кружил, беззаботно говорил разные приятные женскому уху глупости, а потом начинал все сначала. Последний такой разговор у нас состоялся буквально пару дней назад. Тогда Вадим поклялся, что больше никогда не сядет за игровой стол, не сделает ни единой ставки и, вообще, начинает новую жизнь, в которой лишь он, я и наше счастливое будущее.

Поверила ли ему? Когда любишь, доверяешь. Иначе грош цена таким отношениям. Вот и я изо всех сил старалась верить любимому. Но, видимо, зря. Он в очередной раз обманул, променяв на вращающийся волчок рулетки.

Пакеты оставила в коридоре, а сама, не раздеваясь, прошла в кухню и села напротив. Вадим продолжал меня игнорировать. Выпил,

скривился, несколько раз попытался наколоть маринованный огурец в открытой банке. Потом, видимо смирившись с неудачей, просто занюхал куском хлеба.

— Рассказать мне ничего не хочешь? — устало спросила я, все еще на что-то надеясь.

— Тебе правду или как всегда? — Он уставился на меня осолопевшими от хмеля глазами, почесал грудь и нагло ухмыльнулся.

— Давай для разнообразия правду, — обреченно кивнула я. Даже по этим его словам было понятно, что ввали мне постоянно и регулярно.

— Ты во всем виновата! — вдруг зло выкрикнул Вадим. — Все из-за тебя!

— Я? — удивлению не было предела.

По правде говоря, я никогда не видела Вадима в таком виде. Он и привлек мое внимание своей элегантностью, чистоплотностью, манерами. Ухаживал красиво, букеты, собранные со вкусом дарил. Причем, выбирал моменты, когда его подарки могли оценить окружающие. И не важно, коллеги или подружки, главное, чтобы люди видели его отношение ко мне.

Точно. И как же я раньше не замечала, слепая влюбленная курица? Мы и дома почти не сидели, все время ходили по таким местам, где он мог похвастаться спутницей. И наряды для прогулок сам выбирал... Я не особенно люблю обтягивающую одежду и короткие юбки, но Вадим настаивал, все время повторяя, какая красивая у него женщина. А мне просто хотелось доставить ему удовольствие, хотя все время не покидало желание прикрыться под липкими взглядами участников гламурных сборищ.

Бабушки, опять же, его не одобрили. Обычно их мнения разнились, но в отношении Вадима обе были непримиримы.

— Не пара он тебе, Еленка. Карты не врут! — приговаривала бабушка Ядвига, как только я появлялась дома.

— Гниль он, а не человек! — в сердцах приговаривала бабушка Гриппа. Хорошо еще, что с ней мы виделись значительно реже, в «Ведьмин скит» из города не наездишься, да и гадости о человеке которого впустила в свое сердце, по правде говоря, было очень неприятно слушать.

А теперь вот прозрела. Словно пелена с глаз спала. Словно морок на Вадиме висел все время, маскируя слабака под нормального мужчину. Эх, а может просто я глупая. Придумала себе сказку и сама же в нее поверила.

— Ты, ты, Леночка! Я ж ради тебя красавицы старался... Из кожи вон лез! Чтобы у тебя все... — взвизгнул мой теперь уж точно бывший возлюбленный.

Любовь ослепляет, и вернуть зрение только боль душевная и помогает.

— Слушай, Протасов, а ты меня когда-нибудь любил?

— Ой, не начинай! — отмахнулся Вадим и поскреб заросший подбородок. — Любовь для слабаков.

— А ты значит сильный?

— Представь себе, Ленчик! Представь себе!

И ведь прекрасно знает, что мне не нравится это сокращенное «Ленчик», но задался целью сделать мне побольнее. Только вот с тех пор как глаза открылись и от сердца отлегло.

— Жалкий ты, Протасов, — сказала я и попыталась подняться, но следующие слова Вадима все же ударили.

— А ты лгунья!

— Лгунья? — вот теперь я начала злиться. Во мне просто встрепенулось наследие предков, и глубоко похороненная ведьма восстала из пепла.

— Лгунья! Ты клялась, обещала мне во всем помогать, а сама?

Я не представляла, о чем идет речь и к чему клонит изрядно подвыпивший Протасов.

— А я? — задала, как мне казалось, наводящий вопрос.

— Вместо того, чтобы помочь, вытащить из долгов, подставила меня перед такими серьезными людьми! — подался вперед Вадим.

— Что? — я все же поднялась, от гнева сила все же выплеснулась, и банка с огурцами раскололась на две ровные половинки, забрызгав стол и семейные трусы бывшего возлюбленного.

— Ведьма! — заорал он.

— Упырь! — не осталась в долгу я. — Колись, когда это я тебя подставила?

— Я тебя, как человека просил помочь Гольцману, а ты? — зловеще прошипел Протасов. Никогда не видела его в таком

бешенстве.

— А я сказала, что посмотрю можно ли для него что-то сделать!

— И?

— Что «и»? Посмотрела! Нельзя! — я тоже орать так, что стекла дрожат, умею. — У твоего важного Гольцмана химзавод, а система очистки ни к черту. Он нашу реку загрязняет! Подписать новое разрешение на работу без замены оборудования — это не просто пожертвовать своей репутацией хорошего эколога, но и поступиться со своей совестью!

— Скажите, пожалуйста! О совести она вспомнила! Да ты знаешь, что ты сделала? Знаешь?

— Ну, расскажи мне, что я сделала?

— Ты ему отказала!

— Отказала, и что? — чувствовала, темнит Протасов. Даже в изрядном подпитии юлит и не договаривает, поэтому рявкнула: — Колись!

Ох, уж этот бабушкин дар! Когда вырывается сила, тут и мертвый всю свою подноготную расскажет.

— А то! Я под это разрешение денег у него взял, — скривился Вадим и снова плюхнулся на стул.

— Где деньги? — Протасов молчал. — Где?!

На этот раз сила не просто развязала ему язык, она сдавила, заставив Вадима захрипеть от боли.

— Хватит... — простонал он. — Проиграл... Я их проиграл, поняла? И теперь нам капец! Обоим!

— А я тут причем? — опешила, собственно, я.

— Думаешь с моими долгами мне бы денег дали? Нет, милая! Их дали тебе! Так что мы с тобой повязаны!

— Ну и гнида же ты! — поднялась, взяла бутылку водки и вылила остатки на голову Вадима. — Я ухожу.

После этих слов спокойно пошла собирать вещи. И, что самое главное, ничто внутри не екало. Я вообще не сожалела о случившемся. Все, что произошло, казалось мне закономерным и правильным.

— Ну и вали! Беги, как крыса с тонущего корабля! — кричал мне вдогонку мокрый пьяный и потерянный Вадим, но мне на него было ровным счетом наплевать.

Эту страницу своей жизни я уже перевернула.

Ведьмы не умеют долго грустить и расстраиваться. Не знаю, хорошо это или плохо? Возможно, расстраивайся я из-за своих неудавшихся отношений чуть дольше, больше бы их ценила. Но, единожды разочаровавшись, человек просто переставал для меня существовать. А жалеть о пустом месте не слишком умно. Такая категоричность коробила, но вполне накладывалась на ведьминскую сущность. Против дара не попрешь, с ним рождаешься, развиваешь и живешь. И совсем не важно принимаешь ли ты его всем сердцем, всей душой. Он уже есть, как неотъемлемая часть тебя, как сегмент твоего бытия, как инструмент, данный тебе, чтобы постичь нечто глубинное, значимое и необходимое.

Общественный транспорт я проигнорировала, такси не взяла. До уютной элитной многоэтажки, где мы совсем недавно с бабушкой Ядвигой получили квартиру, было рукой подать, поэтому решила идти пешком, немного срезав путь. Душевное состояние почти пришло в норму, когда вошла в тенистую аллею. Старые каштаны, как могучие стражи, возвышались вдоль гравиевой дорожки.

Удивительно, но здесь почти не встречались прохожие. Городские жители предпочитали пыльные тротуары проспектов парковым зонам. Мне же деревья были милее. Кроме того, шелест листвы настраивал на позитивный лад, а навстречу свежему ветерку, дующему от реки, хотелось подставить лицо, и вздохнуть полной грудью.

Проблемы поджидали на выходе из парка. Не успела я свернуть в знакомый двор, как дорогу мне преградила темная машина с тонированными стеклами, едва не отдавив ноги.

— Смотреть надо, куда едешь, — хмуро буркнула я, примериваясь, как бы по дуге обогнуть внезапную преграду, не сломав при этом каблучки и не испортив колесики чемодана.

Вот только не успела.

С двух сторон хлопнули дверцы, и передо мной, словно по волшебству, выросли два амбала. Собственно, мне бы и одного хватило, потому что детины оказались выше меня вдвое и шире в обхвате в несколько раз. Не говоря уж о том, что их бицепсы были толще моих бедер в самой широкой их части.

— Тормози, козочка! — хмыкнул один из них, с бритым темным ежиком и татуировкой скорпиона на мощной шее.

— Простите, это вы мне? — тихо спросила я и на всякий случай притянула к ногам чемодан.

— А то кому же? — оскалился его полностью лысый напарник.

На мой взгляд, ему не стоило демонстрировать свою, пусть будет, улыбку настолько рьяно, потому что зубов катастрофически не хватало, и это портило впечатление. В том плане, что его воинственность как-то меркла на фоне зияющих черных провалов в желтоватом оскале. На хищника он явно не тянул. Да и в природе животное-инвалид не может занимать лидирующих позиций в стае.

Ох, снова из меня дар лезет в самый неподходящий для этого момент! Мне сейчас бояться нужно, дрожать там, ну или переживать, на худой конец, а я стою и едва сдерживаю рвущийся наружу смех.

— Если допустить, что я козочка, то вы-то, простите, кто? — все же озвучила свои мысли.

— Э, батан, телка нас че щас козлами обозвала? — проявил недюжинный интеллект лысый. До первого, похоже, дошло только после догадки второго.

— Че? — вскинулся он и попытался подойти еще ближе. — У нее походу запчасти казенные!

— Стена! — выкрикнула, вскидывая свободную руку и мысленно представляя перед собой кирпичную кладку.

Бритый напоролся на невидимую преграду и отскочил, потирая ушибленный лоб.

— Так чего хотели-то, мальчики? — невинно поинтересовалась я.

— Ведьма! — выплюнул травмированный первый.

Ну да, ведьма, и что с того? Можно подумать, я выбирала, кем рождаться! Меня, знаете ли, не спрашивали. И, если уж говорить начистоту, то ничего, кроме проблем, мне дар не принес. Разумеется, бандитам ничего объяснять не стала.

— Вован, че с тобой? — спросил интеллеktуал и, собственно, его и проявил осторожно ощупывая пространство перед другом.

На его лице промелькнула мысль, за ней еще одна, а потом физиономия вытянулась в удивлении. Видимо, мозг отказывался верить в то, что зрительная пустота может расходиться с тактильными ощущениями, ибо преграду он все-таки нащупал.

— В общем, так, телка! — выпрямился бритый, вопрос товарища он проигнорировал.

— Что же вас все на парнокопытных-то тянет? — не то что бы спросила, скорее, усмехнулась я, вот только громилы не разделяли моего веселья.

— Слушай сюда! — нашелся интеллектуал. — Это ты сейчас крутую из себя строишь, фея хренова! А от случайной пули тебя никакие фокусы не спасут. Наше дело маленькое — предупредить. Помогите серьезным людям, и будет тебе счастье. А не сможешь, твой Вадечка затеряется, как там у вас, волшебников говорят, в пространстве и во времени, усекла?

Слишком прозрачный намек конкретно указывал на Гольцмана и его «просьбу». Грязно играет, да и просит незаконного. Странные люди, не понимают, что гадить там, где живешь, неразумно и неприятно. А вот в одном лысый прав, дар может защитить от угрозы, когда знаешь, откуда она исходит. Пуля может прилететь с любой стороны. Тут никакая интуиция не спасет. И все же страха не было, потому что никто не вечен, а правда, хоть у всех и разная, но должна звучать в унисон с совестью. Моя же совесть не позволяла содействовать Гольцману.

— А если мне плевать на то, где потеряется Вадечка? — спросила я, прямо посмотрев в глаза лысому.

Интеллектуал взгляд отвел мгновенно. Есть что скрывать парнишке, много грехов на душе. Тут, чтобы понять, и дар не нужен.

— Тогда бабушка оплачет любимую внучку, а на твое место, коза, сядет наш человек! — посыпались угрозы от бритого.

Впрочем, я не сомневалась, что эти люди не шутят и вполне могут перейти от запугиваний непосредственно к делу. И, пожалуй, у меня в руках не было рычага, способного повлиять на такого человека, как Гольцман, но сдаваться я не собиралась.

— Хозяину передайте, чтобы больше холуев не присылал. Не о чем мне с ним говорить, — спокойно ответила я. — И пусть сам почаще оглядывается, для своей же пользы.

Больше говорить нам было не о чем. Подхватив чемодан, направилась к родному дому, но остановилась, когда услышала:

— Ты еще и угрожаешь, сучка?

Дар, как всегда, влез не вовремя. Но, не предупредить людей, даже если они мерзавцы и откровенные преступники, я не могла, поэтому, не поворачиваясь, произнесла:

— Предупреждаю. Последствия никому не понравятся. А вот на вашем месте, я сегодня не садилась бы за руль. Воспользуйтесь общественным транспортом, целее будете.

И продолжила свой путь.

— Да я... Да ее... — раздалось сзади, но быстро стихло.

Хлопнули дверцы машины, взревел мотор, словно водитель со всей дури дал по газам, а потом все стихло. Не поверили. Жаль. А я ведь предупредила, потому что точно знала, что их тонированный черный монстр сегодня попадет в крупную аварию. Не знала только, смогут ли выжить все пассажиры. На меня иногда накатывали откровения, расплывчатые, неясные, без подробностей, но всегда правдивые.

Не верить ведьме — последнее дело. А вот верить — личное дело каждого.

Глава 4

Глава 4

— Давно бы так! — хмыкнула бабушка Ядвига вместо приветствия, увидев меня в коридоре с чемоданом. — Мой руки, у меня щи уж два часа томятся тебя поджидаячи.

— Ждала! — не спросила, а констатировала я, взглянув в смеющиеся глаза любимой родственницы.

— Ну, я все же предсказательница. И, заметь, неплохая! — подмигнула мне дорогая старушка.

Знаю, как тяжело было Ядвиге покинуть «Ведьмин скит», где прошла вся ее жизнь. Ценю, что сделала она это только ради меня. Без нее в городе было бы совсем пусто и душно. Поэтому без лишних разговоров скинула туфли и прошла в ванную.

Да нам и не нужны эти разговоры. С обеими бабушками мы понимали друг друга без слов. С тех пор, как еще в раннем детстве, при довольно загадочных обстоятельствах погибли мои родители, они взяли надо мной опеку. Наша маленькая семья жила дружно и довольно уединенно. Но время берет свое, и когда, окончив институт, я нашла престижную работу, добираться до нее оказалось далековато.

Нам предложили хорошую квартиру взамен домика, и Ядвига, ни на секунду не задумавшись, согласилась на переезд. Жаль бабушка Гриппа не одобряла наших действий. Вернее, тогда было жаль, потому что мы не знали, что «Ведьмин скит» готовят к сносу и полной промышленной застройке. Это означало, что вырубят говорящую рощу, засыпят живые ручьи, а речку-кормилицу изгадят, уродуя бетоном ее берега. Права была моя вторая бабушка. Во всем права. А мы, получается, трудностей испугались, подались за легкой жизнью.

— Как же ты не увидела? — спросила я Ядвигу, когда мы впервые узнали о том, что никакого обещанного дома отдыха в «Ведьмином ските» не будет.

— Будущее туманно и постоянно изменяется под воздействием текущих обстоятельств. — Она похлопала меня по руке. — Рано переживать. Рано.

Вот и все. Она часто изъяснялась непонятно и сумбурно, но почти всегда в конечном итоге оказывалась права. Так вышло и с Вадимом. Глупо задавать себе вопрос, почему я тогда не послушала бабушек. Ведь обе в голос твердили, что не пара он мне, хотели предостеречь от разочарования. Только вот я надеялась. Когда душа жаждет любви, она глухнет, слепнет, а иногда даже немеет. Что тужить о случившемся? Надо жить настоящим.

С момента моего возвращения домой что-то неумовимо изменилось. Я нервничала, бабушка Ядвига хмурилась с каждым днем все сильнее. Кто-то звонил на мобильник с неизвестных номеров и молчал, нагнетая и так напряженную обстановку. Не покидало чувство, что за мной кто-то наблюдает, следит за каждым шагом.

— Подготовьте отчетность по очистным сооружениям в «Северной долине», Елена Мирославовна, — сказал мне начальник, попросив задержаться после утреннего совещания. — За последние три года.

Ого! Объем работы впечатлил. А еще огорчил, потому что именно с этим участком было не все чисто. В микрорайоне в основном стояли многоэтажные старые дома, и все стоки давно пришли в негодность, хотя местные хозяйственники изо всех сил пытались поддерживать их в надлежащем порядке. Но, как это часто бывает, бюджетное финансирование часто запаздывало. И нередко к моменту осмотра недоделок оставалось еще слишком много. Я знала, что они потом исправлялись, поэтому все же подписывала акт, закрывая на небольшие недочеты глаза. Потому что не подписать его, означало оставить несколько тысяч семей без воды.

— К какому числу подготовить документы? — тихо спросила я.

Начальник вздохнул, потом как-то виновато на меня взглянул и снова вздохнул.

— К завтрашнему утру. Перед совещанием получил приказ по факсу. Под вас кто-то копает, Елена. И кто-то серьезный. Это только с виду эколог мирная профессия. Кажется, смотри себе в пробирки, да пиши бумажки. А на деле... — Он снова вздохнул. — Страшные вещи творятся. Мой вам совет, если что-то «просят», уступите. Лучше жить, заключив сделку с совестью, чем не жить совсем. Так-то.

Я кивнула и тоже вздохнула, потому что подготовить все к утру было нереально, даже если ночевать на работе. Значит, завтра меня

уволят по такой статье, что экологом мне больше не работать. Да что экологом, даже лаборантом на рыбной ферме. Обошел меня Гольцман. А вот фиг ему с маслом!

— Знаете, Владимир Алексеевич, — улыбнулась я начальнику. — Предпочитаю смотреть в лицо врага, находясь с ним на одном уровне, а не робко ползать у него в ногах. Разрешите, я пойду?

Он промолчал, но кивнул. А вот когда я уже выходила из кабинета, услышала тихое, но очень искреннее:

— Ну и дура.

Не дура, дорогой Владимир Алексеевич, а просто ведьма. Самая обычная. А нам ведьмам себя терять никак нельзя. Не для нас сделка с совестью.

Войдя к себе в кабинет, достала визитницу и нашла контакты нужного человека. Никогда не думала, что мне когда-нибудь пригодится въедливый журналист, который в былые времена пытался за мной ухаживать. Хотя, ухаживания и Михаил Затеин — это две никогда непересекающиеся вселенные. Как и любовь, в сердце этого мужчины давно и навсегда поселилась его работа. Но надо отдать ему должное, не смотря на свою профессию, Михаил остался честен и порядочен, своим принципам не изменял, зачастую делая такие репортажи, которые никого равнодушными не оставляли. Не зря многие его проекты не доходили до читателя. Риск он любил, уворачиваться от ударов судьбы умел и получал от этого такой кайф, какой вряд ли получил бы от размеренной семейной жизни.

Что ж, именно такой человек мне сейчас и был нужен. Несколько коротких гудков и некогда до боли знакомое:

— Я вас внимательно!

— Миша, привет... — договорить мне не дали.

— Лена? Ленка! Черт! Сколько лет, сколько зим? Как же я рад тебя слышать! — тут же взорвалась трубка, а потом Затеин встревожился: — Случилось что?

— Пока ничего, — успокоила старого друга. — Миш, у меня есть результаты анализов проб воды в реке около химического завода. Могу тебе их отксерить и выслать.

— Усольцева, тебе что, жить надоело? — нарочито небрежно поинтересовался он. — Гольцман шутить не любит. У него один

принцип: нет человека — нет проблем. И поверь, никто ничего не найдет и ничего не докажет. Так что не переходи ему дорогу.

— Уже, — вот почему-то ему врать не хотелось.

— Ну и дура, — вздохнул солидарный с моим начальником Затеин. И, знаете, если одна реакция еще может быть исключением из правил, но две — это уже неизбежная истина. Поскольку сказать мне в ответ было нечего, я промолчала. — Что делать-то собираешься, чудо?

— Жить, — сказала и сама поразилась, насколько неуверенно это прозвучало. — Завтра придет проверка, которая наверняка прекрасно знает где и что копать, меня уволят с волчьим билетом и, по всей вероятности, Гольцману я буду уже не интересна.

— Жить, — передразнил меня Мишка. — Ты, Усольцева, жить не умеешь. Все время себе неприятности на хвост ищешь.

— Не хочешь помогать — не надо, но и осуждать меня не смей! Как умею, так и живу, понял? — задели меня слова Затеина. Наверное, на старые дрожжи легли, а может нервишки шалят.

— погоди, Ленка, не кипятись. Отомстить Гольцману я тебе помогу, не проблема. На него компромата, кроме твоих документов, вагон и маленькая тележка. Только понимаешь в чем дело... — он кашлянул и сделал выразительную паузу.

— В чем? — не выдержала я.

— Статью со всеми разоблачениями накатать — это как два пальца об асфальт. Но на Гольцмана такие спецы работают! У-у-у-у! Сразу смекнут, откуда ветер дует. И тогда тебя никакие бабушки не защитят.

— А причем тут ба... — договорить мне не дали.

— Да знаю я, что все в вашей семейке мистикой окутано, но пули там, Ленка, очень даже реальные. Никакая магия не спасет! — озвучил почти дословно мои совсем свежие мысли Мишка. Как ни крути, а выходило, что мне каюк.

— Что ты предлагаешь?

— Я бы предложил найти тебе покровителя. Такого, против которого Гольцман не пойдет.

— И где его взять? — живо поинтересовалась я.

— То-то и оно, что негде. Был один такой, но тебе он точно не поможет, — хохотнул Мишка.

— Это еще почему? — возмутилась я.

— Да с бабкой твоей, Агриппиной у него конфликт вышел.

— Из-за чего? Она женщина справедливая, зря воевать не станет.

— Зря не станет, — задумчиво повторил за мной Мишка. — Там странная история с землей, где ваш «Волчий скит» стоит, вышла.

— Ведьмин! — поправила его я.

— Что? — не понял Затеин.

— «Ведьмин скит».

— Я так и говорю, впарили ему площади, где ваш «Ведьмин скит» стоит. Заставили пойти на аукцион, а потом фактически слиняли с торгов не известно по какой причине.

— А он не слинял? — усмехнулась я.

— А он не слинял и землю эту купил. Раз бабки вложены, значит, нужно их в дело пустить. Решил он застроить купленные земли. Тем более, что до него муниципалы уже почти всех расселили. А тут бабка твоя несговорчивая. Говорят, поспорили они крепко.

— Да, кто они-то?

— Заречный и бабка твоя. Очевидцы говорят: гром гремел и молнии сверкали. Так что... Даже если сунешься к нему, Ленка, пошлет он тебя в пеший эротический и в чем-то прав будет.

— Ясно, — скривилась я. Верила в гром, и в молнии верила, и пеший эротический казался мне оправданным и очевидным.

— Чего тебе там ясно? — хмыкнул Мишка. — Короче, делаем так... Ты ведь уволиться по статье не торопишься?

— Нет.

— Вот и славно. Тогда завтра ты срочно заболеваешь. Есть возможность сделать больничный лист?

— Кажется, есть. У бабушки участковый врач наш лечится. — Затеин расхохотался. — Ничего смешного!

— Прости, Лен. Просто это так забавно, когда дипломированный медик лечится у псевдоцелителя.

— И ни капельки не псевдо. Бабушка Агриппина причину болезни устраняет, а не ее симптомы. И знает на три порядка больше дипломодержателей, — обиделась я.

— Не возражаю и даже уверен, что это так, но, согласись, ситуация выглядит абсурдно для обычного человека. Ладно, сейчас не об этом. Если не сможешь взять больничный, позвони мне, я все решу. В любом случае завтра на работу ни ногой, а еще лучше поезжай

подальше от города: к дальним родственникам, в пансионат, просто сними домик на природе. В общем, затеряйся, поняла?

— Да.

— Вот и умница. Усольцева?

— А?

— Файлы гони и начинай уже заниматься нашим планом.

— Не нашим, — из вредности поправила я. — Твоим.

— Не принципиально. Жду материал, крошка. Целую в щеки. На связи.

— На связи, — со вздохом сказала я, когда Затеин уже отключился.

Документы по химзаводу лежали в папке и ждали своего часа. Мне их даже собирать не нужно было. Десять минут ушло на то, чтобы сделать копии, отсканировать, отправить Мишке и подчистить за собой все следы.

Ну, вот и все. Локомотив тронулся, теперь его даже стоп-кран не остановит.

Кабинет покидала с чувством выполненного долга. Отчего-то, несмотря на наш с Мишкой спонтанный план с больничным, внутри что-то подсказывало, что на эту работу, именно в это здание, я больше никогда не вернусь. Остановилась, прислушалась к себе и, не обнаружив и тени сожаления, зашагала дальше.

События вокруг меня закручивались столь стремительно, что я никак не могла под них подстроиться. Еще вчера жизнь текла размеренно и неспешно, а сегодня она несется вскачь, покрикивая на меня и подгоняя. Тут и для обычного человека стресс, а уж для потомственной ведьмы и подавно. А чем лечат стрессы? Правильно! Сладким.

Порция мороженого еще никому не мешала. Возможно, и не помогала тоже, но чем черт не шутит. Люди зря говорить не станут. Я пересекла улицу и подошла к лотку. Упитанная продавщица осмотрела меня придирчиво и ревниво, словно определяла, достойна ли я получить желаемый стаканчик из недр ее морозильника. Протянутая купюра решила проблему в мою пользу.

— Вам какое? — неожиданно звонко спросила она, пряча деньги в кошелек, покоящийся на сытом животике.

— Вафельный стаканчик, пожалуйста. Шоколадный.

Получив мороженое, я отошла под две раскидистые липы и присела на краешек скамейки. В сумке отчаянно запиликал мобильник. На экране горела надпись «неизвестный номер». Снова! За что мне это?

— Слушаю вас! — прятаться не в моих правилах. Да и звонившие все равно молчат.

Но на этот раз мне ответили голосом Затеина.

— Ленка, ты где сейчас?

— Ми... — но больше ничего я вставить не успела.

— Это не важно! — бесцеремонно перебил меня старый друг. — Имен не называй, вполне вероятно, что твой номер на прослушке. В общем так, помнишь, я тебе говорил о покровителе?

— Помню.

— Так вот забудь! По моим каналам пришли сведения, что Заречный исчез почти сразу после разговора с твоей родственницей.

— Не думаешь же ты, что моя бабушка могла...

— Да причем здесь твоя бабка! — невежливо снова перебил меня Мишка. — У него и без нее вагон недоброжелателей. Сам факт, что из офиса он отправился на рыбалку со своим заместителем Потемкиным, а вернулся тот один. Никому ничего не говорит, только политику компании резко изменил. Говорят, акционеры жутко недовольны. Кстати, в частности полностью остановлены работы по сносу «Волчьего скита».

— Ведьминого, — поправила я.

— Да не важно это, Лена! Абсолютно.

— А что важно?

— Важно то, что времени у нас еще меньше, чем мы думали. Исчезнуть ты должна немедленно, слышишь? Если такой столп, как Заречный, не устоял, то тебя, милая моя подружка, сожрут и не заметят. Поняла?

«Подавятся!» — подумала я, но вслух произнесла совершенно иное:

— Поняла. Постараюсь.

— Статья выйдет завтра. Файлы огонь.

И Мишка отключился. Черти что творится! Да уж, такому стрессу никакое мороженое не поможет. Я выкинула в урну даже не

распакованный стаканчик и решительно поднялась. Снова зазвонил мобильник.

— Слушаю! — в принципе, я предполагала, что это Затеин забыл дать какие-то ценные указания, но трубка знакомо молчала. Вернее, не совсем молчала. На заднем плане, очень приглушенно играла какая-то музыка. Так, словно звонивший сидел в машине и слушал радио. — Говорите!

— А то что? — вдруг ответил хриплый голос.

— Прокляну! — выдохнула я. Бред, чистой воды. Не может ведьма проклясть, да и не в нашей природе зла желать. Но назидательное, безвредное для души и тела наказание все же придумать можно.

— Ведьма! — зло выдохнула трубка. — Значит, правда. Это ты Лиса с Кабаном завалила!

— Вы что-то путаете, мужчина. Я вообще не охочусь ни на лис, ни на кабанов, ни даже на зайцев.

— Это ты им аварию предсказала! — снова обвинили меня.

А вот это уже было довольно метко, ибо дар порой просыпался, и моменты откровений случались. Припомнить бы, когда предсказала, и кто эти загадочные упомянутые звери. Перед глазами проявилась картинка: огромный автомобиль с остатками тонированных стекол. Только я видела его целым, теперь же он лежал грудой хлама в одном из городских пунктов приемки металла и, видимо, восстановлению не подлежал.

— Бритый и лысый! — ошарашено выдохнула я.

— Вижу, на память тебе грех жаловаться, — хрипло рассмеялись на том конце. — Слушай сюда, Кассандра, кончай со своими чудесами. Выполни то, о чем просят, и живи спокойно. Тебе за это еще и премию подгонят. Запомни, это последнее предупреждение.

Говоривший отключился, ответить я не успела. И вдруг поняла, что это было действительно последнее предупреждение. Для таких догадок даже дар не нужен. Домой летела так быстро, словно за спиной крылья вмиг выросли, и только перед самой дверью остановилась перевести дыхание.

Глава 5

Глава 5

Позвонить не успела. Дверь открылась сама. Бабушка Ядвига выглядела встревоженной, она внимательно осмотрела меня с головы до ног и выдохнула:

— Слава богу, живая!

На этаже остановился лифт. Створки разъехались, и вышла наша соседка по площадке Надежда. В руках она держала полные пакеты с логотипом соседнего супермаркета, а щеки раздувала, словно кузнечные меха.

— Добрый вечер, — поздоровалась я, но как-то на меня женщина не обратила внимания, а вот бабушке улыбнулась.

— Ядвигушка, — зашептала она. — Дай бог тебе и всем твоим близким здоровья и долголетия.

Я вопросительно посмотрела на родственницу. Та смешалась и опустила глаза. Не иначе, как опять химичила! Гриппа точно не одобряла этого, а Ядвига говорила, что плацебо никто не отменял. Вера порой творит чудеса, главное дать человеку надежду.

— Полно, Надя. Полно.

— Нет, Ядвигушка. Ты мне, можно сказать жизнь спасла, беду неминуемую отвела! Я как твою заговоренную булабочку-то в косяк воткнула, так золовка моя и перестала ко мне ходить. Раньше-то дневала и ночевала, а теперь, если и заскочит зачем-то, то через порог не переступает, тысячу причин находит. Наладилось у нас все. И я, вон видишь, бегаю, и Семен мой болеть перестал. — Тут она еще тише зашептала. — Пить бросил, на работу устроился...

Наверное, соседка так и продолжала бы возносить хвалы бабушке, но та ее прервала:

— Рада за тебя, милая. Не меня благодари, бога. Он помог. — Ядвига посмотрела на меня и отступила, пропуская в квартиру. — Не стой на пороге, Лена. Проходи в дом.

— Так я вечерком зайду? — подмигнула Надежда. — Спасибо сказать.

— Не будет нас вечером. Уезжаем мы, — оборвала ее бабушка и закрыла дверь.

— И куда это мы, позволь полюбопытствовать, уезжаем?

— А то ты сама не знаешь? — добродушно хмыкнула родственница. — Вон вся в мыле, как лошадь на ипподроме, прибежала. Быстро в душ, я пока чайку сварганю.

— Думаешь, у нас есть время чай распивать? — скептически хмыкнула я.

— Уверена, что посмотреть на чайники — не лишнее. Заодно мне все и расскажешь.

Через десять минут я вошла на кухню. В домашнее переодеваться не стала, напялила толстовку и джинсы. Удобная одежда не мешает. На столе дымились ватрушки, только что вытащенные из микроволновки. Ядвига очень любила современную технику. Особенно ее восхищала стиральная машина-автомат. Гриппа прогресс отрицала, предпочитая жить по старинке. Но столь разные взгляды на жизнь, не мешали моим бабушкам дружить и поддерживать друг друга.

Пахло мятой и чабрецом. Пожалуй, травяной чай лучше мороженого снимает любой стресс, а задушевный разговор и дружеское участие исцеляют любые душевные недуги. Только вот времени на это у нас не было.

За чашкой чая я быстро и довольно коротко рассказывала Ядвиге о всех своих неприятностях на работе, о совместном плане с Мишкой Затеиным и об угрозах по телефону.

— Я давно чувствовала, что спасти тебя надо. А сегодня прямо как кольнуло, места себе не находила, извелась вся, — покачала головой бабушка, зябко кутаясь в вязаную шаль. — Сквозняки тут, спасу нет. Ну, ты допила, что ли? Опрокидывай чашку.

И протянула мне блюдце. Лично я в чайниках ничего не видела. Да и методики особой не было, знаков там особых или фигур. Просто Ядвига умела прочесть будущее по узору, сложенному из распаренных листьев, а нам с Гриппой только удивляться приходилось.

— Ну, что там? — спросила я, подсаживаясь ближе и заглядывая в блюдце.

Ядвига даже головы ко мне не повернула, что-то беззвучно шептала и цокала языком. Но ее сосредоточенный взгляд и

молчаливость говорили сами за себя. Я не стала приставать, убрала со стола, помыла посуду. И вот тогда бабушка ожила.

— Они уже здесь! — страшным голосом, совсем непохожим на ее собственный, произнесла она.

— Кто? — у меня чуть полотенце из рук не выпало.

— Темные силы зла!

Эмм... Пафосно и абсурдно. По мне, так или темные силы, или все же силы зла. Все вместе перебор получается. Но не доверять интуиции Ядвиги я не могла, поэтому направилась к окну смотреть на темное зло, хотя, признаться, мне и светлого воочию видеть не приходилось.

— Свет выключи, а то как на ладони! — уже совершенно нормальным голосом сказала бабушка.

Сказано-сделано. Свет я, конечно, погасила, но смотрела все равно через занавеску. Внизу, перед самым подъездом, стоял монстр с тонированными стеклами — брат-близнец того самого, на котором разбились Лис и Кабан, если, конечно, верить хриплому.

— Что делать будем? — почему-то шепотом спросила я, хотя точно осознавала, что сидящие в машине вряд ли услышат разговоры на шестом этаже.

— Уходить будем! Через окно, как в «Глухаре», — подмигнула мне родственница. — Сейчас пару звонков сделаю и все организую. Ты пока пойди вещички в рюкзак собери. Самые необходимые. Некогда нам с твоими манерными чемоданами таскаться. Телевизор включи, да звук погромче сделай. Я Федоровну попрошу, чтобы зашла потом, выключила.

Да, сериалы я не смотрела. Особенно детективные. Хорошо, что Ядвига была их страстной поклонницей. Наверное, кое-какой, полученный из кинофильмов, опыт, нам сейчас ох, как пригодится. По крайней мере, ее указания навели меня именно на такие мысли, потому что, хоть режьте меня, я не представляла, как мы будем выбираться из наших окон, на виду у бандитов и при этом не попадемся им на глаза. Глухарь, возможно, смог бы. На то он и птица.

Хотелось сказать что-то ехидное и в высшей степени скептическое, но Ядвига уже не обращала на меня внимания. Она достала свой айфон в золотом чехле с гламурными бабочками и сделала первый вызов.

— Але, Анатолич?..

Дальше я уже не слушала. Собственно, кто такой Анатолевич, прекрасно знала. Дядя Саша, Александр Анатолевич Степной — мужчина давно и безнадежно влюбленный в нашу Гриппу. Но для бабушки никогда не существовало других мужчин, кроме давно почившего деда Витали, а незадачливый кавалер повздыхал и превратился в надежного друга не только для Агриппины, но и для нас с Ядвигой. Наверняка сейчас она его просила отвезти нас в «Ведьмин скит».

Рюкзак собрала быстро, инструкции выполнила, но что делать дальше не представляла. А дальше начался самый настоящий детектив.

Из наших окон мы, разумеется, не полезли. Как оказалось, план был совершенно иным. К тому моменту, как, игнорируя лифт, мы спустились на первый этаж, там нас уже поджидали две Ядвиговых товарки по дворовой лавочке: Федоровна и Семеновна. Я всегда подозревала, что с этими бабульками дело нечисто. Слишком уж глаза горели от нерастроченной энергии и жажды приключений. И сегодня их час пробил.

— Проходите! — скомандовала Антонина Федоровна, распахивая перед нами двери своей квартиры, окна которой, к слову, выходили на другую от подъезда сторону дома. Значит, по всем законам детективного жанра, бандиты никак не могли нас засечь.

Но и этого резвым старушкам оказалось мало.

— Я на стреме! — как заправский заговорщик, прошептала Алла Семеновна, потрясая мобильником, и резвой ланью рванула на площадку между первым и вторым этажами, где располагалось неширокое смотровое окно.

Едва мы прошли в комнату, как мобильник хозяйки ожил.

— Вижу объект, все спокойно. Как слышно? — отрапортовала Алла.

— Слышу хорошо. Наблюдение продолжать! — ответила ей Антонина и переключилась на нас, не выпуская телефон из рук. — Лена, стремянку спускай, а то я со своим артритом час копать буду, — продолжала руководить нашим побегом Федоровна. — Так, теперь сама слезай. Осторожно! Да осторожнее же! Святые угодники! Рюкзак! Рюкзак принимай! Семеновна, прием! Как там у тебя?

— Чисто! Сидят голубчики, в носу ковыряют. Рожи мерзкие, подозрительные. Хорошо бы полицейскую хронику проверить, — доложила по громкой связи вторая Ядвигина приятельница.

— Проверим, — пообещала ей Федоровна и вновь переключилась на нас. — Как ты там, Елена, стоишь? Отлично! Теперь бабушку принимай. Осторожно! Мы чай не молодки!

Мне от всей этой шпионской возни стало смешно, но я прятала улыбку, плотно сжимая губы. Не думаю, что Гольцман просчитал форс-мажор в лице районных пенсионерок. А взаимовыручка, надо сказать, у них на высоте. Сердце, конечно, екало, но настроение все же было отменным. И вдруг подумалось, что с таким народом никаким мерзавцам не добраться до того, что дорого каждому. У нас будут течь чистые ручьи, шелестеть рощи и сиять солнце, освещая своими лучами лазурное небо.

— Спасибо, подружка! — улыбнулась Федоровне моя Ядвига, когда уже стояла рядом со мной.

— Сочтемся, — подмигнула та. — Удачи вам, девочки.

Вместе мы подали стремянку хозяйке, распрощались и, короткими перебежками, пригибаясь за разросшимися кустами шиповника, добрались до маленького тупика, где стояла новенькая Лада Приора дяди Саши.

Только плюхнувшись на сидения и отъехав на безопасное расстояние от дома, выдохнули с облегчением.

— Страсти-то какие! — прошептала Ядвига. — Настоящей Матой Хари себя почувствовала.

— Как они узнали? Статья же только завтра выходит, — пробормотала я.

— Зло, милая моя, не дремлет, и оно хорошо вооружено, — назидательно ответила мне бабушка.

— Вот бы и добру отрастить хотя бы зубы!

— Эх, Лена! — улыбнулась мне Ядвига. — Если бы у добра были зубы, зло давно прекратило бы свое существование.

— Вот и славно.

— Тогда нарушилось бы природное равновесие. Нам ли с тобой этого не знать? — загадочно произнесла она.

До «Ведьминого скита» ехали молча. Каждый думал о своем, но все надеялись на лучшее. Когда автомобиль вывернул на грунтовку,

Ядвига встрепенулась.

— Стой, Алейсандер! Стой, кому говорю.

Машина затормозила.

— Ну, стою, — ответил всегда флегматичный дядя Саша.

— Вот и стой! Я тут чего подумала, а вдруг эти аспиды уже и у Гриппы окопаться успели?

— Вряд ли, — почесал затылок наш водитель. — Хотя, они ж не дураки, понимают, куда Ленке одна дорожка.

— То-то и оно, — кивнула Ядвига. — А сейчас я ей позвоню.

Несколько попыток и все неудачные. В хорошие времена никто из нас даже не разволновался бы. Про телефон бабушка частенько забывала, особенно когда по дому крутилась. Мало ли куда вышла. Еще вон не стемнело даже.

— Делаем так! — решительно заявила родственница. — Ты, Саш, поезжай, да вещички наши прихвати, а мы уж огородами до сарайки Вельзевуловны доберемся, там и подождем. А ты, коли все в порядке, контрольный, стало быть, звонок нам сделаешь. Я айфон на вибровызов поставлю.

Перестраховывались зря. Никаких бандитов в «Ведьмином ските» и в помине не было, а Агриппина не брала трубку исключительно потому, что когда она принимала пациентов, то отключала не только звук на телефоне, но даже радио.

— Пошли сразу на кухню. Что-то у меня от этих боевиков аппетит разгулялся, — потянула меня Ядвига, не успели мы миновать сени.

А мне ужасно хотелось посмотреть, как лечит бабушка Гриппа. С детства любила за ней наблюдать. Что ни говори, а ее дар помогал людям избавиться от многих болезней. А уж как диагностику, Агриппине Саввичне просто цены не было.

— Ты иди, я чуть позже подойду, — улыбнулась я, прислоняясь к дверному косяку.

— Ладно уж, подслушивай на здоровье, но вечерить все ж приходи, — снисходительно разрешила Ядвига и в обществе дяди Саши направилась в кухню.

Сколько себя помню, люди всегда шли к Гриппе. Летом сидели на завалинке, нагретой за день солнышком. Зимой теснились в небольшой комнатке, прилегающей к царству сушеных трав и готовых снадобий,

под которое еще бабка моей бабушки приспособила одну из комнат дома.

Принимала она по правилам, ведомым только ей: несколько человек на закате, несколько в полдень. Причем, помогала далеко не всем.

— Нельзя отказывать добрым людям в помощи, — говаривала она. — Но есть те, что ищут ее, нисколько в ней не нуждаясь. Все их беды от лени, да от глупости. Таких, Ленка, гнать надобно. Это Ядвига, бабка твоя, верует, что добро с крыльями, а оно с кулаками, ибо порой только кулак до иного ума достучаться может. Так-то вот, девонька.

Обычно Гриппа выходила к страждущим и внимательно рассматривала всех собравшихся. Начинался привычный отбор.

— Ты! Первым пойдешь. Нужда у тебя не терпит, — вещала она, заглядывая каждому посетителю в глаза. И так говорила, что у всех наблюдателей мурашки на коже выступали, а по спине холодок пробежал. — А ты, милая, ступай, да на следующей седмице, в среду приходи. На закате. А тебя чтобы я рядом с моим домом близко не видела! Наведаешься еще раз — проклянута! Пить бражное да хмельное прекращай, стариков уважай, ее вон, жену свою, почитай, и все наладится. Нет у матушки Землицы для тебя глупаря лечения. Вон!!!

И ведь бежали такие от нашего дома, едва подметки по дороге не теряли.

Сейчас перед бабушкой сидела молодая, заплаканная женщина. Она держала на коленях хорошенькую девочку лет четырех. В комнате горело аж три масляных лампы. Электричеством Агриппина Саввична, конечно, пользовалась, но в своей святая святых зажигала лишь лампы с живым огнем. Обычно одну или две, а когда три, значит, проблема у посетителя была серьезной.

— Зовут-то тебя как, страдалица? — спросила бабушка.

— Ксения. Ксения Киреева, — ответила женщина и всхлипнула, достав из лифа сарафана сложенный платочек.

— Ну-ну, полно тебе убиваться, — похлопала ее по коленке Гриппа. Потом встала, взяла со стола глиняный кувшин и щедро плеснула в чашку напитка. Я знала, что там находилось — отвар корня валерьяны, щедро сдобренный мятой и медом. — На-ка, выпей это.

Женщина вздрогнула, но кружку приняла и сделала два больших глотка.

— Вот и славно, — улыбнулась бабушка. — А ребеночка твоего как нарекли?

— Александрой, — улыбнулась женщина и взъерошила малышке на затылке легкие, словно пух, волосенки.

— Шурка, значит. Что ж, хорошее имя, красное, — похвалила Гриппа. — Ты ведь ко мне не своей бедой пришла, Ксения?

— Не со своей, бабушка! — почти воскликнула посетительница. — Понимаете, нам с мужем доктора сказали, что своих детей у нас не будет. Три раза пробовали ЭКО и не вышло. Решили усыновить ребеночка. Так у нас Сашенька появилась. Сначала все хорошо было, а потом у нее на ножках (вот тут, смотрите) появились наросты прямо под кожей. Плотные. Сначала маленькие были. Но они растут! Уже и сандалики не застегнуть... — Женщина всхлипнула, но взяла себя в руки. — Мы были у хирургов на приеме, до профессоров дошли. Никто не знает, что с Сашенькой. Эти наросты видно, и руками они прощупываются, а рентген ничего там не показывает. Понимаете? В общем, доктора операцию предлагают. А у меня сердце кровью обливается. Как подумаю, что такую кроху под нож...

— Не реви! — Гриппа снова плеснула в кружку отвара, и женщина выпила.

— Соседка моя, Лида Новожилова, у вас недавно была. Много хорошего рассказала, помогли вы ей очень. Я как о вас узнала, Сашеньку схватила и сюда. Может, и нам поможете, а? — она с мольбой посмотрела на бабушку. — Век за вас бога молить буду!

— Дожили, — проворчала Гриппа. — Сами детей разучились делать! Машины для этого дела напридумывали! Куда только мир катится? Ты давай-ка успокаивайся, да посади Шурку вот сюда, на стол прямо. А ты чего испугалась, маленькая? На-ка тебе леденец на меду. Любишь петушков? Смотри, какой у него хвостик. Давай так, я тебе петушка, а ты мне больную ножку покажешь...

Дальше лечение проходило привычно. Гриппа склонялась над пациентом, брызгала на хворое место водой из наших ключей и шептала слова заговора. Всегда любила наблюдать за процессом, комнату в этот момент словно солнцем всю озаряло.

— Хворь непростая... — выдохнула Гриппа, распрямляя спину.

— Вы знаете, что с Сашенькой? Нужно резать, да? Скажите!

— Да ты сядь, милая, сядь вон на табуреточку. Никого резать не нужно, но тут сразу не поможешь. В общем так, поправится твоя Сашенька, если сделаешь все, как я скажу!

— Все сделаю, бабушка! Не сомневайтесь! — клятвенно пообещала женщина.

— Не хворь это у нее, сглаз. Сглазили Шурку еще в утробе матери, а теперь вот расплата ребеночка настигла. Это не наросты, а могильные косточки. На смерть кто-то ее мать заговаривал, да часть заговора малышка в себя вобрала. И сейчас червоточина в Шурке выпускает свои щупальца, разрастается как черный цветок зла. Пойдешь, Ксения, на кладбище. Обязательно в субботний день. Найдешь могилку с тезкой девочки. Стало быть, где Александра упокоена. Косточку куриную подберешь по дороге али мелкую дощечку, какую. С могилки той наберешь землицы столько, чтобы на месяц ее хватило. Станешь той землицей на самой зорьке ножки Шурке мазать. Землицу ту до заката не смывай. А как месяц минует, так и зарой ту косточку или дощечку под любое дерево, да скажи три раза: «Забери, матушка Землица, свое вместе с хворью Сашеньки».

— Ох, не знаю, как вас и благодарить, — всплеснула руками женщина.

— Отблагодаришь, — кивнула ей Гриппа. — Не сомневайся. Теперь с тобой. На-ка вот сбор травок. Заваривать себе будешь тот же месяц. Этот отвар будет первым, что ты выпьешь за день, и последним перед самым сном. Поняла ли? — женщина кивнула. — Мужа своего ко мне пришлешь, и ему помогу тоже. Будут у вас еще детки, кроме Сашеньки. Будут.

— Спасибо! — Ксения поднялась, но продолжить ей бабушка не дала.

— Теперь на счет благодарности. Денег, как ты знаешь, я не беру. Не тот у меня дар, чтобы его златом пачкать. Но, кое-что, я с вас возьму. Пусть муж, когда поедет ко мне, гречки возьмет четверть пуда, да муки пшеничной высшего сорта половину, масла подсолнечного литра три и довольно с вас будет. А теперь ступай с богом, милая. Все у вас наладится, коли сама не оплошаешь.

— Спасибо вам, Агриппина Саввишна! От всей нашей семьи спасибо!

— Ну, ступай-ступай! Машина даром ждать не будет. Засиделись мы с тобой.

Женщина ушла, бабушка закрыла за ней дверь, задвинув толстый, кованый засов, и обернулась.

— Опять подслушиваешь да подглядываешь, Еленка? — усмехнулась она. — Выходи уж, дай-ка я погляжу на тебя.

Пришлось выходить. Гриппу я обнимала, втягивая в себя, знакомый с детства аромат сухих трав, смешанный с медовыми нотками.

— Худющая стала! Что ж у вас в городе с продуктами плохо? — наконец, вынесла свой вердикт бабушка.

— С продуктами хорошо, — рассмеялась я. — А вот упитанным сейчас быть не модно! Некрасиво, когда у тебя лишний вес.

— Много б ты в красоте понимала, пигалица! — добродушно хмыкнула Гриппа. — Чай не одна явилась на ночь глядячи? Поди, и Ядвигу с собой прихватила?

— Прихватила! И не только ее. Дядя Саша нас привез.

— Ох, ты ж, батюшки! — всплеснула руками бабушка. — В доме гости, а мы тут с тобой стоим, лясы точим. Пошли хоть лепешек состряпаем, да кашу из печи достанем. Хорошо я квашню еще с утра поставила.

И мы отправились на кухню. Разговор предстоял нешуточный, а за чаем оно все веселее.

Глава 6

Глава 6.

Ужинали обстоятельно. Каша с распаренными грибами и обжаренным до золотистого цвета луком удалась, а пахла так, что рот тотчас наполнялся слюной. На горячих лепешках таяло свежесбитое масло, стояла вазочка с ароматным вареньем из прошлогодней земляники, а на столе дымились чашки с травяным чаем, щедро беленым козьим молоком. Вельзевуловна, хоть и исполняла у Гриппы роль сторожевой собаки, но доилась исправно и обильно.

Дядя Саша вызвался помочь по хозяйству, я убирала посуду, предоставив возможность двум старым подругам поговорить. О том, что произошло в городе, мы рассказали Гриппе еще за ужином, но до сих пор она хранила загадочное молчание. Более того, мне показалось, что бабушка чем-то подавлена и о чем-то сильно переживает. Спрашивать ее бесполезно. Не захочет — не расскажет. Тут без вариантов.

Ядвига поднялась и подошла к неприметному ящичку на стене, достала из него холщевый мешочек и вернулась обратно.

— Ладно уж, сватья, смотри свои руны, — проворчала Гриппа. — Все равно я вам обо всем рассказать хотела. Не каждый день древние обряды проводишь да потом сожалеешь о них сильно.

Я прислушалась. Происходило что-то непривычное, выбивающееся даже за рамки того необычного, волшебного образа жизни, что вели мои милые родственницы. В мешочке хранились черные и белые камушки с выбитыми на них рунами. Символы были настолько древними, что почти стерлись с отполированной временем поверхности. Пользовались ими теперь редко, а вот раньше, говорят, без них ни одно предсказание не обходилось. И были те пророчества настолько точными и верными, что люди невольно проникались уважением к тем, кто умел читать тайные знаки.

Камни нельзя вывозить из места силы, иначе они утратят энергию, накопленную веками. Поэтому, уезжая из «Ведьминого

скита», Ядвига оставила мешочек на хранение здесь. И теперь пришла пора его достать.

Зачем? Я и сама толком не понимала, но любопытство разгоралось с каждой минутой. Да и древний язык волхвов не каждый день услышишь. Мне нравилось его звучание, но ученицей я оказалась никудышной. Только из-за бандитов Ядвига не стала бы проводить старинный обряд. Понятно, что люди, с которыми я столкнулась, опасны. Значит, было что-то еще.

Погасили свет, зажгли восковые свечи, которые Гриппа отливала сама. В воздухе тут же запахло свежестью и медом. Ядвига сняла с головы платок, распустила волосы и запела. Да, по-другому это невозможно было назвать. Мелодичный речитатив на мертвом, давно забытом всеми языке под треск пламени пробирал до мурашек.

Когда слова слились в один сплошной звук, бабушка вдруг перевернула мешочек, и на деревянную столешницу выпали камни. Родственницы склонились над ними, читая тайные знаки. А потом...

Первой отмерла Ядвига. Она была настолько зла, что глаза ее сияли каким-то неестественным светом.

— Как ты могла, Гриппа? Как? — едва ли не прошипела она.

— Бес попутал, — тихо ответила бабушка Агриппина.

— Он же ей предназначен был, понимаешь?

— Теперь да, но тогда... Тогда я этого не ведала, да и злость не смогла сдержать. Ничего ведь, окаянный, слушать не хотел. Упертый, хуже нашей Ленки, когда она что-то задумает!

— Я? — охнула, услышав обвинения в свой адрес.

— Тс-с-с-с! — прошептала Ядвига и подозрительно покосилась на меня.

Ну, здравствуйте, бабушки дорогие! Это что? Я лишняя? Говорите-то, между прочим, обо мне! Чувствую. Разумеется, вслух возмущаться не стала.

— Еленушка, ты бы пошла Вельзевуловне капустки порубила бы, хлеба покрошила, и не забудь в крошево яблочек добавить. Она их страсть как уважает, — елейным голоском пропела Гриппа. Ну-ну! Конспираторши!

— Ладно, секретничайте, — нахмурилась я. — Только уж планов без меня не стройте. Понимаю, что обо мне говорить будете.

Ответа не дождалась, обе старые ведьмы промолчали, покаянно склонив головы над столом. Пришлось надевать тужурку и идти куда послали. Все равно при мне не начнут. К вечеру похолодало. В сарайке стучал топором наш помощник, но стоило мне подойти, как все стихло.

— Эй, кто там ходит? — крикнул он.

— Это я, дядя Саша! — ответила ему. Надо же, бдит!

— А, Еленка, куда это ты собралась так поздно?

— Козу покормлю.

— Хорошее дело. — И топор застучал снова.

На летней кухне крутилась минут пятнадцать. Потом выжидала еще контрольные пять, затем решила, что хватит, пора возвращаться. Любопытство просто не давало сидеть на месте, я даже подпрыгивала от нетерпения.

Но какой же меня ждал облом. Две заговорщицы уже сотворили то, что, по их мнению, мне совсем не надлежало видеть и слышать, и сидели, посверкивая глазками. Хитрыми до невозможности!

— Ну! — уперла я руки в боки.

— Садись, Еленушка, чайку попьешь? — спохватилась Гриппа.

— Ужинали уже. Вы мне толком расскажете, что здесь происходит?

— Спасать тебя надо, — сказала опять же Гриппа.

— Ой, спаса-а-а-ать! — тут же подхватила Ядвига.

Да, мир явно медленно, но уверенно катился к апокалипсису. Две непримиримые спорщицы спелись, пришли к компромиссу, нашли консенсус. Это я вам скажу, дорогого стоит. Но разве мне от этого легче? Темнят мои ведьмочки, нутром чую. Тут и дара никакого не нужно.

— Решили мы, Елена, что угроза над тобой нависла нешуточная. Серьезная угроза. А значит, нужно тебе на время скрыться подальше. Поедешь к Светлане с Андреевичем на Власинскую заимку. Александр тебя отвезет, — подытожила Гриппа.

— А вы?

— Мы тут останемся! — отводя глаза, сказала Ядвига. — Тебя прикрывать, и оборону держать.

— А вдруг бандиты? — прищурилась я. Родственницы изворачивались, словно угри на сковородке.

— Кто обидит ведьму на ее земле, костей не соберет! — торжественно оповестила воинственная и очень хитрая бабушка Агриппина.

— Здравсти, приехали! Вы, значит, здесь, а я туда, куда Макар телят не гонял? Здорово придумали! Ничего не скажешь. Я тоже ведьма! И это, между прочим, и моя земля тоже! — даже обидно немного стало.

— Твоя-твоя, — добродушно хмыкнула Гриппа.

— Поезжай! — поставила точку Ядвига.

— Да что я там делать-то буду, в глуши? — предприняла я последнюю, решительную попытку остаться.

— В озерекупаешься, на речку сходишь, — стала перечислять одна ведьма.

— Рыбку половишь, на лодочке покатаешься, — вторила ей другая.

— Рыбку, значит, половлю? На Власинской заимке? — на мои грозные вопросы обе родственницы отчаянно закивали.

— Иди, Елена, собирай сумку, а я пока Светлане гостинцев соберу. Все ж родня наша, хоть и дальняя.

Вдохнула, выдохнула. Снова вдохнула. Странно, сердечко не екало, интуиция не протестовала. Наверное, и, правда, ехать надо. Чую, ждет меня невыполнимая миссия и, судя по списку дел, который для меня определили, связана она с водой.

Сумку собирать, конечно, пошла. Не по статусу спорить со старшими. Воспитывали меня бабушки в строгости и уважение к старшим привили. А вот хитрость никто не отменял.

Ясное дело, что ведьма в силу входит годам к пятидесяти, но и мы, молодые, не лыком шиты. Специально я родственницам не врала, но порой кое-что недоговаривала. Особенно те моменты, что касались выученных заклинаний или иных проявлений дара. Как чувствовала, что пригодится.

Был у меня один хитрый секретик. Правда, применяла я его всего несколько раз, да и то по работе, исключительно для пользы дела. Никаких личных целей и выгоды. А вот сейчас прямо назрело.

Дверь за собой прикрыла плотно, создавая иллюзию, что мне совершенно не интересно, о чем сейчас станут говорить эти прохиндейки. Заглядывать в родовую книгу мне никогда не

запрещалось. Много поколений там записывали рецепты блюд и снадобий, полезные советы, а так же сказки и истории, которые когда-то реально происходили. Там-то я и обнаружила небольшое, довольно простое заклинание.

Дело оставалось за малым, мне срочно понадобился змеевик. Не нефрит, не малахит, не зеленый оникс, а именно змеевик. Надо сказать, камень для наших мест не редкий. Безделушки из него продавались в любой сувенирной лавке. Сложность заключалась в том, что карманных денег у меня отродясь не бывало, а просить их у бабушек, означало накликать на себя подозрения. Ибо камень — это продолжение природы, в нем ее энергетика и сила. Стало быть, если прошу, то неспроста.

Буквально через пару недель, после того, как я выучила заклинание из книги наизусть, такой случай подвернулся. Гриппа взяла меня на ярмарку, где намеревалась продать мед со своей небольшой пасеки и прочие продукты домашнего производства. Отторговались быстро и настолько удачно, что бабушка сама предложила выбрать небольшой подарок за помощь. Тут же в рядах глаза разбегались от пестрых платков, бус, игрушек и прочего барахла, но я зависла перед прилавком с украшениями. Разумеется, меня привлекли не они сами, а материал, из которого их сотворили.

Агриппина подошла как раз тогда, когда я вертела в руках небольшой деревянный гребень со вставками из змеевика в качестве украшения. Сделали его довольно искусно.

— Нравится? — спросила бабушка.

— Угу! — честно кивнула я. Еще бы, это была именно та вещица, о которой я мечтала, практически грезила наяву, вот уже который день.

— Мы берем, — обратилась Гриппа к продавцу.

Нам упаковали гребень в небольшую тоже деревянную шкатулочку и, со словами «несите на здоровье, барышня», вручили ее мне. С тех пор я с тем подарком не расставалась. Если вдруг гребень не подходил к костюму, то просто носила его в сумочке. Сейчас он был на мне.

Распустила волосы, сосредоточилась на темных прожилках камня и зашептала знакомые слова. В воздухе, как после грозы, запахло озоном. Только после этого я приложила гребень к стене, разделяющей

комнату, где находилась я, с кухней, где сейчас секретничали две ведьмы.

Видеть их не видела, врать не буду, но слышала отчетливо.

— Анатолич, ты это, Ленку-то нашу отвезешь, а потом сюда возвращайся, дело на миллион рублей есть, — наставляла нашего водителя Гриппа.

— Да понял я, понял. Пойду омывайку залью, дороги там, сама знаешь какие, а недавно дожди были. Опять машину мыть... — пробухтел дядя Саша.

Скрипнула и захлопнулась дверь.

— Ну, чего там с раскладом? — нетерпеливо спросила Гриппа.

— Понять никак не могу. Смотри, как кубки легли на пентакли. Вроде и встретятся, а вроде и нет, — задумчиво ответила ей Ядвига.

— Мне на твои кубки с пентаклями смотреть нечего, все одно — не пойму. Кто из нас гадалка? Им теперь не просто встретиться надо, а чтоб момент острый был, понимаешь? Чтоб горело и полыхало все, как при лесном пожаре. Нет, с пожаром я перестаралась. Заклятье оборота древнее, оно, почитай, до волхвов еще жило. Его назад теперь вернуть сложно. Только сильные эмоции нужны, чтоб захлестнули и выплеснули, поняла?

— Я-то поняла. Понаделала делов, дура старая, а теперь на меня рычишь, словно волчица дикая, — вздохнула Ядвига.

— Я с себя вину не снимаю! Я исправить все хочу, чтоб как должно. Говорю, чувства кипеть должны! Бурлить и клокотать, как котел с варевом!

— Глаза-то разуй! Кто, как не наша Еленка, сможет мужское сердце трепетать заставить? Вон, какая красавица выросла! Ни один ведь взглядом ее не пропускает. Я давеча в окно смотрела, как она на работу шла, так все соседи головы свернули.

— Не про те я чувства, Ядвигушка. Бизныс этот людей травит, экология... Природу, посмотри, как изгадили! Зачерствела душа у него, коркой покрылась. Нужно, чтобы эта корка треснула, а иначе не выйдет ничего, — зашептала Гриппа.

— Твоя правда, — вздохнула моя вторая бабушка. — И что ты предлагаешь?

— А вот, что...

Дальше, как ни прислушивалась, я ничего не смогла разобрать. Ведьмы шептались. Причем, так тихо, что, даже если бы я рядом стояла, то ничего не услышала бы. Шпионки! Такое ощущение, что они чудесно знают про мой фокус со змеевиком.

— Опасно! — выдохнула, наконец, Ядвига.

— А мы-то на что? Поможем! — теперь уже громко сказала Гриппа.

— Хорошо, отправлюсь сразу, как Еленку проводим.

Бабушки переключились на разговор о восковых свечах, спичках, меде и каких-то батарейках, которые просил Валерий Андреевич, муж Светы. Если память мне не изменяет, то она приходилась мне какой-то родней по материнской линии, вроде пятиуродной теткой. Жили они уединенно и замкнуто, потому что дядя Валера работал лесником.

В общем, больше ни о чем важном бесед не вели, и я провела над гребнем ладонью, рассеивая чары. В рюкзак добавила несколько мелочей и пару простых сарафанов, которые носила лишь в «Ведьмином ските». Удобно и кожа дышит, а что не модно, так кого мне там, в глуши, очаровывать?

Хотя, судя по тому, что я услышала, бабушки мои опять взялись за старое и стали по всем знакомым подыскивать мне жениха. Очевидно, какого-то бизнесмена, на которого я должна произвести впечатление. Бог с ними, хотят? Посмотрю! С меня не убудет, а заодно и, правда, отдохну немного, раз выдался внеплановый отпуск.

Грузились уже почти в темноте. Дядя Саша завел машину и включил фары. «Ведьмин скит» давно не освещали. На кого здесь электроэнергию тратить? Гриппа в такое время из дома глаз не кажет, а Вельзевуловне если приспичит, то она искомое и в полном мраке найдет. Чуйка у нее особенная.

Подарки родственникам впечатлили. Не иначе, меня в глубинку месяца на три отсылают, а то и больше. Сумки и мешки плавно переключались в багажник, под мои сдавленные возражения.

— Куда столько? — возмущалась я.

— Ничего-ничего, люди хорошие, а тебе все одно не на себе тащить! — сказала, как отрезала, Гриппа.

— Ты главное на речку там сходи, на лодочке поплавай, искупнись. Вода-то еще теплая, — внесла свою лепту Ядвига. А глаза хитрющие, аж светятся.

— Особенно ночью, когда за день ее солнышком напечет, — поддакнула ей моя вторая бабушка.

Сыграно так себе, если что! Тайна, шитая белыми нитками. Ладно, можно перед расставанием и подшутить немного.

— Нет, купаться, точно не буду. Собирались-то в спешке, купальник дома остался. Да и не ожидала я, что придется в такую даль ехать, — доверительно сообщила я.

Заговорщицы испуганно переглянулись.

— Ты это... — робко начала Ядвига.

Лицо Гриппы просияло. Никак достойный ответ нашла.

— Кто там, в тайге твой купальник рассматривать будет? Лоси да совы? Так им чем ближе к природе, тем спокойнее.

— А голышом ведьме может еще и лучше. В лунной дорожке кожа омолаживается, а сейчас аккурат полнолуние. В общем, поезжай, Еленушка, с богом. Авось тут все наладится.

Аргументов у меня не нашлось. Пошутили и будет. Дядя Саша хмыкнул и сел за руль. Мы же прощались скупно и до крайности быстро.

Бабушки показательно утерли сухие, между прочим, глаза, обняли меня пару раз, и мы поехали. Давненько я в тех местах не бывала. Наверное, с самого детства. Автомобиль вырулил с грунтовки на шоссе и поколесил прочь от «Ведьминого скита». Эх, не удалось мне раскрыть секреты. Придется разбираться на месте и действовать по обстоятельствам.

* * *

— Боязно, Агриппинушка. А вдруг чего с Еленой случится? Ни ты, ни я потом себе этого не простим, — тихо произнесла Ядвига, провожая взглядом сигнальные огни, отъезжающей лады.

— Боязно, — согласилась Гриппа. — Но еще хуже будет, если мы равновесие восстановить не сможем. Ладно, если бы я его в стража, а то в змея лютого! А ну как люди добрые пострадают? И дружок его пронырливый уже приходил, вопросы задавал нехорошие, грозился всему миру о моем колдовстве рассказать.

— Да кто ж ему поверит?

— Поверить, может, и не поверят, а сюда понабегут, — скривилась Гриппа.

— Кто же?

— Пресса, журналисты, охотники за этим... Как его? Паранормальным! Пережитки мы с тобой. Считаю, сказочные персонажи, — в голосе пожилой ведьмы затаилась грусть.

— Не дождутся! Они эти пережитки еще сто лет переживать будут не переживут! — вдруг вскинулась Ядвига. — Поворожи тут на удачу, вон уж и машина за мной приехала.

— А за Ленку ты не переживай, не тронет он ее. Почитай ее одну в целом мире сейчас и не тронет. Ох, ни пуха тебе, сватья!

— К черту!

— К нему. — Гриппа три раза сплюнула через левое плечо.

Такси остановилось в конце опустевшей улицы. Из автомобиля вышел молодой парень и почему-то очень тихо и испуганно спросил:

— Э-э-эй, есть здесь кто?

— А-то как же! — ответила ему Ядвига и бодро засемила к машине. — Минут десять как вас ожидаемся!

— Не думал, что здесь еще кто-то живет, — сказал водитель, распахивая перед старушкой дверь. — Думал, мальчишки подшутили, а потом все же решил съездить.

— Живут, как не жить. Места-то знатные.

— Ваша правда, бабушка.

Глава 7

Глава 7

Такси пришлось остановить, не доезжая до дома целый квартал. Ядвига уже поджидала верная Федоровна. Паренек-водитель приветливо махнул рукой и растаял в ночном городе, влившись в поток горящих фар и габаритных огней.

— Ты прости, Антонина, что втягиваю вас с Аллой во все это, но без вашей помощи никак.

— Да брось, Мефодьевна, — отмахнулась старушка и захихикала: — Какие в наши годы развлечения, акромья собеса и участкового врача? Ну, про болячки друг другу пожалуешься, молодежь, проходящую мимо, охаешь. Так это ж больше от зависти и ностальгии по безвозвратно ушедшей юности. А ты... Ты нас не втянула, а помогла почувствовать себя снова молодыми. Приятно, знаешь ли, когда ты кипишь вместе с жизнью, грустно, когда она мимо лавочки, на которой ты сидишь, проходит.

— Тогда пошли, — не стала вдаваться в полемику Ядвига. В любом чародействе самый главный закон — полная добровольность. Если клиент согласен, никакое равновесие не нарушится. Гораздо хуже, когда тебя в зверя обращают, а ты об этом и знать не знаешь. — Кстати, как там обстановочка?

— С тех пор, как вы уехали, ничего не изменилось. Машина стоит, музыка играет. — Тут Федоровна остановилась и понизила голос до шепота: — Песни похабные слушают и бычками весь двор заплевали, паразиты!

— А Семеновна где?

— Где ж ей быть? Наблюдает, сигнала ждет.

— Каков план?

— Самый простой. На многоходовки, сама понимаешь, времени ты нам не оставила. Подойдет, отвлечет громил простым вопросом, а мы в это время и прошмыгнем.

— А снова через окно с той стороны дома не вариант? — поинтересовалась Ядвига.

— Нет. Там в проулке еще одна машина стоит. За ней Сергеевна со своего окна бдит. Приехала сразу после вас и встала.

— А-а-а, ну тогда «Алоха, Гавай!».

— Что? — вытаращилась на нее Федоровна.

— В смысле погнали. Время — деньги!

— А, вон ты о чем. Дык нам-то все равно раньше 15го пенсию не дадут. Хоть гони, хоть не гони. — Но мобильник достала, потому что они практически подошли к дому. От подъезда их отделяло не больше пяти метров. — Семеновна, прием!

— На связи!

— Действуй.

Ядвига увидела, как от раскидистого клена отделяется тень и в свете фонаря превращается в степенную пенсионерку с тросточкой для облегчения движения и помощи больным суставам. «А по лестнице шустро скакала» — подумала Мефодьевна. Алла Семеновна прихрамывая, направилась к машине и постучала наверху, искусно вырезанным в виде выразительного кукиша, прямо в тонированное стекло.

Сработал стеклоподъемник, оно опустилось с тихим жужжанием, и в окне появилась упитанная физиономия.

«Мусора-фраера, жалко мне на вас пера. Вы позорные волки...» — тут же загрохотала на всю улицу разухабистая песня.

— Чего тебе, бабка? — спросил сытый, все же уменьшая громкость.

— Милок! — скрипуче пропела Семеновна. — Не подскажешь ли старушке, как пройти в библиотеку?

«Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу! — внезапно пришло на ум Ядвиге. — Она бы его еще через дорогу перевести ее попросила!».

— Ты чо, старая? Рамсы попутала? Какая библиотека ночью? — хрипло выдохнул вместе с сигаретным дымом бандит.

— Ох, попутала, батюшка! Ох, попутала! — запричитала Алла, широко размахивая руками, начисто перекрывая сидящим в автомобиле обзор.

— Пора! — шепнула Федоровна, и две старушки сорвались на бег.

По стеночке за разросшимися розовыми кустами они добрались до двери и, открыв ее магнитным ключом, юркнули в узкую щель.

— Уф... Пронесло! — выдохнула Антонина.

— Спасибо, подружка! — искренне поблагодарила ее Ядвига.

— Ты же знаешь, мы за любой кипиш, кроме похорон. Так что, обращайся, — подмигнула ей та и скрылась в своей квартире.

Во дворе действие еще продолжалось.

— Сгинь, старая, пока я тебе шарики в ролики не задвинул! — рыкнул мужик.

Семеновна наигранно испуганно попятилась, прикрываясь тростью. Потом выпучила глаза, плюнула под колеса машины и пробормотала:

— Чтоб ты сдох, окаянный! Никакого уважения к почтенным сединам! — только после этого с чувством выполненного долга поковыляла прочь.

— Чо это с бабкой? — удивленно пробасил бандит своему напарнику.

— Проявление деменции средней тяжести, вызванной болезнью Альцгеймера на фоне повышенной артериальной гипертензии, — ответил ему тот, кого Алла так и не смогла рассмотреть. Она едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Чо? — удивился первый.

— Женщина страдает расстройством интеллектуальной деятельности и эмоционально-волевой сферы.

— Кто женщина? — снова не понял сытый.

— Я, мля! — огрызнулся второй. — Паша, не тупи! Крыша у старушки протекает, вот и чудит.

— А, ну так бы сразу и сказал...

С тихим жужжанием стекло встало на место, а Алла Семеновна, широко улыбаясь, чуть ли не вприпрыжку направилась смотреть очередную серию любимого «Глухаря».

Ядвига вошла в квартиру. Свет горел, телевизор работал, и даже большое махровое полотенце развевалось под воздействием направленного на него вентилятора, создавая иллюзию движения.

Оставалось сделать еще несколько дел. Гриппу с «Ведьминого скита» заберет Александр, ей же предстояло увести за собой бандитов. Если они со сватьей все правильно рассчитали, то все действующие лица должны столкнуться в одной точке мира, в одно и то же время. Руны не врут, только вот беспокойство за Еленку не покидало.

Ядвига вздохнула и сделала первый звонок:

— Алло, Мишенька? Здравствуй, дорогой. Ты, чай, и не узнаешь меня.

— Отчего же, отлично вас узнал, Ядвига Мефодьевна, — ответил Затеин. — Здравствуйте. Внучку уже спрятали?

— А то как же! — старушка позволила себе улыбнуться. Этот молодой человек всегда ей нравился. Только, вот беда, не подходил он Еленке. Совсем не подходил. Там где сплетаются души, никакое колдовство не поможет. — Ты мне вот что скажи, статья-то твоя когда выйдет?

— Тираж уже отпечатан, в продажу поступает с пяти утра, но в интернете текст уже есть, — ответил ей Мишка. — А что?

— Ничего, дорогой. Просто уточнить хотела. Извини, что так поздно побеспокоила. Отдыхай.

— Ядвига Мефодьевна, вы мне звоните, если помощь какая понадобится. А Гольцмана я тут по своим каналам дожимать буду. Лене... Лене привет передавайте.

— Передам, — ответила старушка и отключилась.

В интернете, значит. Стало быть, известно уже все бандитам, коли не дураки. А дураком Гольцман явно не был, раз сумел такую сеть создать и даже чиновников держал в страхе. Тем лучше.

— Ох, силы небесные и земные, помогите нам на всех наших путях. Оградите от бед, да помилуйте нас, — прошептала Ядвига и набрала еще один номер. — Але, такси? Девушка, мне бы машинку до Власинской займки.

— Далековато это, бабушка. Дорого стоить будет, — предупредила ее девушка-оператор.

— Это сколько же?

— Четыре тысячи рублей.

— Ох, да-а-а... Кусаются нынче цены-то! Но ты все равно заявочку прими. И машинку мне пришли светлую, приметную.

— Белый Рено Логан с крупным ярко-желтым логотипом нашей компании подойдет?

— В самый раз, деточка. В самый раз.

— Ожидайте.

Через пятнадцать минут Ядвига, уже никого не таясь, полностью погасив свет и проверив все краны, вышла к подъехавшему такси.

Стоило автомобилю отъехать, как за ними тут же двинулся монстр с тонированными стеклами. Пожалуй, «Глухарь» отдыхает. В жизни и покруче страсти кипят. Главное, цель достигнута. Теперь пути назад нет.

* * *

Добротный дом, срубленный из калиброванного бруса, возник совершенно внезапно. Узкая грунтовая дорога сделала резкий поворот, за которым и вырос этот теремок с широкой верандой, кучей хозяйственных построек и резными балкончиками. Неширокую площадку освещали вполне современные шарообразные фонари. На просторной, тщательно подстриженной лужайке перед домом темнели небольшие, но пушистые елочки, а за ними огромной стеной возвышался сосновый бор.

Несмотря на позднее время, хозяева не спали. Стоило приоре остановиться у крыльца, как дверь распахнулась, и на встречу нам выбежала красивая женщина средних лет.

— Еленка, ты ли это? — зашебетала она. — Вот радость-то! А я Валерке говорю, ложки у меня сегодня весь день падают, точно гости приедут! А он мне нет, да нет, а тут, значит, вы...

— Привет, тетя Свет, — обняла в ответ родственницу. — Пустите погостить на лоне природы?

— А то как же! — рассмеялась она. — В дом проходите. Я только хлеб из печи достала. Хоть чайку попьем, время-то уже позднее.

— Кто там, Света? — на крыльцо вышел огромный, как медведь, дядя Валера. Когда я его видела последний раз, пышная шевелюра и окладистая борода были огненными, сейчас немного потускнели из-за вплетенной седины, но улыбка у него осталась такой же доброй и открытой.

— Леночка, бабы Гриппы внучка к нам погостить приехала, — крикнула хозяйка.

— Хорошее дело, — пробасил лесник.

— Знакомьтесь, это бабушкин друг, — успела вклиниться я.

— Александр, — представился наш помощник, друг и водитель в одном лице.

— Светлана, — прощепетала родственница. — А мужа моего Валерием зовут. — Она обернулась к крыльцу и улыбнулась. — Ты б сходил в погреб за моченой брусничкой, да малины прихвати. Они там, на третьей полке, справа.

— Будет сделано, товарищ командир! — отрапортовал огромный мужчина и направился к невысокому строению.

— Мальчишки-то наши в Москве учатся, а мы тут одни кукуем. Скучно без них, так что мы гостям завсегда рады. Ой, да вы проходите! Лена, приглашай гостя!

— Благодарствую, хозяйка. Но мне в город пора. Агриппина наказала вернуться сегодня. Да она там, в письме вам все расписала.

Дядя Саша споро доставал из багажника баулы с гостинцами.

— Ох, да куда же столько? — всплеснула руками Света.

— В хозяйстве сгодится, — добродушно хмыкнул Степной. — В дом-то помочь занести?

— Валера справится.

Я же решила позвонить бабушкам, но сеть не ловила.

— Почему-то телефон вне зоны действия сети, — пожалала плечами, вертя аппарат и так, и эдак.

— А нет ее здесь.

— Кого?

— Сети этой. В одном месте только и ловит, — ответила Светлана.

— Где?

— Вон, видишь, лесенка у березы стоит? Как на пятую ветку заберешься, так и сеть появится. Правда, ловить все одно с помехами будет. Не доходят до нас сигналы. Да и ночью по деревьям не советую скакать. Здесь, чай, не город. Освещения нет.

В принципе, я была с ней полностью согласна. Конструкция местного телеграфа доверия не вызывала совершенно.

— Письмецо там, в красной сумке, в боковом кармашке, — сообщил дядя Саша и откланялся.

Света достала конверт, и мы прошли в дом. Внутри обстановка была не менее уютной. В огромной комнате стоял диван и несколько кресел с накидушками из овчины. На стенах в красивых резных рамках висели фото, в пузатых кадках пышно разрослись домашние цветы, а в самодельном камине весело трещали дрова.

— Вечерами в лесу прохладно, — словно оправдываясь, произнесла Света. А потом кивнула на широкий журнальный столик с разложенным вязанием и мотками лески. — А это мы мастерим. Телевизора же у нас нет. Я вяжу, Валера сети плетет, и блесны на заказ делает. — Она рассмеялась. — Представляешь, из обычных столовых ложек. А их местные рыбаки в момент расхватывают, как горячие пирожки.

Да, толк в рыбалке лесничий знал. Это я помнила еще с детства.

— Может, на кухню пойдем? Там как-то привычнее. — Я кивнула и прошла вслед за хозяйкой туда, где от хлебного духа голова шла кругом. — Леночка, тебе чаю или молочка парного? Только вечером корову подоила.

— Молочка, если можно, — ответила я и получила доверху наполненную глиняную кружку с огромной горбушкой ржаного хлеба.

Вот, вроде ужинала, но от такого угощения грех отказываться. Пока я уплетала, Света пристроилась рядом на табурет и внимательно пробегала глазами строчки, написанные знакомым с детства почерком. Письмо оказалось длинным, на несколько страниц. И когда только мои бабушки успели его сострять? Хотя, в их расторопности я никогда не сомневалась.

Пришел дядя Валера и водрузил на стол две трехлитровые банки с ягодами.

— Ты бы в пиалочки налил, что-ли, — Светлана, не отрываясь от письма, дала ценные указания мужу.

Гигант потоптался и шагнул было к буфету, но я его опередила.

— Спасибо, но в меня сегодня точно больше ничего не влезет. Вы мне не покажете, где расположиться? Помню, у вас тут неподалеку маленький охотничий домик был. Так, может, я туда? Чтобы вас не стеснять...

Дядя Валера пожал мощными плечами и развел лопаты-ручищи.

— Можно и туда...

Но договорить ему не дала Светлана, предупреждаясь взглянув на мужа.

— Не можно! — перебила она, спешно складывая письмо и пряча его в карман джинсов. — Что у нас в доме места мало? Занимай вон любую спальню мальчишек! А домик мы сдали. Да, сдали.

Туристкам! — Лесник удивленно посмотрел на жену. — То есть, я хотела сказать, туристам. В общем, располагайся, Леночка, в доме.

— Ну, раз так, то пойдем, покажу комнату, — не стал возражать супруге Валерий и подхватил мой рюкзак.

Очень любопытно, и что это у них здесь за туристки завелись вдруг?

— Вот, занимай любую, — пробасил лесник. — По той лесенке можно прямо к двери спуститься. И хоть дискотеку здесь устраивай, нас вряд ли побеспокоишь.

— Танцую я так себе, — честно призналась родственнику. — А вот купаться в лунной дорожке люблю. Особенно, когда луна полная.

— Это, видать, у вас семейное, — добродушно хмыкнул здоровяк.

— Наверное, — не стала спорить я. — Так куда здесь можно сходить искупаться?

— На озеро можно... — и снова дяде Валере не дала договорить жена.

— Нельзя на озеро! — категорично заявила она, подходя к нам.

— Почему? — искренне удивился ее супруг. А мне тоже стало любопытно, а еще смешно, но я всячески боролась с собой, подавляя улыбку.

— Потому что... там весь берег с нашей стороны водорослями порос! Превратился в болотину какую-то! — ответила Светлана и многозначительно посмотрела на здоровяка.

— Да? — поднял брови он.

— Да. Вот пусть лучше на речку сбегает. И вода там чище, и лунная дорожка шире, и добираться в потемках удобнее.

— Но, Веточка, там же... — начал было дядя Валера, но его снова бесцеремонно перебили.

— Я сказала — на речку! — нахмурилась Светлана. — Не слушай его, Еленушка, совсем из своего леса глаз не кажет, вот и не знает, что в округе делается.

— Разбирайтесь сами, — махнул рукой здоровяк и пошел к лестнице, ворча под нос что-то про невыносимых ведьм и их вечные загадки.

Во мне же их комический диалог никаких опасений не вызвал, только, пожалуй, разжег любопытство. Окунуться в нагретую за день воду все же хотелось. Разумеется, ни о каком купании голышом, как

советовали бабушки, и речи не шло. Для этих целей вполне сгодится и обычное белье. Если надеть сарафан, то обратно можно и без неглиже добежать. Правда, кто меня ночью в лесу увидит? Звери только.

Светлана взглянула на меня с тревогой, потом вздохнула, как мне показалось, виновато и тихо добавила:

— Располагайся. Я тебя внизу подожду, короткую тропинку к речке покажу.

— Компанию мне составите? — как бы невзначай спросила я. В глазах родственницы на миг сверкнул лукавый огонек, но тут же потух.

— Стара я уже для ночных развлечений, — печально сказала она. — А ты беги. Беги, Еленушка.

— Ведьма только телом стареет, и то не скоро, а в душе она до глубокой древности молода, — ответила ей любимыми словами Ядвиги, и на симпатичном лице Светланы расцвела улыбка.

Переодевшись в легкий сарафан и балетки, я взяла из шкафа хозяйское большое полотенце и спустилась вниз. Через пять минут уже шагала по довольно утопанной тропинке. Эти места смутно помнила с детства. Почти ничего не изменилось с тех пор. Все те же великаны-сосны, все тот же густой воздух, наполненный ароматом хвои и земляники. Сладкий, тягучий. Таким невозможно надыхаться.

Дорожка пошла под уклон, а впереди заблестела река.

— Красота-то, какая! — не сдержала восхищенного шепота и потянулась.

Вот она природа первозданная. Да, «Ведьмин скит» был моей родиной, там я знала все до кустика. Но из-за близости города его, пожалуй, можно было сравнить с парком. Спасибо бабушке Агриппине, не давала любителям отдыха на просторе загадить лесок и рощицу. Не бьют ключи с живой водой в грязных местах, да разве есть людям до этого дело? Рабы сиюмоментных удовольствий, а дальше хоть трава не расти. Ведут себя так, словно размножаться принципиально не собираются. С таким отношением нам потомкам оставить будет нечего.

Здесь же меня окружали совершенно дикие места. Сюда добирались только самые отчаянные, легкие на подъем, туристы. Но дядя Валера зорко следил за вверенной ему вотчиной.

Я вышла к небольшой протоке. Течение здесь было совсем слабеньким. До основного русла от этого места, если память мне не

изменяла, нужно было пройти еще пару километров. Берег пологий, галька настолько мелкая, что практически не ощущается под ногами. А потрогав воду рукой, поняла одно — не смогу преодолеть искушение. Ночному купанию быть.

Сарафан, балетки и полотенце сиротливо примостились у прибрежного валуна. Рядом сушились несколько лодок.

— Ну, здравствуй, лунная дорожка! — улыбнулась я и зашептала слова заговора: — Свет луны и земли силы, помогите стать красивой. Пусть же тело молодницы, как вода засеребрится...

Теплая вода нежно обняла щиколотки, потом голени, бедра. Я шептала и шептала, заходя все глубже, нарушая темную гладь реки. Когда ноги перестали доставать до дна, поплыла, разгребая перед собой чистое расплавленное серебро. Нереальное ощущение, когда под тобой пучина, сверху лишь одеяло из звезд, а ты словно завис между двумя мирами и паришь в нереальности. Этого никогда не понять тому, кто не ощутил подобное сам. И дикий восторг, который охватывает все тело и просто рвется из груди, невозможно сдержать.

Я перевернулась на спину, раскинула руки и позволила течению медленно сносить меня. Одна из звездочек мигнула и вдруг начала падать, прочертив на темном небе ослепительно яркий путь.

— Эгегеге-е-е-ей! — все же не сдержав радости, завопила я.

Падающая звезда — редкое явление. Желание, нужно быстро загадать желание. Чего же ты хочешь, Ленка? Простого женского счастья, вот таких тихих правильных вечеров, только не в одиночестве, а с любимым мужчиной. Да, именно таково мое желание.

Рядом раздался тихий всплеск. Рыбка, наверное. Река никогда не спит. Не зря многие рыбаки любят ночную ловлю.

Всплеск раздался снова. А потом что-то коснулось моей... Будем считать, что спины. Если так здесь шалют рыбы, то этот экземпляр должен быть огромным. Новое касание, теперь дотронулись до бедра и снова вернулись к той части спины, где уже и не спина вовсе. Не знала, что рыбы бывают такими охальниками.

Перевернувшись, поплыла к берегу. Несмотря на то, что течение здесь достаточно тихое, отнесло меня метров за двадцать от места, где я заходила, не меньше. Теперь нужно место искать, чтобы поскорее выбраться. И тут рядом что-то всплыло.

Если судить по форме, то предмет напоминал кусок бревна, только вот дерево не серебрится чешуей, переливаясь под светом луны. Вдруг оно ушло под воду и почти тут же появилось в другом месте, примерно в полутора метрах от первого. И теперь поверх бревна совершенно точно торчал... плавник! Чертовщина какая-то!

Можете меня хоть резать, хоть убивать, но там, в воде живет что-то живое и огромное. Стараясь двигаться медленно и плавно, опасаясь сделать хоть одно резкое движение, я погребла к берегу. Плевать, что галечный пляж остался выше, мне сейчас и травка сойдет. Бр-р-р-р! То, что касалось меня под водой, не было рыбой.

Только бы добраться! Конечно, есть заговоры и обряды, слова сильные, чтобы зверя отпугнуть или глаз кому отвести. Но, то, же знакомого зверя, а тут чудо невиданное. Еще и луна за тучкой скрылась, темно как... В общем, как в самом темном из мест. Ну, бабушки! Купание им подавай!

Точно! Бабки мои! Ведьмы старые! Не обошлось тут без них, сердцем чую! Хотя нет, не чую, оно от страха куда-то в пятки ушло. Берег приближался, но медленно. Катастрофически медленно! Поднажми, Леночка! Поднажми, а то и нажимать некому будет.

Словно в ответ на мои мысли прямо передо мной вынырнуло нечто огромное. И в этот самый момент из-за тучи выглянула луна, как специально осветив ужасную, зубастую пасть, раздвоенный язык и горящие, словно два фонаря глаза.

Мамочки...

— А-а-а-а-а-а-а-а! — завопила я.

Не, прекращая орать, каким-то чудом обогнула чудовище и рванула к берегу. Не зря говорят, что в экстренных ситуациях организм задействует скрытые резервы. Они у меня, оказывается, были, потому что я не помню, как добралась, как выпрыгивала на траву, и как неслась к дому, наплевав на оставленную одежду. Очнулась на тропинке, когда впереди уже показался дом лесника.

Глава 8

Глава 8

Хозяева не спали. Более того, оба стояли на площадке у дома. Причем, Светлана — спиной ко мне. Она что-то сыпала на лужайку и читала заклинание из старой книги, которую муж услужливо держал перед ней открытой. Мгновение, и дом лесника вместе со всеми обитателями исчез с моих глаз, вокруг сгустилась тьма. От неожиданности я даже остановилась. Ненадолго, потому что довольно прохладный ночной ветерок быстро заставил отмереть.

Пусть дилетанты впадают в ступор от действия самого обычного заклинания. Любой ведьме с детства известно, что существуют заговоры для отвода глаз, призванные уберечь и обезопасить. Возможно, в доме Светланы это что-то вроде охранной сигнализации. Собаки-то во дворе не видела.

Кроме того, знать одно, а воочию увидеть совсем другое. Главное, что я точно знала, куда следует идти. А тот, кто будет искать дом наугад, ни за что не найдет. Даже вероятность набрести на него случайно стремится к нулю. Уверена, дорога, по которой мы с дядей Сашей приехали, тоже обрывалась метров за сто до этого места. Причем, упиралась в какой-нибудь бурелом или гору неподъемных камней.

Стоило сделать несколько решительных шагов, Как передо мной появился дом и хозяин с хозяйкой. Пространство осветилось мягким светом, который щедро разливали шарообразные фонари. Изумительная магия! Я отступила назад, погружаясь во тьму, а потом вернулась снова к свету. Потрясающе! Эх, как некстати снова подул ветер. Мокрая ткань неприятно прилипла к коже, которая и без того давно покрылась мурашками.

— Еленушка! — ахнула Светлана, бросаясь ко мне.

Дядя Валера деликатно кашлянул и накинул мне на плечи свою ветровку. Сразу стало теплее, но зубы все еще предательски отбивали барабанную дробь, то ли от холода, то ли от пережитого ужаса.

— Пойдем-пойдем в дом, страдалица, — захлопотала родственница, приобнимая меня за плечи и увлекая за собой.

Я не видела, что творилось за моей спиной, но услышала тихие слова лесника:

— А я тебя предупреждал.

— Валера, ставь чайник, я пока Леночку в душ отведу. И настойку достань из буфета. Ту, что с мелиссой и девясилом.

Окончательно пришла в себя только под горячими струями, ощутимо бьющими в тело. Мыло Светлана тоже варила сама. Оно стояло тут же в небольшой баночке и умопомрачительно пахло медом и мятой.

Итак, что мы имеем? Трех родственниц, отчаянно пытающихся от меня что-то скрыть, но при этом практически подталкивающих к реке. Сходила я на ту речку. Теперь в нагрузку к трем скрытным ведьмам имеем еще одного довольно страшного водяного дракона, а, может быть, змея. Наверняка, эти торчащие из воды чешуйчатые бревна были сегментами колец, которыми он сворачивался. Хорошо, что дано в условии определили, теперь следует узнать вопрос задачи.

А, собственно, он довольно прост, хоть и состоит из двух частей. Откуда, вообще, в современном мире вдруг взялся живой, вполне осязаемый дракон? И на кой ляд моим бабкам так спешно приспичило меня с ним свести? Судя по поведению Светланы, ей часть истины открыли. И пока родственница не попала под тлетворное влияние двух хитрых заговорщиц, мне предстояло выпытать все, что она знала.

На стуле ждал пушистый махровый халат, в котором я уютно утонула, и шерстяные носочки ручной вязки. На полу стояли тапочки из овчины, а на столике у раковины лежал фен. Исходя из того, что туристки в охотничий домик должны были нагреться скоро, я решила поторопиться. Волосы сушила в спешке и уже через несколько минут вошла на кухню, где тихо, но отчаянно спорили хозяева.

Светлана, молча, налила чай, дядя Валера отодвинул стул во главе стола. Я уселась, и хозяева расположились по обе стороны от меня. Горячего хотелось, потому что, несмотря на обжигающий душ, в горле саднило. Возможно, от того, что, драпая от чудища, я почти всю дорогу верещала и визжала, как недорезанный поросенок. Скорее всего, распугав половину диких зверей во вверенной леснику части заповедника. Поэтому отказывать себе в удовольствии не стала и

сделала несколько небольших глотков, ощущая, как живительное тепло разливается по телу.

— Я туда настоячки капнула. Она и лечит, и успокаивает, — произнесла Светлана, пододвинув мне вазочку с малиновым вареньем.

Ага, благодарствую, добрая женщина! Сначала чуть местным угрям-переросткам меня не скормила, а сейчас для следующей партии откармливает. Нет уж, подруга, сейчас ты мне все выложишь. По крайней мере, все, что знаешь.

— В реке водится дракон или огромный змей, — сказала я и посмотрела Светлане прямо в глаза. К ее чести, она их не отвела.

— Говорил я тебе, что рыбаки чудовище видели. Не зря уже, сколько дней никто ночами на лов не выходит, — укоризненно покачал головой дядя Валера. Он, хоть и жил столько лет с ведьмой, но в обряды посвящен не был.

— Ты его видела? — тихо спросила Света, как и я, полностью игнорируя слова мужа.

— Я его чувствовала. Он до меня дотрагивался, прежде чем всплыть рядом и показаться во всей красе! — выпалила я и недобро прищурилась.

— Надо же, как романтично! — блаженно вздохнула родственница и подперла кулачком щеку. — Не думала, что он тебя так быстро почувствует. А поди-ка ты, аж с Байкала унюхал. Его там последний раз видели, а местные соврут — дорого не возьмут. Ты прости, Еленушка, я ведь когда тебя туда отправляла, никак не ожидала, что он сегодня появится.

— Кто он? — тут же спросила я. Ну не дракон же, в самом деле? Глупость получается несусветная.

— Кто-кто... Да Дмитрий же твой! — звонко рассмеялась родственница.

— Мой кто? — удивленно переспросила я.

— Дмитрий... — уже не так уверенно, а даже растерянно повторила Светлана. — Жених твой... Заколдованный...

Ну, бабки! Ну, ведьмы! И Свете всего одним письмом мозги запудрили. Наверняка без какого-нибудь заговора не обошлось. Я, например, только сейчас с удивлением поняла, что ехать в глубинку для того, чтобы искупаться в речке, и даже не спросив, зачем и кому

все это нужно, вообще-то, совсем не в моих правилах. Светлана тоже производила впечатление неглупого человека.

— С мужчиной, с которым я встречалась весь последний год, рассталась сама. По сути, он не делал мне предложение. Поэтому женихом, в полном смысле этого слова, являться не может. Да и звали его не Дмитрий.

Я озвучила Светлане неприглядные реалии своей жизни, и вдруг снова задумалась. Странно, что непьющий Вадим так опустил именно в тот день, когда я срочно понадобилась бабушке. Да и не суетились бы они, если бы не произошло ничего серьезного. Совпадений не бывает — это знает каждая, даже самая юная ведьма. У любого события есть предпосылки. Мироздание само вольно награждать и наказывать человека за поступки. Часто бывает, что не за свои. Агриппина никогда не паниковала на ровном месте, а сегодня на ней лица не было. Не может ли так случиться, что вся история с Гольцманом — это расплата за фатальную ошибку Гриппы? А что? Лично я в подобное верю.

И имя Дмитрий... Где-то я уже слышала его совсем недавно. Нет, ничего на ум не приходило. Информации катастрофически не хватало.

Светлана виновато смотрела на скатерть и глаз на меня не поднимала. Очень удобное время, чтобы взять быка за рога.

— Я хочу видеть письмо, которое написали бабушки.

— Еленка, не правильно это! — испуганно вздрогнула родственница. — Равновесие — вещь хрупкая. Нарушить легко, а вот восстанавливать потом замучаешься.

— Причем здесь равновесие, Света? Я всего лишь хочу видеть листок бумаги, который тебе передали.

— Хорошо. — Она кивнула и полезла в карман джинсов.

Достав, протянула чуть помятый листок мне. Только вот брать я его не спешила. Чуть склонившись, потянула носом. Знакомый грибной дух, так пах отвар, который изредка в малых количествах принимала Ядвига, когда хотела заглянуть в будущее. Значит, и тут не обошлось без колдовства.

— Сожги его, — посоветовала я родственнице.

— Но зачем же они так, я ведь и так бы с дорогой душой помогла, — растерянно пробормотала Светлана, но письмо в огонь бросила, потом вернулась и села рядом.

— Пойду-ка я патроны и ружье переложу, чтоб в случае чего под рукой были, — хмуро буркнул лесник. — Поговорить вам, девчонки, надо. На чистоту.

Кто бы спорил. Только вот начать подобный разговор всегда непросто.

— Спрашиваешь, зачем они так с тобой? А что они ответили про меня? Со мной они так зачем? — все-таки смогла сформулировать то главное, что волновало в первую очередь.

— Спонтанная магия всегда сильнее тщательно спланированной. Да и как бы они тебе рассказали, что любимого человека твоего в чудовище обратили?

— Никакой он мне не любимый! — воскликнула я, а потом припомнила — о суженном Ядвига говорила. Точно знаю, что о моем.

Светлана достала стопки и разлила успокаивающую настойку.

— Чувствую, нам обеим это сейчас не мешает, — сказала она.

Я кивнула, потому что чай чаем, а внутренняя дрожь не желала отпускать. Внутри словно неугомонный червь ворочался, предсказывая неприятности глобального масштаба. А ведь не с меня они начались. Не с меня.

Несколько минут мы рассказывали друг другу все, что знали. Но это не позволяло увидеть картину в целом. Определились лишь с тем, что у моих заговорщиц явно был план, которому они следовали. Я поняла, что Гриппа все же превратила в чудовище бизнесмена, на которого сильно рассердилась. Не зря его никто найти не может. А еще, я поняла тот факт, что по какому-то случайному стечению обстоятельств, этот мужчина оказался моей судьбой. Если, конечно, верить Ядвиге, а уж она в таких делах практически никогда не ошибалась. И имя у судьбы Дмитрий...

Стоп! Что там Мишка болтал о том, кто меня от Гольцмана спасти может? Ну, точно — Дмитрий Петрович Заречный. Дмитрий! Нет, в такие совпадения не поверить сложно.

— Наливай! — скомандовала я Светлане.

— Да, разрослись они! Активизировались! — вздохнула родственница, когда опустели по третьему разу налитые стопки.

— Кто? — не поняла я.

— Темные силы! — посмотрела на Свету с нескрываемым сарказмом.

Ну, в ведьм я еще была готова поверить. Дракона воочию видела, но темные силы — это уже перебор. Кого она имеет в виду? Вампиров, вурдалаков, некромантов, готовящих зомби-апокалипсис? Бред чистой воды! И, кажется, я озвучила эти мысли вслух.

— Лена, — Светлана заговорила снисходительно. С таким видом собираются объяснять прописные истины. — Вот ты с детства с чудесами сталкивалась, силу видела добрую, призванную людям помогать. Неужто, думала, что противовеса ей нет? Да хоть мать твою с отцом вспомнить, перешли они дорогу кому-то очень сильному, вот и получили проклятье, с которым даже бабушки твои справиться не смогли. А ведь они одни из самых могущественных светлых. Мало нас осталось, а темных с каждым десятилетием все прибавляется. Разве не видишь, как они опутывают своей черной паутиной сердца людские и души?

Я промолчала. По сути, Светины слова были очень созвучны моим мыслям. Иначе, чем проклятьем не объяснишь, почему за неделю сторели два пышущих здоровьем человека.

— Я вот, что думаю, — отчего-то зашептала родственница. — Не виновата твоя бабка в превращении этом. Она оказалось последним звеном в хорошо выстроенной цепочке событий.

— Это как? — живо поинтересовалась я.

— Кому-то мешал этот твой Димка. Сильно мешал. И этот кто-то связан с темными. Иначе справилась бы тетя Гриппа, как пить дать!

— И ничего он не мой, — вяло отмахнулась я, но уже как-то по инерции.

Может и правда, стоит к нему присмотреться? С судьбой глупо спорить. Особенно тогда, когда она планирует одарить, а не стукнуть по темечку тупым предметом. Кроме того, Заречный совершенно точно мешал Гольцману. Надо бы у Мишки выяснить все, что он про эти дела знает, или самой стоит покопаться в интернете. Вспомнила, на какой ветке здесь технический прогресс, и сникла.

Выпили по четвертой. Варенье в вазочке как-то незаметно кончилось. И когда только успели? Ладно, сладкое, говорят, способствует мыслительному процессу.

— Так, когда туристки в охотничий домик въедут? — поинтересовалась я.

Света посмотрела на меня и рассмеялась.

— Варенье со щек сотри. Замуж тебе надо, да силу уже принять, а то так и останешься до пенсии ребенком.

— Но-но! — я погрозила пальцем, но вряд ли мне вняли.

— А бабки твои, я думаю, к утру уже тут будут. Я глаз на всякий случай от дома отвела. Мало ли сейчас лихих людей.

Кивнула. Поднялась. Поправила халат и направилась к двери.

— Ты куда? — удивилась родственница.

— Пойду еще раз на жениха гляну, — ответила чистую правду.

— В халате?

— Без него прохладно, — резонно заметила я. — Весла у вас, где лежат?

— Там... У сарайки...

Светлана покачала головой, но отговаривать не стала. Да и бесполезное это дело. Если уж ведьма что решила, то все равно сделает.

Тапочки скользили по траве и слетали, но расставаться с ними категорически не хотелось. Халат пришлось запахнуть посильнее, а пояс затянуть. Весла нашлись там, где и сказала хозяйка. Рядом стояла бочка с дождевой водой, и я, не удержавшись, заглянула в черную, освещенную фонарями гладь. На меня смотрело всклокоченное нечто с блестящими глазами и странной, будто предвкушающей что-то улыбкой на губах. Хороша невеста, ничего не скажешь. Тут даже чудище испугается.

Украстить бы меня чем-нибудь. Только вот чем? Ответ нашелся сам. Когда я сделала шаг от сарая, тонкая подошва тапок заскользила, и если бы не весла, послужившие мне опорой, позорно растянулась бы на лужайке. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Взгляд упал на небольшую клумбу усыпанную бархатцами и ноготками. Цветы! Вот, что поистине украшает женщину, придает ей шарм, делает загадочной и желанной.

Тьфу! О чем это я? О каком желании может идти речь? На секунду прикрыла глаза, вызывая в памяти образ речного змея. Дракон как дракон, даже страха к нему уже нет, не то что вождения или там страсти какой неистовой. Больше того, я вообще смутно представляла процесс спаривания и зачатия у водных рептилий и их анатомию знала скверно. Да, что там, отвратительно знала, то есть, совершенно не знала.

И все же невеста должна быть невестой. В белом! Я придирчиво еще раз осмотрела халат. Да, белый, правда, уже немного запачканный. К чему-то успела прислониться. Дальше что там? Фата! Это еще рано. Может местный змей такой же змей, как все мужчины, с которыми у меня было, а свадьбы не было? Не буду думать о грустном. С этим женихом и первое «было» рисовалось чем-то очень фантастическим. И не в плане — прекрасным, а скорее — нереальным.

Что я пропустила? Распущенные волосы! О, с этим полный порядок. Мои волосы после фена ни в одну приличную прическу не соберешь. Украсить бы. И тут мы плавно подошли к чему? Правильно! Снова к цветам.

Ерунда, что бархатцы только для букетов первоклашек хороши. Мне сейчас выбирать не приходится. Цель не влюбить, не охмурить, а произвести самое приятное впечатление. Красивый человек всегда чуть-чуть выгоднее смотрится. Красота — это, вообще, страшная сила! Что, собственно, в моем случае, совсем недалеко от истины.

Венок получился довольно пестреньким, объемным, и, водрузив его на голову, невеста, держа в каждой руке по веслу и стараясь на ходу не потерять тапки, направилась навстречу своему счастью.

Светало. Деревья в первых лучах восходящего солнца отбрасывали длинные причудливые тени. И, не знаю, как сосны, а вот пробудившиеся птицы надо мной точно посмеивались. Им вторили цикады и кузнечики. Я и сама, признаться, чувствовала себя, хоть и решительно, но как-то глупо. Иду тут к совершенно незнакомому челю... змею, словно навязываюсь. А у женщины гордость должна быть и самоуважение.

Но если подумать в глобальном, общемировом, так сказать, масштабе, то вселенское равновесие все же немного выигрывало, а собственная гордость казалась эгоизмом, излишеством и непозволительной роскошью в сложившейся ситуации. Еще и темные силы какие-то. Надо бы расспросить об этом поподробнее.

Берег встретил тишиной. У знакомого валуна сиротливо стояли мои балетки, а рядом лежали сарафан и полотенце. Хорошо хоть kleptomанией суженый не страдал.

Как переворачивала и спускала на воду лодку — это отдельная история. Не знаю, насколько физический труд облагораживает, но пачкает он изрядно. С каждым новым пятном на относительно белом

уже халате, невеста стремительно теряла очки своей привлекательности. Надо бы поспешить. То есть, поднажать.

И я гребла и гребла, направляя лодку к середине реки. Достигнув желаемого места, от греха подальше, вынула из воды весла и аккуратно сложила их на дне. Потому что искренне полагала, что удар веслом по морде не самое лучшее начало знакомства. У нас и так первая попытка не задалась. Скомкано все как-то вышло и визгливо очень. Сама не ожидала, что мой голос может быть таким пронзительным и мерзким. Халат снова запахнула, пылающие от волнения щеки смочила речной водицей. Да, еще веночек — символ женской красоты и очарования поправила. И только потом приступила.

А к чему, собственно? До этой самой минуты я и духов-то ни разу не вызывала, даже в шутку, а тут целый дракон. Когда нет четкого плана, действуешь наобум. И я совершила первое, что пришло в голову.

— Дмитрий Петрович! Дмитрий Петро-о-о-о-о-о-о-ви-и-и-и-ич! — громко позвала я.

То ли магические слова оказались не те, то ли чудище на меня обиделось, но на мой призыв никто не откликнулся. Иногда и судьба вполне может повернуться тылом, если не принимаешь ее даров с первого раза. А все почему? Упаковывать нужно правильно, ненавязчиво и привлекательно!

Глава 9

Глава 9

Я звала, вопила, улюлюкала пока не охрипла, ибо ведьмы, они настырные очень и привыкли добиваться желаемого любым путем. Река оставалась безмолвной. Надо мной потешались не только птицы, но даже комары гудели так, что было понятно — издеваются.

Возвращаться, несолоно хлебавши, не хотелось. Да и обидно стало. Это что же получается, на практически обнаженных дам он клюет, как щука на затейливую блесну, а вести конструктивный диалог, когда так важно расставить все акценты, отказывается? Да он... Да он!..

— А знаете, что, Дмитрий Петрович? — просипела я. Голос все же сорвала, пока кричала. — Вы трус! Да-да! Самый настоящий трус! Вы боитесь ответственности, как все мужчины! Стараетесь переложить все на хрупкие плечи женщин! Ясно вам?

Я перегнулась через бортик и хотела погрозить своему отражению кулаком, но из-под воды за мной наблюдали два огромных желтых глаза, которые... которые... В общем, они росли на не менее гигантской морде.

— А-а-а-а! Кхе-кхе-кхе! — от неожиданности почти шепотом, но все же завопила я и закашлялась.

Отпрянув от края, отдышалась. Эффект неожиданности! Тут любой перетрусит, но я сюда не бояться пришла, а посмотреть своему страху прямо в зенки. Поэтому, недолго думая, еще раз хорошенько откашлялась и снова перегнулась через борт.

Только там, в воде никого не было. Совсем никого! Пусто! Да он издевается!

— Выходи! — даже голос от негодования прорезался. — Выходи, кому говорю?!

В сердцах даже рукой по воде ударила. И тут... Кто-то легонько постучал по моему плечу. Замерла. Оборачиваться не спешила. Когда в лодке, тихо сплавляющейся по самой середине реки, где вы находитесь совершенно одна, кто-то подкрадывается сзади и тихо трогает ваше

плечо, что вы обычно делаете? Плевая задачка. Лично я изо всех сил стараюсь сдержаться и со страху не замочить халат, на котором сижу, при этом усиленно убеждаю себя, что все это мне приглючилось.

Крепкая у Светланы настоечка, однако, и травы в ней забористые. Нужно рецепт взять.

Солнышко поднялось чуть выше, и я увидела ее — тень, зависшую над моим плечом. Странную, совершенно не похожую на тень дракон. Скорее уж, она смахивала на червя-мутанта.

Обернулась резко, ожидая натолкнуться на очередное страшилище, но передо мной висел он. Самый обычный хвост. Точнее, хвост был необычный, а чешуйчатый, заканчивающийся перламутровым плавником. А вот хозяин хвоста висел тут же, неподалеку, возвышаясь над водой на добрых полтора метра.

— Так вот ты какое, чудище речное! — выдохнул я.

Собственно, дракон совсем не был страшным или отвратительным. Чешуя блестит, из пасти не пахнет, мускулы под кожей перекатываются. Сразу видно, что мужчина за собой следит. Видали и похуже, и поужасней. Не самый плохой вариант. А если его адрессировать, то он и рыбу в дом приносить сможет. Чем не добытчик?

Лена, о чем ты думаешь? Ты сюда зачем явилась? Страхам в глаза желтые посмотреть? Да! И как? Посмотрела? Вполне. Если больше внезапно появляться не будет, то, пожалуй, визжать не стану. Что там еще-то? Поговорить? Разумно. Наверное. В любом случае, попробовать стоит. Что я теряю?

— Здравствуйте, Дмитрий Петрович! — Вежливое приветствие и дракону приятно.

— Пф-ф-ф-ф-ф! — ответил змей, выдохнув в меня теплую струю воздуха.

— Вы меня, конечно, не знаете, но я представляюсь. Мое имя Елена Усольцева. Да-да, я внучка той женщины, которая, по-вашему мнению, превратила вас в речное чудовище. Это замечательно, что вы, находясь здесь, еще никого не сцапали. Или сцапали?

Я выжидательно посмотрела на змея. Он молчал, но явил из воды несколько колец мощного тела.

— Ладно, не хотите, не говорите! Держите при себе свои секретки. Так вот, моя родственница очень раскаивается в содеянном

и почему-то считает, что расколдовать вас смогу только я. Точнее, так думают обе мои бабушки.

— Пф-ф-ф! — удивленно выдохнул дракон.

— Да, не говорите, Дмитрий Петрович, сама не пойму с чего они так решили. Из меня и ведьма-то так себе. Понимаете, мы в силу вступаем либо после замужества, либо после пятидесяти лет. Ни одного, ни второго фактора в моей жизни еще не случилось, но вы не отчаивайтесь. Мои бабушки почти никогда не ошибаются. А у меня есть одна идея.

— Пф-ф-ф-ф? — как мне показалось, вежливо поинтересовался дракон.

— Понимаю вас прекрасно, уважаемый Дмитрий Петрович. Возможно, мой метод покажется вам абсурдным, но ничего более подходящего просто сейчас на ум не приходит. — Я выдохнула и замялась, щеки предательски опалило жаром.

— Пф-ф-ф-ф, — настаивало чудище.

— Сейчас, только с духом соберусь. Не каждый день, знаете ли, предлагаю мужчине такое. В общем, в качестве эксперимента не согласились бы вы опробовать со мной метод царицы Лягушки?

— Пф-ф-ф-ф? — уточнил дракон.

— Нет, лягушкой буду не я, а в силу анатомической схожести, извиняюсь, ею будете все же вы. А мне тогда выпадает роль Ивана-царевича. Как вам идея?

— Пф-ф-ф, — скептически выдохнул собеседник.

— Знаете что? — рассердилась я. — Мне тоже не больно-таки хотелось! Расколдовывайтесь сами! Приятного плаванья! — и я потянулась за веслами.

Лодку потрянуло, и хвост чудовища надежно обвил нос.

— Значит, все-таки согласны пробовать? — возликовала во мне ведьма, а я же сама слегка призадумалась.

Лягушка-то царицей, но мне эту страсть лобзать придется. А у него рот больше чем моя морда! Тьфу! Хотела сказать, его пасть шире, чем все мое лицо! Про зубы и говорить нечего — кинжалы! Какие уж тут поцелуи. Змей тоже притих, он наблюдал за мной, философски склонив на бок голову.

Все мужчины одинаковые. Похотливые животные! Как для дела нужно, так в них, видите ли, скептицизм просыпается. А как получить

порцию дармовых поцелуев от красивой, между прочим, девушки, так тут даже драконы в очередь выстраиваются. Вон, еще и хвостом придерживают, чтобы не удрала часом.

Я еще раз взгляделась в морду.

— Да-а-а! Работы непочатый край! — затосковала. — Тут одним поцелуем разве отделаешься?

— Пф-ф-ф! — выдохнул змей.

— Уверены? — все еще сомневаясь, переспросила я, и на крошечную долю секунды мне показалось, что чудовище мне кивнуло. — Хорошо, Дмитрий Петрович, будь по-вашему. Но только три раза! Дальше просто смысла не имеет.

Дракон, на этот раз кивнул вполне отчетливо. В этом я могла бы поклясться.

Дело оставалось за малым, осуществить тот самый, наполненный страстью, эмоциями и чувствами ведьминский поцелуй. Легко сказать!

Страсть во мне как-то и до этого не особо бурлила. К сексу я вообще относилась, если не равнодушно, то относительно спокойно. В отношениях с мужчинами, скорее преобладала патологическая необходимость о ком-то заботится. Мне нравилось чувствовать себя нужной, любимой и даже желанной, но в быту. А постель оставалась вполне терпимой, но рутинной обязанностью таких отношений. Хотя не скрою, в любовь я верила, и порой хотелось гореть и желать самой.

Эмоции и чувства — с этим проще. Нигде не упоминалось, какими они должны быть. Обида, разочарование и горечь тоже своего рода эмоции и могут, при правильном подогреве, стать довольно сильными. Сказано — сделано. Во время поцелуя буду вспоминать Вадима. С некоторых пор никаких позитивных чувств у меня к нему не осталось. Из-за этого хлыща я, вообще, сижу в лодке и разговариваю с ящером! Кому рассказать, так не то, что не поверят, вызовут специалистов-медиков. Причем, экстренно.

Разочарования не ощутила. Обиды, как ни странно, тоже. Горечь мелькнула и спряталась. Странно, как будто и не было человека в моей жизни, даже эмоций не оставил на память. Только злость внутри нарастала. И не на Вадима, нет! На себя! Что-то я замерзать стала, от воды веяло прохладой. А вместо решительных действий, я сижу тут и мнусь, словно ни разу не целованная школьница.

Опираясь на бортик, поднялась. Еще раз взглянула на жениха зачарованного. Замутило. Возможно, переволновалась, а, может быть, настойка у Светланы несвежая была. Кто ж знает? Пришлось сделать несколько глубоких вздохов.

— Дмитрий Петрович! — полным трагизма голосом возвестила я.

— Пф-ф-ф! — ответил мне змей.

— Пора! Склонитесь!

До последнего не верила, но дракон действительно качнулся в мою сторону, и огромная морда зависла в полуметре от меня. Желтые глаза сияли, как лампочки, а пасть растянулась так, что казалось, будто чудовище улыбается. Очень смешно! Обхохочешься!

С боков на голове выступали довольно острые, похожие на шипы, наросты. За них я и схватилась, притянув морду к себе поближе. А потом зажмурилась и... троекратно облобызала змея, не забыв при этом помянуть крепким словцом мерзавца Валима! Мысленно, разумеется.

Глаза не открывала, прислушивалась. Но абсолютно ничего подозрительного не происходило. В руках я ощущала все те же наросты. Птицы смолкли, совершенно очевидно, устав надо мной истерично ржать.

Набралась храбрости и все же открыла глаза, встретившись с довольно осмысленным и очень грустным взглядом. Мысль о том, что змею мог не понравиться мой поцелуй, отмела сразу. Оставался лишь один вариант, дракона, как и меня, расстроил результат нашего неудачного эксперимента.

И, чтобы хоть как-то утешить его, я протянула руку и впервые дотронулась до чудовища, ощутив под ладонью крепкую, твердую чешую. Солнце поднялось уже прилично, и весь ящер ослепительно переливался в его лучах. Завораживающе красиво.

— Ну, что вы, Дмитрий Петрович, не расстраивайтесь так, — заворковала я, поглаживая мощную... пусть будет — шею. Хотя, какая она шея, если змей весь состоит из одного туловища? Или все же хвоста? — Подумаешь, не вышло в первый раз. Обещаю, мы обязательно попробуем еще способы. Вы не сомневайтесь, я их обязательно придумаю. Вот домой сплаваю, отогреюсь, отдохну немного и сразу к вам! Вы только, пожалуйста, лодочку отпустите, а?

Я с мольбой заглянула в сияющие глаза. Грусть сменили тоска и безысходность. И так мне его жалко стало, что не передать!

— Я честно-честно вернусь! — клятвенно пообещала я. — Ведьмы не врут и не дают напрасных обещаний.

— Пф-ф-ф-ф! — печально вздохнул змей.

— Стыдитесь, Дмитрий Петрович! — пожурила я и использовала запрещенный, но действенный прием. — Вам ли этого не знать! Ведь с моей бабушкой вы успели познакомиться лично и весьма близко. Знаете, она до вас никого так сильно не заколдовывала. И, вообще, я замерзла!

Дракон не ответил, но погрузился в воду, а лодка довольно быстро поплыла к берегу сама. До галечной косы оставалось несколько метров, когда я услышала очень знакомый голос:

— Лена! Ленка! Ложись!

Я завертела головой, пытаюсь рассмотреть Ядвигу. Не померещилось же мне, в самом деле?

— Ложись, дурочка! — теперь совершенно отчетливо кричала Гриппа.

Нет, ну нормально? Сами меня в эту глухомань затащили, заставили с драконами целоваться, а теперь им еще гимнастику на свежем воздухе с утра пораньше подавай.

И тут я увидела его... А потом и их, и еще одного... Но сначала его с этим... Вот с таким...

На берегу аккурат у лесочка стоял огромный бритый мордоворот. В руках громила держал оружие. Вряд ли пойму, какое именно. То ли длинный пистолет, то ли короткий автомат. Да ведь и дело то не в этом совсем! Дело в том, что его дуло смотрело в упор на меня.

На меня! Бандит нацелил на меня оружие!

А совсем недалеко от него босые, простоволосые, одетые с старинные белые, расшитые красной и черной нитью, рубашки стояли обе моих бабушки и Светлана. Они держались за руки, раскачивались из стороны в сторону, словно березки на ветру, и что-то беззвучно шептали, а может быть напевали.

Впервые я видела малый ведьмин круг. В его центре стоял щедушный мужичок. С виду самый обычный. Длинная шея с дергающимся кадыком, мятый костюмчик. Такого в толпе и не заметишь. Только исходила от него сила, которую даже я

почувствовала. И в руке он держал совсем не обычную палку, а самый настоящий посох, исчерченный древними рунами и заклятьями на давно мертвых языках, увенчанный темно-фиолетовым кристаллом. Фиолетовый! Значит, колдун использовал магию душ. Сколько же людей извели, чтобы кристалл так сиял? Страшно подумать!

Пространство в центре круга вспыхнуло синим, и мужичонка пронзительно закричал, спугнув стаю птиц.

— Э-э-э, тетки, вы чо творите-то? — рыкнул громила и развернулся в сторону ведьм. — А ну отпустите братана!

В том, что на берегу происходит какой-то обряд, я не сомневалась. На секунду, когда поняла, что оружие больше не направлено мне в грудь, вздохнула с облегчением, а потом обмерла от ужаса. На меня не направлено, но оно теперь смотрело на трех моих безоружных и очень занятых родственниц.

— Эй, жирны-ы-ы-ый! На меня смотри, уродец! — завопила я, размахивая руками, начисто позабыв о собственной безопасности, но отвлечь бандита от орущего в круге товарища не удалось.

— Оружие опусти! — рыкнул дядя Валера, появившийся на пригорке. Ружье он вскинул и направил на громилу.

— А то чо? — оскалился мордоворот.

— Увидишь, — довольно тихо, но вполне отчетливо, так, что даже я услышала, произнес лесник.

— Па-а-а-а-аша-а-а-а! — завизжал хлюпик. Сияние вокруг него стало гуще, а синие всполохи — ярче, но посох мужичонка из рук не выпускал, словно от этого зависела его жизнь. Хотя, возможно, так оно и было.

Толстый заметался. В круг он не отважился стрелять, рискуя попасть в своего. И я вдруг поняла, что сейчас будет. Дура ты, Ленка! Как есть дура! Сколько времени потеряла! Это осознала, уже падая на дно лодки.

Вот только выстрелы, целая очередь чертовых выстрелов прогремела, нарушая покой этих мест. Я зажмурилась и завизжала, прекрасно осознавая, что хоть одна из выпущенных пуль достанется мне.

Лодку основательно тряхнуло, потом закрутило и вдруг толкнуло так сильно, что я ударилась головой и отключилась.

— Еленушка, горлица моя ненаглядная! Открой глазоньки! — Услышала я Гриппу. Кто-то тонкой струйкой лил воду мне на лицо. Голова гудела, как медный котел, по которому стукнули молотком.

Глаза разлепила с трудом, и тут же зажмурилась из-за светившего солнца.

— Ну, как она? — беспокоенно спросила Светлана.

— Живая! — с облегчением выдохнула Ядвига.

Предприняла еще одну попытку открыть глаза, но в этот раз прикрыла их ладонью. Сработало. Надо мною склонились три встревоженные родственницы.

— Как же ты нас всех напугала, Еленка! — усмехнулась Гриппа.

— А где бандит? — спросила я.

— Тьфу ты! — в сердцах сплюнул подошедший дядя Валера. — Ведь в ногу целился, а так за Ленку испугался, что положил его к чертям собачьим! Теперь ментов звать надо.

— погоди ты со своими ментами! — цыкнула на него жена.

— А колдун? — я все еще никак не могла прийти в себя.

— Упустили мы его, окаянного, — с горечью сказала Ядвига. — Столько готовились, выманивали, тебя вон под пули подставили две дурры старые, и все одно — упустили!

— Плохо готовились. Силен он для нас оказался. Нам бы в круг еще одну ведьму, — ответила Гриппа и почему-то очень испытующе посмотрела на меня.

— Что? — удивилась я. — У меня дара нет!

Но ответить мне не успели.

— Ментов звать надо! На этого жирного уже вон птицы садятся. Не ровен час глаза покойнику повывлеваются, — вмешался лесник.

— Давай, зови! Чего там! — подскочила Светлана. — А дракона мы куда денем? Как им представим? Или, может быть, его тушу на опыты на кафедру зоологии сдадим?

— Ка... Какого дракона? — выдохнула я и села, а потом, вообще, встала на колени и, расталкивая родственников, поползла.

Там, возле лодки лежало тело огромного серебристого змея. Только вот галька под ним была красной от крови. Его крови...

Глава 10

Глава 10

Дракон не подавал признаков жизни.

— Он... Он же не... — духу задать мучавший меня вопрос не хватало.

— С видудохлый, — пожал могучими плечами дядя Валера. — Я ногой в него потыкал, не шевелится даже.

— Валера! — шикнула Света.

— Что-о-о? — почти всхлипнула я.

— Перед тем, как мордатый выстрелил, змей вокруг лодки, как леска на катушку, намотался, да так на берег и выпрыгнул. Все пули ему достались. А я уж на автомате палил, опоздал чуток, — лесник почесал затылок и виновато посмотрел сначала на меня, потом на жену. Совершенно очевидно, что он не знал, кто сейчас лежит перед ним. Да разве ж в такое можно поверить, находясь в здравом уме? — Так что, Еленка, по всему выходит, спасла тебя зверюга. С собой пожертвовала, а тебя спасла.

— Пожертвовал... — прошептала, потому что горло словно сдавило. В груди щемило, и сердце ныло так, что хотелось выть.

Глаза наполнились влагой, мир потерял четкость и подернулся пеленой, а по щекам поползли горячие капли. Ведьмы не плачут, но они способны отчаянно сожалеть.

— Эх, ты! — пожурела растерявшегося Валерия супруга. — Зверюга...

— А что я-то? Все ведь так и было... — пробасил бородач.

Бабушки, подхватив под руки, помогли мне подняться с колен. Ноги еле держали, но едва я встала, тут же направилась к огромному телу дракона, чтобы подойдя к нему и вновь рухнуть на колени перед мордой дракона. Их не стыдно преклонить перед тем, кому обязан каждым сделанным глотком воздуха.

Грязный, мокрый халат покраснел, пропитавшись кровью моего спасителя. Слезы душили, а рыдания, разрывая грудь, просто рвались из меня, но я сдерживалась, закусив губу. Протянув дрожащую руку,

дотронулась кончиками пальцев до некогда блестящей, а теперь потускневшей чешуи. Глаза змея были закрыты, на уголке пасти запеклась кровь.

Не смогла подавить всхлип. Меня всю трясло, как в лихорадке. Это не он, а я... Я должна тут лежать недвижимая и бездыханная. Я, слышите?

Хотелось кричать и вопить, чтобы выплеснуть всю боль, что сейчас терзала меня, но вместо этого, я только тихо сопела, смахивая соленую влагу, застилающую глаза, рукавом.

— Что же вы наделали, Дмитрий Петрович?! — прошептала я. — Что же вы наделали... Зачем? Отчаянье не повод лишать себя жизни, даже во имя спасения другой! Мы бы все равно нашли способ вас расколдовать... А вы?! Вы! Вы мне не поверили...

Отчаянье накрывало, словно лавина, сметая сознание, закручивая его в опасные спирали. Я почти распласталась на гальке, обхватив руками драконью морду, и прижалась щекой к местечку между ноздрями змея, не чувствуя, как острые чешуйки режут кожу, ранят меня, а из царапины сочится кровь, смешиваясь со слезами.

— Мне так жаль... Так жаль... — повторяла и повторяла я. — Для мертвых нет надежды, она есть лишь для живых, и только для них она имеет значение. Как вы могли, Дмитрий Петрович?! Как?!!

— Пф-ф-ф-ф! — слабо выдохнул змей.

И я замерла, прислушиваясь. Уж не показалось ли мне? Приставила ладонь к самой ноздре и почувствовала слабое дыхание. Жив!..

— Ба... — тихо позвала я. — Ба! — уже громче.

— Тише, Еленка! Не переживай, справим мы ему тризну, не дадим хищникам растащить тушу. Чтобы дух его здесь витал, да защищал эти места от лихих людей, — завела свою песню Гриппа.

— Рано тризну... Жив он!

— Ох, ты ж, силы светлые! — всплеснула руками Агриппина и поспешила к нам.

Вместе с ней подтянулась и вся наша семейка.

— Живучий! — покачал головой лесник.

— Ты б, Валера, сходил бы погулял часик. Не до тебя сейчас. Видишь, дела какие творятся? — попыталась сплавить его Светлана.

— Вас, ведьм не поймешь, — пробухтел он, направляясь прочь. — Ладно, я вон на пригорке посторожу. Места хоть и тихие, а не ровен час пройдет кто.

— Пф-ф-ф-ф... — снова слабо выдохнул дракон.

Гриппа уже приложила руки к огромному телу и прикрыла глаза. Мы тоже замерли, напряженно наблюдая за ней. Через минуту она встала и смахнула со своего лба выступившую испарину.

— Времени мало! — хрипло произнесла она. — Душа его с полдороги вернулась и теперь рвется обратно туда, откуда уже не будет возврата. Слезы и кровь ведьмы ее назад позвали, но долго не удержат!

— Что? — захлопала я глазами. Слезы понимаю, но откуда взялась кровь?

— На-ка вот, утрись! — Светлана протянула мне смоченную водой льняную салфетку. — Щеку три.

Но стоило мне дотронуться до кожи, как ее защипало так сильно, что я даже вскрикнула от неожиданности. Родственница тут же положила свою ладонь поверх моей, прижимая ткань к порезу.

— От ключевой водицы рана заживится... — зашептала она и по мере того, как произносился заговор, боль отступала, пока не исчезла совсем. Света забрала салфетку и робко улыбнулась. — Ну, вот и все, словно и не было ранки.

— Эй, трещотки! Не до этого сейчас! Ветка, Ядвига, в круг! — шикнула на нас Гриппа. — Еленка, коли в тебе дар только пробуждается, иди к своему дракону, да вену себе режь. Кровью темя ему окропи. Да смотри, чтобы она на землю не попала!

Круг получился своеобразный. Потому что взять в кольцо всю тушу дракона нашему маленькому коллективу было не под силу. Поэтому спешно решили окружить лишь голову. При этом мне пришлось встать совсем вплотную, а родственницы едва смогли соединить руки за рожками дракона.

Ядвига подала нож, очень смахивающий на охотничий, и скомандовала:

— Режь!

Легко сказать! Можно подумать у меня опыт по вскрытию собственных вен имеется. Я замешкалась.

— Коли хочешь, чтобы жил он, кровь надобна! — рыкнула Гриппа. — Твоя! Горячая!

И чего орать? Будто я с первого раза не поняла. Кровь, так кровь! И я полоснула по руке, держа ее над головой змея. Резкая боль заставила охнуть. Порез получился недлинный, но глубокий. Сжала кулак, и на темя дракона закапали темно-рубиновые капли.

Три ведьмы, раскачиваясь из стороны в сторону, затянули древнюю как мир песню. Пространство вспыхнуло знакомым, синим светом, только теперь я находилась в его эпицентре. Но никаких неприятных или болевых ощущений не испытывала. Кровь капала, с шипением впитываясь в драконью чешую, а я вслушивалась в слова, которых не понимала, и млела от мелодии. Она была столь прекрасна, что в какой-то момент мне даже показалось, что мои ноги отрываются от земли, я парю и, словно с высоты, вижу все происходящее. А потом голова закружилась и сознание померкло.

Очнулась от того, что кто-то легонько хлопал меня по щекам, и приятный мужской голос спрашивал:

— Девушка, что с вами? Вам плохо?

Плохо? Да, мне очень, очень плохо! У меня сегодня дракон погиб, с присутствием которого в своей жизни я почти смирилась! И главное, мои ведьмы его одобряли. А это, я вам скажу, совсем немаловажно. Потому ни один мой жених им, по непонятной мне причине, не нравился. И что? Что, я вас спрашиваю? Ни с одним из них у меня не сложились отношения. Рок — скажете вы! Бабушки-ведьмы — теперь со всей убежденностью заявлю я.

Вот так и живу старой девой. Ну не девой, конечно, и не такой уж старой. Но одиночество ни одну женщину не красит, хотя и случайный выбор от безысходности — тоже. Как трудно жить! Еще сложнее найти того, с кем захочется прожить все, отпущенное нам, время.

Память услужливо нарисовала картину недавно произошедшего. Господи, я же руку резала ножом весьма сомнительной чистоты. Наверняка, у меня заражение крови.

— Девушка! — продолжал звать голос, не давая ни на секунду расслабиться.

Хотелось ответить: «Ну что же вам нужно, мужчина?». Мужчина? Да, голос действительно был мужским, и это говорил совсем не дядя Валера. Кроме того, я не слышала ни одной моей родственницы. Неужели, лесник успел позвать полицию и медиков? Если предположить, что вся семья давно дает показания, то надо мной

склонился... доктор? Ох! Сколько лишнего народа! Они же труп моего дракона обнаружат. И тогда...

О том, что случится, думать совсем не хотелось. Кроме того, я не представляла, сколько пролежала в отключке. И халат не первой свежести. Стыд-то, какой!

Несмотря на головную боль, глаза все-таки открыла. На меня в упор смотрел очень симпатичный мужчина. Брюнет, нос ровный, губы грешные, сладкие, наверное, и глаза синие-синие. А ничего доктора в этом захолустье!

— Живая! — с облегчением выдохнул красавчик и улыбнулся, обнажив верхний ряд белоснежных зубов.

Точно не доктор. У медика бы на поддержание такой улыбки никакой зарплаты не хватило бы. Но уж больно экземпляр притягательный. Скорее всего, начальство полицейское.

— Я в раю? — тихо спросила, рассматривая своего спасителя.

— Пока нет, но если продолжите лежать на холодной земле, то рано или поздно обязательно там окажитесь. У вас здесь что, собрание секты любителей встречать рассвет? Давайте руку!

И мне протянули ладонь. Крупную, надежную. За такую любая женщина ухватится. Эх, повезло же кому-то! И поднял, словно пушинку, одним махом. Да, таких мужчин сейчас не делают. Этот наверняка случайно получился или эксклюзивная серия.

Эх, заботливый! Точно медик!

О чем он говорил? Так засмотрелась, что не сразу поняла. Секта какая-то? Я уже поднялась на ноги, но глаз так и не смогла отвести. И мужчина смотрел на меня, не отрываясь. Он был такой высокий, что приходилось задирать голову. И глаза у него...

Хмм... Секта... Секта?

— Бабушки... — прошептала я и с невероятным усилием прервала зрительный контакт.

Так и есть, Гриппа, Ядвига и Светлана без сознания лежали на берегу, все еще держась за руки. Даже в таком состоянии, образуя малый ведьмин круг. Все трое в полотняных вышитых рубашках, босые, простоволосые. Да, уж! Их любой непосвященный за секту примет.

— Господи! — воскликнула я, бросаясь к Гриппе, как к самой старшей из моих родственниц. — Помогите им! Вы же доктор!

— Кто доктор? Я? — искренне удивился незнакомец.

И тут я замерла, медленно обернулась и еще раз внимательно посмотрела на своего спасителя. Дорогой комбинезон, водолазка, фирменная ветровка, резиновые сапоги известного бренда. На доктора он совсем не походил, скорее, на туриста, прибывшего половить на наших речках редких рыб. Только... Только вряд ли он прошел бы мимо лесника.

Простая, но такая невероятная мысль оформилась сразу. Туши дракона нигде не было. Течением ее унести не могло, а это значит...

— Дмитрий Петрович? — тихо спросила я.

— С утра был, — хмыкнул красавчик. — А что, мы знакомы? Встречались? Я бы вас точно не забыл.

Вот только ответить я ему ничего не успела. Очнулись мои ведьмочки. Первая, как самая молодая и полная сил, пришла в себя Светлана. За ней, кряхтя и ругаясь, попыталась сесть Ядвига. И мне пришлось помочь бабушке. А потом уж и Гриппа открыла глаза.

— Все живы? — тихо спросила она.

— Да как будто все, — расправляя плечи, ответила ей Ядвига.

— А со змеем что? — поинтересовалась Гриппа, с тихими охами поднимаясь на ноги.

— Опять вы?! — воскликнул бывший дракон, увидев... да-да, ее самую, Агриппину Саввичну Усольцеву, собственной персоной. — Вы что меня преследуете? И где я, позвольте спросить? Это похищение?

И уставился этот Дракон Петрович на мою бабушку как-то совсем не по-доброму.

— О чем ты, милок? — наивно похлопала глазами Гриппа, и кокетливо заправила за ухо прядь седых волос. — Я вот сама грешным делом подумываю, уж не преследовать ли ты меня надумал за шутку мою невинную?

— Я? — удивился мужчина. — Преследовать? Да вы с ума здесь все посходили?

— А что мне еще думать, прикажешь? — уперла руки в боки бабушка и стала наступать на разгневанного красавца. — Сначала дома меня лишить удумал, рабочих подослал! Приехала с семьей к родственникам погостить, а ты тут как тут! Следил за мной? Признавайся! Уж не спровадить ли на тот свет старушку собрался?

— Точно с ума ты сошла, старая! — делая шаги назад, выдохнул Дракон Петрович. — Да я знать не знаю, как я тут очутился! А, кстати, как?

Он остановился и теперь уже окончательно огляделся.

— Что это у вас тут происходит? И кто это там лежит? — он кивнул на убиенного лесником бандита Пашу. Не по-христиански, конечно, получилось. Но ему уже все равно, а у нас дела поважнее нашлись.

— Это я тебе сейчас поведаю, чего там. — Перестала наступать Агриппина. Мы, разумеется, притихли. — А было все, касатик, так. Пришли мы к речке зарю встретить. Красивый здесь рассвет, не то, что у нас в городе. Да тебе-то чай все равно, на красоты природы наплевать. Ты вон бетон да асфальт больше ценишь...

— Дальше! — перебил ее Заречный. О, я аж вздрогнула. Бабушке Гриппе никогда никто не перечил. Никогда! Никто!

— А что дальше? — как ни в чем не бывало, продолжила она. — Глядь, лодка по речке плывет, а в ней человек бездыханный. Вон Еленке пришлось сплавить да пригнать ее к берегу, стало быть. А на дне ты лежишь. Еленка — это вот она, внучка моя. В городе экологом трудится, угрожали ей за то, что не дала речку нашу химическому заводу загрязнять. Думали тут, в глуши ее убересть сможем. Так эти бандиты и тут ее нашли. Только мы тебя достать да привести в чувство хотели, как появился бандит да стрельбу открыл по нам. Слава светлым силам, не попал ни в кого. Вон Светланин муж вступился, выстрелил. Обездвижить супостата хотел, да промахнулся и насмерть уложил. Мы как все это увидели, так разом сознания и лишились. А, Валерий, стало быть, побежал полицию звать. Ты, кстати, Светлана, сбегай, проверь, где твой благоверный так долго ходит.

Слушали мы Гриппу, раскрыв рты. Света отмерла, только когда непосредственно к ней обратились. Быстро кивнула и побежала в ту сторону, где лесник скрылся.

— Ну, вот так как-то и было. А уж откуда ты, милоч, в лодке взялся, того не ведаю. Да-а...

— Во, заливаает! — едва слышно шепнула Ядвиге.

— Ага, — ответила она. — А жених-то хоро-о-о-ош! Берем!

И игриво ткнула меня локтем в бок.

— Это как же вы узнали, что Валерий за полицией побежал, если все без исключения, без сознания попадали? — прищурился Дракон Петрович.

— Не только статный, но еще и толковый, — хмыкнула Ядвига.

Второй раз ткнуть в меня локтем у нее не вышло. Я благоразумно отступила и с интересом ждала, что же ответит Гриппа, на логичный, в принципе, вопрос.

Глава 11

Глава 11

Однако Гриппа и тут не растерялась. Я и не подозревала, что моя бабушка может так умело и ловко выкручиваться. Полноценным враньем ее историю назвать сложно, скорее, она просто упустила все мистические события. И это тоже было верным решением. Зачем травмировать психику мужчины, который и без того частично потерял память.

На самом деле, даже себе не смогла бы ответить — сострадаю ли я Дмитрию Петровичу или радуюсь тому, что он начисто позабыл наш поцелуй. И, вообще, слишком уж я много глупостей ему наболтала.

Бабушка хихикнула, чего за ней тоже раньше не замечала, и вдруг хлопнула Заречного по плечу.

— И все-то ты, милоч, подмечаешь! Дак, разве ж перепутать можно, ежели последнее, что я услышала перед обмороком, был его крик «Полиция!»?

Мужчина замер, покосился на сухонькую ладонь, которую Гриппа так и не убрала с его плеча, и процедил сквозь зубы:

— Гражданка Усольцева, держите себя в руках!

— Кто гражданка? Я? — ничуть не обиделась она. — Для тебя, милоч, Агриппина Саввична я, но, так и быть, можешь звать меня бабуля!

— Что-то я не заметил вашего ко мне расположения в своем кабинете, где вы, простите, гром и молнии метали! Причем, в прямом смысле этого слова! — выпалил Дмитрий Петрович, а потом взглянул на меня и как-то притих. Даже сердитая складка, залегшая между бровями, разгладилась. И взгляд посветлел: сделался из темно-синего васильковым.

— Я, знаешь ли, тоже всего видеть не могу, — развела руками Гриппа. — Бывает, ошибаюсь. Не без этого. Ну да ты зла-то на старую женщину не держи, Димочка. И, вообще, кто былое помянет тому глаз вон!

Заречный растерялся. Ох, чувствую, видел он мою бабушку совсем иной, а сейчас просто удивлялся разительным переменам. Да и Димочкой, могу поспорить, его называли не часто. Может, наедине очередная пассия мурлыкающим голоском. Мысль не понравилась. Хорошо, что ей не дали развиться и обрасти подробностями.

— Ну а меня можешь Ядвигой Мефодьевной звать или бабушкой Ядвигой. Это как уж тебе сподручнее, — тут же включилась в разговор вторая хитрая бестия и цепко ухватила Дракона Петровича за вторую руку. — А чего это мы тут стоим? Завтракать давно пора. Светлана пади и плюшек уже настряпала да медок свежий выставила. Чай давно ты пирогов-то не едал, касатик?

И повели они его, горемычного. Он и пошел, увешанный, как новогодняя елка, моими родственницами. Правда, Заречный все же обернулся, нашел меня взглядом и заметно успокоился, заметив, что я иду следом.

Почти поднявшись на пригорок, Дмитрий Петрович вновь вспомнил о главном.

— А полиция? Труп?

— Мы ж не сбегает. Надо им будет, так они нас у лесника-то живо сыщут, — ответила ему Гриппа.

— И то верно. А уж мы им быстренько все и расскажем, — вторила ей Ядвига.

Я же понимала, что полиция о нас даже не спросит. Светлана уж давно чары навела. Спишут на бандитские разборки, да и прикроют дело. Жалко ли мне было Павла? Любая жизнь бесценна, только вот ценить ее и оберегать каждый должен сам. Он сам сделал выбор, отдав душу за лихие быстрые деньги, без труда нажитые. Потому что совершенно не важно — доброе колдовство или злое, закон всегда один — свершиться оно должно лишь с добровольного согласия. Только в этом случае равновесие не нарушается.

Вскоре показалась усадьба лесника. Утром она выглядела еще внушительнее. Прямо как княжеский терем. Чары отвода глаз спали или их сняли за ненадобностью. У крыльца в машине копался дядя Саша. Шумели сосны, щебетали птицы, жужжали шмели и пчелы, собирая нектар диких цветов. Из трубы поднимался дымок, и пахло сдобной выпечкой. Типичная мирная картина летнего утра. Словно и не было на берегу трагических событий.

— Ушли на речку и с концами! — пожурил моих старушек дядя Саша. — А молодца где такого выловили?

— Его Еленушка, рискуя жизнью, спасла! С гордостью ответила Ядвига. И самое забавное, что в ее словах не были ни слова неправды.

Я снова поймала внимательный и оценивающий взгляд синих глаз. И только сейчас поняла, в каком виде стою перед интересным мужчиной. Халат грязный, тапки давно утеряны, босые ноги в пыли и зеленых травяных разводах, во всклокоченные волосы намертво впутались несчастные бархатцы. Ничего не скажешь! Страшно красивая невеста у змея получилась!

Да еще Светлана масла в огонь подлила. Выпорхнула на крылечко вся такая чистенькая, ухоженная, в голубом домашнем платье, из-под косынки кокетливая прядка светлых волос выбилась. А ведь она не старая еще. На нее Дракон Петрович посмотрел пристальнее, и взгляд задержал дольше, в глазах даже интерес мелькнул, мужской такой.

— Прощу за стол, гости дорогие! — пропела она.

И ведь прекрасно понимала, что родственница не кокетничает, не пытается перетянуть на себя внимание. Просто на ее фоне я сейчас проигрывала, а змей... Змей поступал так, как привык. Выделял среди самок самую пригодную.

Стало стыдно, а еще немного обидно. Все же, наверное, плохо, что он меня совсем не запомнил. С другой стороны, все текло своим чередом, и вел себя Заречный, как обычный мужик, не сильно обремененный моралью, считающий, что женщин на свете много и все лучшие на какое-то время обязательно должны принадлежать ему. Возможно, так оно и было. Особенно, если учесть его колоритную внешность, но мне почему-то совсем не хотелось становиться очередной его легкой победой. Жила же без него. А в очередях пусть другие стоят.

Я первой направилась в дом.

— Еленушка, куда это ты? — окликнула меня Ядвига.

— Думаю, нам всем не помешало, бы, привести себя в порядок! — не оборачиваясь, и возможно излишне резко ответила я.

Душ, снова горячие упругие струи помогли прийти в себя. И чего я, собственно, так растеклась лужицей? Мужик, конечно, красивый, неглупый и, по всему видно, не привык слова на ветер бросать и с делом их разлучать. Только вот с чего я взяла, что он мой? От того, что

бабушки о какой-то судьбе толковали? Так сколько было людей, которые с дорожки предназначенности сворачивали? Не сосчитать. И не всегда после этого жизнь их хуже сложилась. Человек на то и человек, чтобы мыслить и самому свою судьбу по кирпичику выстраивать, не полагаясь на магию, гороскопы и зелья.

Любовь должна родиться, взаимное уважение, доверие. Он должен стать для меня самым лучшим, и я для него тоже. Настолько, что все недостатки вдруг перестанут раздражать, они скорее будут вишенкой на торте совместной жизни. А без этого никакая судьба не сделает меня счастливой. Счастье — его заслужить нужно, заработать, выстрадать. Иначе, просто не оценишь. Не сможешь, если оно даром досталось.

Чем больше я об этом думала, тем больше убеждалась: валить мне отсюда надо. В город. Подальше от бабушек с их опекой и от Заречного, который плевать хотел и на судьбу, и на меня вместе с нею. Навязываться не в моих правилах.

Волосы сушила не спеша. Заплела их в небрежную косу, за косметикой и не подумала лезть. Себя уважать перестану, если поддамся внутренней симпатии, и стану на себя его внимание перетягивать. Да еще перед кем? Перед горячо любимыми родственницами! А что, к примеру, будет, когда его окружают холеные красотки, требующие внимания? Тоже бороться бесконечно?

Эх, Ленка, одно ясно — понравился он тебе, аспид синеглазый! Прямо в душу запал. Обычные джинсы, кроссовки, тонкий свитер. И все же не удержалась, полезла в рюкзак и провела несколько раз тушью по длинным, пушистым, но светлым на концах ресницам. Веснушки замазывать не стала. Пусть уж как есть. Завтрак бы еще пережить в кругу любимой семьи, члены которой сговорились устроить мою личную жизнь.

Светлана принимала гостей на своей любимой кухне. По всему дому витали такие ароматы, что рот невольно наполнялся слюной, а желудок жалобно сжимался, напоминая, что со времен сомнительной успокоительной настойки, в нем практически ничего не было.

Еще спускаясь по лестнице, услышала беседу. И как это родственницам удалось опередить меня? Не то, что бы я подкрадывалась, но старалась шагать тише, чтобы не упустить ничего важного. Возможно, даже не предназначенного для моих ушей. Благо

хозяйство свое дядя Валера содержал в порядке, ступени на лестнице не скрипели.

Мои родственницы неспешно и очень благожелательно общались с Драконом Петровичем, который, в свою очередь, хоть и не понимал, чем вызваны такие перемены в поведении Агриппины Саввичны, ведь своих намерений в отношении ее дома он не менял, старательно поддерживал разговор. Впрочем, ему и самому было любопытно, потому что последнее, что змей помнил, как оказалось, это рыбалку с неким помощником Антоном.

— Так ты, милочка, говоришь, в Разноречье рыбачил? — как бы невзначай спросила Ядвига. Не удивлюсь, если в этот самый момент две моих заговорщицы переглянулись между собой.

— Да, у меня дом там. Построил, а выбираюсь не часто. Работа, знаете ли, — ответил Дмитрий Петрович.

— Места там знатные! — поддержала беседу Гриппа. — Еще мой дед там охотился, а потом зверье повывели. Хорошо не всё, догадались заповедник сделать. Да, говорят, все одно высокое начальство туда пострелять ездит. Не слыхал ли?

— Нет. Не люблю убивать диких животных, хотя держу несколько фермерских хозяйств. Сами знаете, сейчас в магазине приличные продукты не купишь. — Вот, буржуй! Продукты ему неприличные в магазинах!

— Свое-то, оно, знамо дело, завсегда лучше! — авторитетно заявила Гриппа.

— А я больше рыбную ловлю люблю. Посидеть на бережку или в лодке с удочкой, подумать.

— Подумать — это хорошо. Хорошо-о-о, — согласилась Ядвига. — Так ты в речку-то, все же, как угодил?

Повисла недолгая пауза, а потом жертва ведьмино проклятья ответила:

— Сам не знаю. Рыбачили на косе. Клев был хороший. И вроде уже уходить нужно было, а все ждал, что сейчас на крючок попадет нечто небывалое.

— И как? Попалось? — спросила Светлана, гремя тарелками. — Сейчас омлет поспеет, и можно садиться. Дмитрий Петрович, выпейте пока молочка, я только подоила. Или вы из холодильника предпочитаете?

Ишь, распелась! Мужа на нее нет! Подумала и сама же себя укорила за такие мысли.

— Благодарю вас, Светлана. Парное молоко для городского жителя — экзотика, но я не откажусь.

— Пейте на здоровье.

— Да, с рыбой-то, что дальше было? — тут же перевела разговор в нужное русло Ядвига.

— В том-то и дело, что предчувствие меня не обмануло. Огромный таймень схватил. Судя по тяге, там не меньше тридцати килограммов живого весу. Антоха рядом стоял...

— Уж не тот ли это Антоха, которого я в твоём кабинете видала, а? — живо поинтересовалась Гриппа.

— Он, друг мой и заместитель, — подтвердил Дмитрий, не заметив подвоха. Я же практически услышала тот треск, с которым сейчас разваливалась вся придуманная бабушкой история. — Так вот, тяну я тайменя, и вдруг поскользнулась и в воду. Дальше ничего не помню, ни как плыл, ни как в лодке оказался.

— А Антоха-то твой, где был? — уточнила бабушка.

— Да, говорю же, рядом он стоял. И место там неглубокое. Странно, как я сюда попал...

— Чего ж странного? Может, течение, а может, лихие люди. Ты б проверил, касатик, деньги, документы, ключи на месте ли? — вклинилась Ядвига.

— Не брал я ничего. Зачем в тайге деньги? Медведю за место заплатить, что ли? Так он скорее морковкой возьмет или той же рыбой.

Больше задерживаться не могла, хотя, признаюсь, разговоры на кухне велись любопытные. Да и дядя Саша уже входил в дом.

— О, Еленка, — добродушно улыбнулся он. — Где бы здесь руки помыть?

— Вторая дверь по коридору направо, — ответила я, чем, собственно, себя и обнаружила.

На кухню входила, нацепив дежурную улыбку. Заречный в окружении моих родственниц выглядел как большой довольный жизнью шмель на цветочной клумбе. Без ветровки он казался еще привлекательнее, если такое вообще возможно. И, кажется, вся моя семья была им очарована всерьез и надолго.

— А вот и наша Еленка, — улыбнулась Светлана. — Зови дядю Сашу, Валеру ждать не будем, садимся, а то чайник второй раз грею.

— Он уже идет, — сообщила я, усаживаясь рядом с Ядвигой, подальше от бывшего дракона. Хотя, как мне кажется, драконы бывшими не бывают.

Стоило заговорить, как внимание гостя тут же переключилось на меня. Конечно, я теперь довольно презентабельно выгляжу. И не важно, что простенько. Главное, молодо, а на фоне бабушек и вовсе кажусь юной. Смотрю и интерес в синих зенках вспыхнул, и лицо стало такое, как у кота, перед которым крынку со сметаной поставили. Нет уж, Дракон Петрович. Вы, разумеется, мужчина видный, но к серьезным отношениям совсем непригодный. А у меня уже и времени на пустые шуры-муры не осталось. Ребенка хочется, да и в силу войти тоже. Потому что быть ведьмой без дара — это все равно, что всю жизнь жить у ларька с мороженым, ходить мимо него, но так ни разу и не попробовать. Обидно. И смотреть на смазливую физиономию змея я себе запретила, тем более тут было, на что взглянуть и кроме него.

Не знаю уж, каждый ли день так завтракают в доме лесника, но сегодня стол ломился. На горячих булочках, щедро посыпанных сахаром и корицей, таяли кусочки сливочного масла. Посреди стола стояло огромное блюдо с пушистым омлетом, в котором явственно различались ломтики помидоров и зелени. Тарелки с нарезанной копченой олениной, домашним сыром и солеными сигаами соседствовали с вазочками варенья и домашними соленьями. Под тряпицей лежали толстые ломти свежее испеченного хлеба. Кувшин молока и глиняная тарелка с крупными хлопьями творога сиротливо примостились на самом краю. Расстаралась хозяйка, ничего не скажешь.

Несколько минут все молча и весьма дружно ели, потом наперебой хвалили зардевшуюся Светлану, а когда пришло первое насыщение, дошли до чая и разговоров.

И поскольку о Заречном они поговорили без моего присутствия, то сейчас тема была одна — Гольцман, его угрозы и незавидное положение одного эколога, который попал под раздачу из-за своей принципиальности.

Эх, а ел Дракон Петрович красиво. Вилочку держал правильно, ножичком орудовал так, что любой аристократ удавился бы от зависти. Видимо, сказывался опыт деловых обедов и ужинов. Но при всем, притом, слушал он внимательно, а на меня не забывал бросать загадочные масляные взгляды. Зря стараешься, понял? Видела я твою сущность в речке! И даже целовать пришлось... Вот знала бы, что зря, ни за какие коврижки не стала бы!

Мне слова не давали, и обе мои бабушки заливались соловьями, расписывая, с каким супостатом меня жизнь столкнула. Да тут, куда ни глянь, супостат на супостате и супостатом погоняет. К примеру, один как раз напротив меня сидит, улыбается, являя зрителям безупречно белые зубы.

— Значит, статья вышла сегодня утром? — уточнил Заречный.

— Да, Мишенька, Еленкин друг, расстарался. Говорит в интернете-то вашем еще с вечера все данные, которые ему внучка передала, появились, — доверительно сообщила ему Ядвига. И откуда, только все узнала? Следят они за мной, что ли? Может, смотрят в какое блюдечко с яблочком, пока меня дома нет?

— Больничной-то мы ей до среды выправили, но где уж нам, старым, защитить ее. Вы бы уж поспособствовали, — и Гриппа умоляюще посмотрела на змея.

Артистки! Даже не предполагала, что они так мастерски умеют ветошью прикидываться. Представляю, сколько раз эти хитрюги меня разводили, беззастенчиво пользуясь внучкиной доверчивостью!

Заречному очень не понравилось упоминание о Михаиле и нашей с ним дружбе. Нахмурился, поджал губы, и даже смотреть на меня перестал. Не очень-то и хотелось, если что! Но все равно было любопытно, что он про все это думает. Очень уж его Затеин хвалил.

Думал Дракон Петрович довольно долго. Я уж и поерзать на стуле успела, и лишнюю булку съела. Родственницы тоже притихли и переговаривались исключительно шепотом. Дядя Саша вообще флегматично и медленно продолжал поглощать завтрак. За долгие годы дружбы с моими бабушками он такого понасмотрелся, что его ничем не проймешь.

Наконец, Заречный отмер.

Глава 12

Глава 12

Дмитрий Петрович вскинул подбородок, обвел всех внимательным взглядом (на мне, разумеется, остановился дольше), и изрек:

— В целом я понял вашу проблему и, думаю, смогу помочь. Тем более, она переплетается и с моими собственными интересами тоже. История с опубликованием документов по химзаводу сыграет мне на руку, а Гольцмана заставит на время затаиться. Это позволит без спешки собрать все материалы для решительного удара. Теперь, что касается... — Заречный сделал паузу, а потом произнес мое имя так, что внутри что-то запело, а кровь-предательница прилила к щекам. — Что касается Елены. Вы ведь экологом трудитесь, не так ли?

Синие глаза заставляли плавиться и растекаться лужицей, но я держалась. На упрямстве держалась, потому что уступить однозначно означало погибнуть. Таких, как змей не забывают, до конца жизни пытаются по кусочкам склеить разбитое им сердце.

Кажется, он что-то спросил, а я, разумеется, ответила. Самое умное, что пришло мне сейчас в голову.

— А?

— Говорю, экологом трудитесь, Елена? — терпеливо повторил свой вопрос Заречный, при этом улыбнулся так, словно прочел мои мысли. Я же почувствовала себя полной идиоткой.

— Им самым, — кивнула в ответ. Голос не дрогнул — уже хорошо. Теперь бы еще смущения своего не выдать.

— Отлично. Тогда сделаем вот что, мне все равно требуется заключение по лесопилке и бетонному заводу. Вот я и попрошу, чтобы Елену... — он смущенно кашлянул. — Как вас по батюшке?

— Мирославовна, — любезно подсказала я.

— Чтобы Елену Мирославовну Усольцеву откомандировали ко мне на фирму. Скажем, сроком на один месяц. — Если честно, обидно стало еще больше. Нет, он, конечно, угадал, что у нас с бабушкой фамилии одинаковые. Но то, что Заречный даже не предположил, что я

могу носить фамилию мужа или пусть даже бывшего мужа, расстраивало. — Только вот больничный придется закрыть раньше. Давайте так, завтра утром за вами подъедут мои люди, и в офис вы поедете через поликлинику, идет?

— Вряд ли поликлиники работают по субботам, — резонно заметила я. — Если только дежурный врач. Но что-то мне подсказывает, что он не станет экстренно закрывать липовый больничный.

— Еленка, ну какой липовый? Самый настоящий! — надулась Ядвига.

— А ведь верно, мы на рыбаку в пятницу уезжали. Значит... — И тут у него ничего не сошлось. Пазл не сложился, контакты коротнули, и Дракон Петрович задал такой же по степени идиотизма вопрос, как я несколькими минутами ранее. Чем, собственно, значительно повысил мое чувство собственного достоинства и самооценку. — Как суббота? Почему?

— По календарю, — приоткрыла ему завесу практически тайных знаний.

— Этого не может быть! — выпалил он. Все мои родственницы и даже дядя Саша старательно отвели глаза, оставляя тем самым всю разъяснительную работу мне. Ну и ладно, мне не сложно. Скорее даже в радость лицезреть растерянного Заречного.

Поэтому начала с констатации факта.

— Может, — подтвердила я.

— Но вчера была пятница. — Мда, идиотский у нас диалог какой-то получается.

— Вчера был четверг, а позавчера среда, — терпеливо объяснила я. — Так бывает. Давно уже. С тех самых пор, Дмитрий Петрович, как тот самый календарь, который я уже упоминала, придумали. Да не волнуйтесь вы так. Давайте начнем с месяца и числа. У вас с числами как? Получше, чем с днями недели?

Змей хмыкнул.

— Намного! — заверил он, и не успела я порадоваться, как тут же добавил: — Ну и язва вы, Елена Мирославовна! Слушал бы и слушал. Так что там, говорите, с числами?

Наглец. Но какой обаятельный, и главное, сходу сарказм просек и на такую же манеру общения переключился. Вот что значит

профессионализм.

— С числами все просто. В этом месяце их 31 штука. Например, сегодня 25е. — И я улыбнулась. А что? У меня тоже зубы хорошие.

Заречный заметно сник. Гриппа уткнулась в свою чашку и вообще пыталась мимикрировать под кухонную утварь. Правда, получалось у нее плохо.

— Хотите сказать, что я неделю по реке плавал? — недоверчиво спросил змей.

Ох, милый, не по реке! Бери выше... Точнее, глубже бери! В реке! В ней самой! Вслух же сказала совсем иное:

— Боюсь, я этого просто не знаю.

— Мне нужно позвонить! У вас есть мобильный телефон? — Дракон Петрович с надеждой посмотрел на Светлану.

Родственница так расчувствовалась, что едва не плакала. Я же, хоть и сочувствовала змею, но где-то глубоко внутри посмеивалась над тем, как ему сейчас придется лезть на березу, предвкушая выражение холеного лица.

— Сейчас-сейчас, — вдруг засуетилась хозяйка. — Одну минуточку. Вы, понимаете, мы в глуши живем, и не каждая связь здесь ловит. — Вот он момент истины! — Подождите минутку, Дмитрий Петрович, я только до трансформаторной схожу и телефон принесу. Мы на ночь спутниковую антенну отключаем.

Что? Ну, ведьмы!!! Как Леночке, так на березу лезь — пятая ветка сверху самая счастливая, а как Заречному, так телефончик в дорогу улыбку? Припомню! А у ведьм, в отличие от драконов, память долгая и месть изощренная.

Но принесла Светлана не телефон, а довольно большую рацию.

— Извините, — немного смутилась она. — Здесь только громкая связь. Сами понимаете, нам с мужем скрывать друг от друга нечего. Если хотите, мы все выйдем. Вам нужно нажать вон ту красную кнопку и, удерживая ее, назвать оператору нужный номер.

— Пещерный век! — хмыкнул Заречный, но устройство взял и даже милостиво сообщил: — Я пока тоже ни о чем секретном говорить не планирую.

То есть нам позволялось остаться. Вот и хорошо, потому что я бы этот разговор ни за что на свете не пропустила.

— Девушка, будьте добры... — он продиктовал номер и, когда пошли гудки, принялся ждать, нервно барабанив пальцами по столу.

— Слушаю, — ответили на том конце.

— Антоха, здаров!

— Дима? — недоверчиво спросил собеседник, и голос его дрогнул.

— Я. — Подтвердил Дмитрий Петрович, в трубке что-то упало, и воцарилась тишина. — Антон? Антон!

Заречный даже подул на рацию.

— Связь оборвалась, что ли? — спросил он у Светланы. Мне же было жаль его заместителя. Судя по звуку, приложился парень основательно.

Хозяйка посмотрела на индикатор рации и ответила немного растерянно и как-то сдавленно:

— Нет, со связью все в порядке. Должно быть...

В трубке снова что-то загрохотало, потом зашипело, и снова послышался весьма приятный, но очень уж взволнованный голос:

— Димон, это и правда ты?

— Я это. Я! — теряя терпение, уведомил собеседника заречный. — Куда ты пропал? Что там случилось?

— Стулья у нас в офисе хлипкие! — не вдаваясь в подробности, сообщил зам. — Димочка, а ты сейчас где?

При слове «Димочка» Дракона Петровича перекосило. Даже не нужно быть ведьмой, чтобы понять, ругнуться он хотел витиевато и в женском обществе совершенно неприлично, но передумал. А скорее всего — отвлекся. Его лицо вдруг стало вновь удивленным, а глаза сменили цвет на насыщенно голубой.

— А действительно, где я? — под пристальный взгляд змея снова попала Светлана.

— На Власинской заимке, в лесничестве, шестьдесят седьмой километр.

— Слышал? Кстати, тут наша знакомая Усольцева Агриппина Саввична. Очень мне помогла.

— Кто? — прохрипели, а потом закашлялись в трубке.

Я посмотрела на бабушку. Причем, очень внимательно. Гриппа разглядывала потолок, упорно делая вид, что разговор ее никоим образом не касается. Вот же затейница!

— Потемкин, тебе что, память отшибло?

— Мне? Мне-то, как раз, нет! А ты беги оттуда! — у зама явно прорезался голос.

— Что? — Дракон Петрович совершенно ничего не понимал. Да и, правда, где ему, сердешному? Сама бы не поверила, если бы своими глазами его в чешуе и с хвостом не увидела.

— Линяй оттуда, слышишь? Ноги делай! Уходи огородами! — заорал меж тем Потемкин, чем еще больше озадачил своего босса.

— Здесь нет огородов... — тихо ответил он, но потом, видимо, и его змеиное терпение лопнуло. — Какими огородами? Что ты, черт возьми, мелешь?

— Я мелю? — захлебнулась трубка. — Да тебя уже почти неделю все МЧС области по всем рекам ищет! А находит, значит, все та же Усольцева, которая и прокляла? Знаешь, Димон, я в совпадения не верю! Я своими глазами видел, как ты в серебристого дракона превратился и уплыл! Даже не думал, что еще раз увидеться придется.

— В какого, к лешему, дракона? Совсем там без меня с ума посходили? — грозно рыкнул Дракон Петрович. Да так это у него получилось, что даже я вздрогнула и подскочила на стуле. Как с таким сатрапом люди-то работают? — А тебе, Антоха, я давно говорил, завязывай со спиртным! Уже драконы мерещатся. В общем, так, чтобы через два часа машина с шофером была на заимке. Сам не приезжай, займись лучше Гольцманом. Там статья на него должна была выйти...

— Уже вышла, весь город гудит, — сообщил тот.

— Так вот, найди журналиста и тащи его к нам в офис. Похоже, спасать нужно будет эту отчаянную голову.

— Понял.

— Тогда, до встречи.

— До встречи, — ответил зам, но, прежде, чем отключиться, все же добавил: — А о драконах и ведьмах мы все же еще поговорим.

Рация замолчала. Змей виновато посмотрел совсем не на Гриппу, а почему-то на меня, и примирительно произнес:

— Чертовщина какая-то...

— Это вряд ли! — авторитетно заявила Ядвига.

— Еще чайку? — тут же подсуетилась Светлана.

— А покрепче ничего нет? — с надеждой спросил Дракон Петрович.

— Настоечка. Успокоительная. На травах.

— Годится, — кивнул Заречный и совершенно зря не посмотрел в этот момент на меня.

Потому что я-то эту настоечку уже пробовала. И что? Целовалась потом с тварью речной огромной. А куда занесет его, вообще, неведомо. Впрочем, от рюмки отказались только я и дядя Саша. Степной горячительное не пил принципиально, предпочитая всем компаниям своего четырехколесного друга.

Бабушки мои тоже стресс запивали. А Светлана, как хозяйка и изготовительница зелья, пример показывала.

— Хороша настоечка-то, — похвалила ее Гриппа, закусывая хрустящим соленым огурчиком. — И богородской травки не пожалела. Молодец!

— А вы правда ведьма? — осторожно спросил Заречный. Говорила же я, что Светина бормотуха язык на раз развязывает!

— А то как же, — весело ответила бабушка. Ох, неужели, и ее на откровенность потянуло? — Секрет я тебе, милоч, открою. Все бабы ведьмы. Да-да! Абсолютно все! Так нам природой на роду написано. Только одни творят, а другие вытворяют. Вот и вся разница.

— Что-то такое я давно подозревал, — пробурчал Дракон Петрович и все же согласился на чай.

Услышав о том, что Мишку собираются доставить в офис к змею, я занервничала, потому что чувствовала себя виноватой. Только благодаря мне бедный Затеин оказался втянут во все передраги, связанные с химзаводом. Если бы не позвонила ему, не передала документы, то жил бы он себе спокойно дальше. Разумеется, это в корне меняло мои планы. Я собиралась напроситься с Заречным, и тем обиднее прозвучали его слова:

— А вам, Елена...

— Мирославовна, — любезно подсказала я.

— Мирославовна, — послушно повторил змей. — Вам я бы рекомендовал не совершать лишних телодвижений, а до понедельника отсидеться здесь, в тишине и покое. Машину я за вами пришлю.

Что? Это он всерьез? Да без моих лишних телодвижений сидел бы он сейчас в реке и лопал лягушек!

— Благодарю вас, Дмитрий Петрович, но я намерена поехать с вами сегодня.

— Не уверен, что это хорошая идея, — блеснул он на меня синими глазами. И, знаете, драконом змей мне нравился гораздо больше. Мы практически с полуслова понимали друг друга. С этим же красивым мужиком что-то не заладилось с самого начала.

— А вот я уверена в обратном. Могу пояснить!

— Не сочтите за труд, Елена...

— Мирославовна! — в очередной раз напомнила я, уже несколько не сомневаясь в том, что мое отчество он помнит, но издевается. — Так вот, я еду с вами, потому что Мишка мой друг, и это я его втянула в свои разборки с Гольцманом!

— Допустим, — спокойно ответил Заречный.

Мало? Так я и добавить могу.

— Кроме того, бандиты уже знают, где я нахожусь. Поэтому из-за меня и Светлана, и ее супруг находятся в опасности. Предупреждаю, если вы меня с собой не возьмете, то я уеду в город самостоятельно.

— А девочка-то права, — поддержала меня Гриппа. — Да и мы с Ядвигой пригодиться можем.

— Не-е-ет! — хором ответили мы. То есть я и Дракон Петрович.

Причем, сделали это не сговариваясь и очень слаженно, кажется, сильно задев родственниц отказом. По крайней мере, обе бабушки синхронно поджали губы и промолчали. В том, что они двинутся следом на приоре дяди Саши, даже сомнений не было. К сожалению, теперь я чудесно осознавала под каким колпаком и тотальным контролем жила всю жизнь.

— Хорошо, я согласен взять Елену... — Заречный посмотрел на меня, я принципиально промолчал, а он без зазрения совести все вспомнил: — Мирославовну с собой. Вам же надлежит сохранять спокойствие и ожидать ее дома. Всем все ясно?

— Грозный какой, — добродушно хмыкнула Ядвига.

— Ничего, это по первости, — тихо ответила ей Гриппа.

Через два часа мы садились в огромный джип с тонированными стеклами и номерным знаком с тремя семерками. Проводить вышли все, даже вернувшийся дядя Валера.

С трупом все было улажено. Конечно, трактовка «несчастный случай на охоте» звучала, на мой взгляд, слишком натянуто и мало реалистично. Для чего городскому громиле нужно было в деловом

костюме и дорогих туфлях в лес соваться? Но, видимо, местное начальство все устроило, и лишних вопросов не возникло.

Через несколько минут машина уже катила по грунтовке. Дракон Петрович с кем-то все время разговаривал по мобильнику. В салоне приятно пахло, играла тихая музыка, а все заднее сидение принадлежало только мне. Я пригrelась и вскоре уже мирно посапывала.

Глава 13

Глава 13

Джип выбрался с грунтовки на шоссе. Асфальт положили совсем недавно, и дорога стелилась извилистой лентой. Водитель Костя что-то едва слышно мурлыкал. Очевидно, подпевая приемнику, а за окном проносились сосны, иногда перемежаясь с просеками и небольшими полями.

Заречный обернулся и посмотрел на мирно посапывающую девушку. Надо же, Елена Мирославовна, нарочно не придумаешь. Дед, видать, тот еще затейник был. Хотя, не только дед. Обе ее бабки тоже оказались весьма занятыми, но с энтомологически наполненными головами. Причем, тараканы у обеих были настолько шустрými, что и не угнаться.

А девчонка хороша! Настоящая, без искусственно накаченных губ, груди, задницы. От такой теплом веет, уютom, надежностью. Глупо считать, что мужикам не нужна надежность. Нужна, еще как. Нисколько не меньше, чем женщинам. Надежный тыл в любые времена залогом победы был.

Мужики, они ведь, вообще, малым довольствуются. Хочется приходить домой и, чтобы тебя встречала не какая-то там Британцева с двумя сардельками вместо губ, вечно тыкающая в телефон наклеенными лучшими стилистами когтями, а вот такая Мирославовна с лучистыми глазами, голосом нежным и звонким, как журчание лесного ручейка, с пшеничной косой до пояса, искренняя, чистая, родная. И обязательно чтобы пирогами пахло, и детишек чтобы двое или даже четверо. И чтобы кот, толстый и наглый.

Он смотрел на спящую девушку и улыбался. Что-то в ней было такое, что постоянно приковывало его взгляд и теплотой разливалось в сердце. Хороша девчонка, только родня у нее странная. Если бы Дмитрий верил в магию и прочую запредельную чушь, точно бы решил, что все они ведьмы. Вон как Потемкину голову задурили, а Антоха — кремень и, вообще, реальный пацан во всех смыслах этого слова.

По хорошей дороге машина катилась плавно, и через какое-то время Заречный задремал. Он плыл под водой стремительно и очень быстро, явно кого-то преследуя. Впереди показались несколько темных силуэтов. По мере того, как он приближался, их становилось все больше и больше. Круглые упитанные тела бросились врассыпную, но у многих из них не были ни шанса.

Мощная пасть смыкалась на жирных тушках байкальских нерп, фактически перекусывая их пополам. Вкусные, сочные и такие неповоротливые.

Что? Неповоротливые? Да такие зверьки могут развить скорость до 30 километров в час. Человеку в жизни за ними не угнаться. И зубы... Откуда у него такие длинные и острые, как кинжалы, зубы? И сырое он никогда не любил, даже сушими игнорировал.

Вода вокруг гибкого мощного тела с блестящей чешуей и перламутровыми плавниками давно густо окрасилась в алый. Многие нерпы в панике ныряли глубже, но он за ними не следовал. Там, на далеком дне, в разломы иногда заплывали по подземным тоннелям твари пострашнее его.

— Шеф! Шеф! — окликнул его Костя. — Приехали!

Заречный распахнул глаза. Ну и бред ему приснился! Он был огромным речным чудовищем. По-своему красивым, конечно, но при воспоминании об оторванных головах бедных нерп и огрызках их внутренностей, его едва не замутило.

— А девушку будить? — водитель, увидев, что начальник проснулся, кивнул на заднее сидение.

— Я сам, — почему-то шепотом ответил Дмитрий.

Он обошел машину, открыл заднюю дверь и не удержался, убрал со щеки Елены и заправил за ухо непослушную льняную прядку волос. Красивые, чуть полноватые, чувственные губы дрогнули в легкой улыбке, и девушка проснулась. Жмурясь, она хрипло со сна спросила:

— Где мы?

Как-то знакомо прозвучал ее голос. Заречный мог поклясться, что слышал его раньше. И вовсе не на заимке лесника. Только вот где? Сколько ни силился, а вспомнить никак не мог. Ему, вообще, казалось, что Елена давно и прочно вошла в его жизнь, и Дмитрий не хотел, чтобы она ее покидала.

— Приехали, — в ответ улыбнулся он. — Позвольте вам помочь, Елена...

На что он надеялся? Может, на то, что они станут хоть немного ближе с этой красавицей? Но девушка явно думала иначе.

— Мирославовна, — вновь поправила его, четко давая понять, что между ними непреодолимая дистанция и сугубо деловые отношения.

В прежние времена Заречный на такие моменты забил бы, а потом забыл, как нечто несущественное и совершенно неважное. Но сейчас холодность и отстраненность Усольцевой его задели.

Ко всему прочему, она проигнорировала протянутую руку и легко соскочила на асфальт стоянки. Девушка задрала голову, окидывая взглядом огромный бизнес-центр, и присвистнула:

— Ничего себе, как теперь честные работяги-то процветают!

Не стал Дмитрий говорить ей о том, что на плаву удержаться непросто, что любое дело — это, прежде всего, люди. И им нужно платить. Причем, не просто платить, а достойно, чтобы каждый держался за свое место и приносил пользу. Не сказал он, как по кирпичику выстраивал свою империю, как несколько раз был ранен в бандитских разборках, но до сих пор наивно верил в человеческую порядочность и справедливость. Жизнь диктует, а порой и навязывает свои правила, и тут главное не сломаться и не потерять себя.

Будь на месте Усольцевой другая женщина, наверное, он бы не упустил шанс немного порисоваться, пустить пыль в глаза, проведя восторженную экскурсию по пустому субботнему зданию. Но только не перед ней. Елена... Лена... Леночка сама поймет, сама все почувствует и сделает правильные выводы.

— Пройдемте! — он указал на широкие стеклянные двери, а она безропотно последовала за ним.

Стоило очутиться в большом холле с блестящими лифтами и отполированными мраморными полами, как к ним подскочил охранник.

— Добрый день, Дмитрий Петрович! — поприветствовал он, и турникет загорелся зеленым.

Заречный видел, каким масляным взглядом проводил мужик Елену. Там горело почти не завуалированное желание. Незнакомое доселе чувство неприятно кольнуло изнутри. Хотелось закрыть собой хрупкую фигурку девушки, а охраннику бросить нечто гадкое, совсем

не красящее Заречного как руководителя. Например: «На что вылупился?» или «Ты уволен!». А еще, как на зло, эти джинсы! Ну, кто, скажите, кто придумал эту дикую моду? Обтянули аппетитную попку так, что простора для фантазий не осталось!

Еще два поста. Картина повторилась. Дмитрий уже готов был завывать от переполнявшего его бешенства. В лифте ехали молча, а когда вышли на знакомом офисном этаже, ярость уже практически плескалась через край.

Последней каплей стал лучший друг, шагнувший навстречу и смеривший Елену оценивающим похотливым взглядом.

— Приветствую! — Антон горячо пожал руку Заречному, с ног до головы осмотрел друга и, кажется, с облегчением выдохнул.

Зато потом все внимание драконьего заместителя переключилось на спутницу босса. Да, пожалуй, что никогда Потемкину еще не приходилось видеть рядом с Дмитрием такую красавицу. Огромные глаза, ровный аккуратный нос, а губы... На такие только взглянешь, сразу целовать хочется до полного забвения и отрешения от реальности. Разумеется, современные салоны красоты и из лягушки царевну сделают, вот только на утро ты все равно проснешься с земноводным. А тут жар-птица! И фигура — закачаешься! Ножки длинные, бедра крутые, под свободным свитером угадывается упругая грудь и тонкая талия. И нет на незнакомке тонны косметики, брендовых шмоток, призванных завлекать и соблазнять, а тянет, будто магнитом. Хочется, как дракону из сказки, схватить сокровище, упрятать и любоваться самому, а еще владеть, владеть, владеть, пока силы не покинут обоих.

Заглядевшись на девушку, Антон не заметил, как темнеет взгляд старого друга, как сгущаются тучи и вот-вот на его голову обрушатся гром с изрядным количеством молний. Наверное, если бы он это увидел, не совершил бы следующей глупости. Откашлявшись, Потемкин сделал шаг вперед и сногсшибательно, как умел только он, улыбнулся. Знал, зараза, что лишь одной своей фирменной улыбкой может покорить любое, даже самое неприступное женское сердце.

— Позвольте представиться, — с самыми соблазнительными нотками в голосе произнес он. — Антон Сергеевич Потемкин. Но для вас... Для вас просто Антон. Хотя, я бы не отказался и от Тони.

Он ожидал ответной улыбки или заинтересованного, а лучше — кокетливого взгляда, брошенного из под густых темных ресниц, но что-то явно пошло не так. Девушка отличалась от всех тех женщин, к которым они с Димоном привыкли, не только внешне. В общем, она кардинально от них отличалась.

Смотрела незнакомка на Потемкина прямо и по-деловому. Руку протянула, но исключительно для приветствия. Ни о каком поцелуе речи вообще не шло, несмотря на то, что нечто подобное Антон изначально планировал.

— Здравствуйте, — мелодично произнесла она и представилась: — Усольцева Елена Мирославовна.

— Как? — И Потемкин, все еще державший хрупкие пальчики, тайком поглаживающий узкую ладошку дамы своим большим пальцем, вдруг выпустил ее и закашлялся.

Елена непонимающе посмотрела сначала на заместителя и только потом перевела взгляд на Заречного. Внутри все похолодело. Дракон Петрович, конечно, не превратился обратно в змея, но синие глаза больше не были синими, они сверкали желтым, а значок из нормального превратился в узкую вертикальную нервно пульсирующую полоску. Но самое главное, за ушами, спускаясь на мощную шею, серебрились знакомые чешуйки.

— Усольцева Елена Мирославовна! И оскал с лица сотри! Не на ту скалишься! — рыкнул он.

Да так громко, что Потемкин вздрогнул, а Елена поспешила прижаться к Заречному, взяв того под руку. Девушка осторожно погладила пальчиками предплечье, и с облегчением обнаружила, что мужчина выдохнул и слегка расслабился. Из глаз ушла полыхающая желтизна, а чешуя бесследно исчезла.

Что-то ее бабки не доработали! Халтура! А брак в работе истинной ведьмы не допустим, ибо несет за собой огромные последствия, порой фатальные для окружающих и мира в целом.

К чести Потемкина, он быстро пришел в себя и, к счастью, не заметил метаморфоз, происходящих с другом. Улыбка из искушающей превратилась в вежливую. Мужчина легко кивнул, признавая новые правила игры. Лена осторожно убрала руку и быстро спрятала ее за спину, отчетливо услышав недовольное рычание. Ничего себе чары!

*** (от лица Елены)

— Очень рад знакомству, — меж тем просиял Антон Сергеевич, а потом осторожненько поинтересовался: — А Агриппина Саввична вам случайно не родственница?

— Бабушка, — произнесла я.

— Сочувствую.

И так искренне это прозвучало из уст, по сути, совершенно незнакомого мне человека, что стало не по себе. А ведь он прав! В мои годы нормальные бабы уже второго, а то и третьего рожают, борщи любимому мужчине варят, а я все как неприкаянная. При этом зачем-то оценивающе посмотрела на змея. Ведь ясно же — не мой товарищ, что бы там бабушки не думали и как бы нас не сводили. Мне счастье нужно тихое и скромное, а с ним разве получится? Вряд ли.

Мы прошли в огромный кабинет с длинным столом для переговоров и еще одним поменьше во главе. Массивное кожаное кресло, блестящие хромом и бронзой канцелярские аксессуары, панорамное окно. Все дорого, солидно и очень по-мужски.

Что-то в этом роде я и представляла. Но сейчас Дракон Петрович в резиновых сапогах, свитере и ветровке не вписывался в обстановку своего собственного кабинета. Видимо, и сам хозяин подумал об этом.

— Прошу прощения. Я на несколько минут вас оставляю. Располагайтесь, — глянул он на меня. Я кивнула. Заречный посмотрел на зама. — Журналиста нашли?

— Да и очень вовремя. Бойцы Гольцмана уже шли по его следу. И как им удастся так быстро вычислять людей? Как по волшебству, — усмехнулся Потемкин. Эх, знал бы ты, Антоша, как сейчас оказался прав, сам того не понимая, попал ровнехонько в цель!

— Разберемся, — на ходу бросил Дракон Петрович. — Когда его доставят?

— В течение получаса будет. Распоряжение охране внизу я дал.

— Хорошо, — произнес Заречный открывая неприметную дверь, хорошо замаскированную под дубовые стеновые панели. За ней обнаружилась еще одна комната и, кажется, душевая кабина, но большего мне рассмотреть не удалось. — Угости Елену Мирославовну кофе.

Дверь закрылась, отрезая местного босса от нас, но почему-то меня не покидало ощущение, что он все слышит и вообще незримо присутствует здесь.

Потемкин отмер.

— Кофе?

Подумав об офисной буре, я внутренне скривилась и покачала головой.

— Будьте добры чай, черный, без добавок и сахара.

— Как скажете, но отказываетесь зря. Кофе у нас здесь приличный.

Заместитель вышел. Улыбаясь своим мыслям и ярко представляя, как симпатичный мужчина в отсутствии секретаря будет собственноручно колдовать над чайником и кофе-машиной, решила подойти к окну. Очень уж заманчивый вид разворачивался за ним. Вроде и центр города, а место для своего офиса Заречный выбрал самое правильное — на окраине старого парка. Лиственницы и кедры, которые каким-то чудом не вырубил и сохранил, щедро делились своей энергетикой с окружающим миром. Даже я ее чувствовала отсюда.

— Нравится? — тихо спросил, подошедший сзади змей.

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Заречный успел переодеться и теперь выглядел безукоризненно с точки зрения делового этикета. Темно-серый деловой костюм подчеркивал ширину плеч, синий галстук очень подходил к глазам и одновременно подчеркивал идеальную белизну рубашки, а стильные туфли кричали о достатке и статусе владельца. Впрочем, как запонки и часы. Дмитрий Петрович даже успел побриться. Да, наверное, сейчас мужчина выглядел как всегда элегантно и безупречно. Только я его узнала другим, видела растерянным, смеющимся, негодующим. В общем, живым, а не киборгом. Сейчас он перестал быть тем моим драконом, чары спали, волшебство исчезло, и от этого где-то на краю подсознания стало капельку грустно.

И что самое удивительное, Заречный мгновенно просек перемену моего настроения. Взгляд потемнел, и мужчина спросил:

— Что-то случилось?

— Э-э, нет. — Я попыталась улыбнуться. Вышло, наверное, жалко. — Все в порядке, просто залюбовалась парком. Красивый у вас из окна вид открывается.

— Да, — не стал спорить он. — Вид прекрасный. Сам люблю иногда здесь постоять, словно энергией заряжаюсь.

Вот теперь взглянула на него удивленно. Неужели, он тоже чувствует? Обычно у людей, полностью окунувшихся в городскую жизнь, закрываются энергетические каналы. Природа продолжает посылать им сигналы и отдавать все самое лучшее, только вот они уже не в состоянии впитать. Так и живут инвалидами, сами не замечая того. А у Дракона Петровича не все потеряно, раз он еще способен чувствовать.

Потемкин вкатил в кабинет небольшую тележку. Мы сели за стол, и по комнате поплыл замечательный аромат свежесваренного кофе. Я даже пожалела, что отказалась, но чай оказался тоже вполне приличным. Просчитать Заречного никак не удавалось, все время ошибалась в своих выводах. Может, это и к лучшему? Ведь, по большому счету, думала-то я о нем не самые хорошие вещи, а он пока опровергал все мои домыслы.

Но, стоило об этом подумать, как произошло нечто совершенно неожиданное не только для меня, но и для самого владельца кабинета.

Двери распахнулись, и в кабинет ворвалась молодая, если не сказать юная, женщина. Красивая, очень ухоженная, современная. Возможно, она немного переборщила с пластикой, но это ее не сильно портило. Довольно короткое платье соблазнительно обрисовывало пышные формы. На мой вкус, дама слегка переборщила с косметикой. По крайней мере, столь яркие тона ей абсолютно не шли, делая посетительницу вульгарной.

Судя по удивленным взглядам мужчин, гостью не ждали. Но саму девушку сей факт нисколько не смутил. Чувствовалось, что кабинет Заречного она посещает не первый раз.

— Британцева, ты что здесь делаешь? — выпалил едва пришедший в себя Потемкин, но дама не обратила на него никакого внимания.

Она смотрела только на Заречного. Призывно, страстно и даже отчасти хищно. Так смотрят на хорошо прожаренный бифштекс после нескольких дней голодания. Дракон Петрович бросил на меня странный, будто извиняющийся взгляд, а потом повернулся к визитерше.

Женщина облизнула густо накрашенные кровавой помадой губы и бросилась в наступление.

— Коти-и-и-и-ик! — почти выдохнула она. Прозвучало настолько интимно, что лично я себя тут же почувствовала здесь лишней. Заречный поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб. — Твой мобильный молчит, а сотрудники просто сговорились разлучить нас!

Наверное, ситуация выглядела бы трагично, если бы фраза не прозвучала так фальшиво. Ноздри Дракона Петровича мерно раздувались. Принюхивается он что ли? Вообще, согласна. Даже если духи хорошие и дорогие, ими все равно нужно уметь пользоваться. А выливать на себя четверть флакона это моветон.

— Света, Антон Сергеевич задал тебе совершенно справедливый вопрос. Что ты здесь делаешь? — синева в глазах босса снова потемнела. Это ладно, это пусть. Меня беспокоил лишь полыхающий желтый.

Надо же, Света... Наверное поэтому он на тетку мою так заинтересованно смотрел, все-таки тезка любимой девушки. Ностальгия, все дела. А размолвки у всех бывают. Но врать я никогда особо не любила. Особенно себе. Хотя порой приходилось. Где-то внутри грыз меня неприятный червячок ревности. И вот вроде умом понимаю, что чужой мужик, не мой, а ничего с собой поделать не могу. И дама эта, ни в чем неповинная, из-за дурацкого, совершенно не характерного мне чувства, кажется особой неприятной и недостойной во всех отношениях.

Кстати, меня тоже интересовал тот же вопрос: что она здесь делает, если ее не ждали? А то, что не ждали, я знала точно, ибо без нашей дружной семейки плавал бы сейчас Заречный змеем и рыбкой закусывал.

— Извиниться я пришла, Димочка! — пропела гостья и плюхнулась на соседний со мной стул. Причем, ногу на ногу положила так, что даже мне жарко стало. А мужики ничего, стойкие оказались.

— За что? — кривая ухмылка искривила красивые губы.

Дама явно не ожидала подобного вопроса, несколько секунд растерянно хлопала нарощенными ресницами, а потом наглость взяла свое.

— Понятия не имею! — заявила она и снова облизала губы. Сохнут, наверное. Болит.

— Вот как. То есть ты пришла в выходной день, когда меня теоретически не должно быть на месте, чтобы извиниться за то, о чем

понятия не имеешь? — говорил змей обманчиво спокойно, чувствовалось, что злится, но чешуя не проступала. Я терпела, хотя находиться в эпицентре разборок любовников было неприятно.

— А что тут странного? — вскинулась девица. — Я не могла выловить тебя целую неделю!

Вот тут ты, милочка, права. Выловить неделю его никто не мог, только я вот сподобилась.

— Проще говоря, ты за мной следила? И кто у нас в фирме такой смелый, что решил тебя информировать о моих передвижениях? А? — Темно-синий стал почти черным. Дивное и одновременно пугающее зрелище. Если бы не одно «но», мне до чертиков надоели их разборки.

— Прошу прощения! — я поднялась со своего стула. В принципе, какое мне дело, ну обратится он змеем, ну закусит неприятной особой? Не думаю, что от этого сильно пострадает мироздание. Думаю, оно от нее тоже устало, как и я за несколько минут. — Вы разговаривайте, а я в приемной подожду.

— Это на нее ты меня променял? — вдруг взвыла Бритнцева.

— Сядь... те! — рыкнул Дракон Петрович. Да так рыкнул, что сели мы обе. Тем более, очень не понятно к кому он сейчас вообще обращался. Но Заречный пояснил. — Прошу вас, сядьте, Елена Мирославовна. А вас, Антон Сергеевич, попрошу вывести гражданку Британцеву, выяснить, кто впустил ее в здание и участвовал в диверсии, которую мы только что наблюдали. Всех виновных строго наказать.

Потемкин подхватил за локоток вульгарную даму и держал, по всей видимости, довольно крепко, потому как вырваться она не сумела. Конечно, женщина отреагировала. Она так разошлась, что я покраснела и опустила глаза. Впрочем, если из ее монолога убрать все непристойные слова и красочные эпитеты, которыми Светлана щедро награждала меня, Заречного и Потемкина, но смело можно считать, что удалилась Британцева в гробовой тишине.

Дверь захлопнулась.

— Извини... те! — выдохнул Дракон Петрович. И было за что. — Хотите чаю?

Чаю? Да я бы сейчас и от успокаивающей настойки не отказалась. Но чаю, так чаю. Мне было все равно, чем сейчас занять руки, которые от стеснения и неудобства просто не знала куда деть. Поэтому кивнула.

Хозяин кабинета встал, потрогал остывший чайник и вышел. Я же снова подошла к окну. К вечеру сгустились тучки, и заморосил мелкий дождик. Крошечные капельки оседали на стекле и стекали тонкими струйками. На улице было промозгло и мерзко, совсем, как у меня на душе.

Конечно, Светка Британцева произвела на меня неприятное впечатление. Но ведь ее с Дмитрием связывали отношения, а он так цинично ее выставил. Не хотела бы я оказаться на месте девушки. Впрочем, вряд ли мне пришло бы в голову вламываться в офис к мужчине, для которого ты ровным счетом ничего не значишь. Гордость бы не позволила. И все равно внутри разливалась горечь, а разочарование в изначально понравившемся человеке ее только усиливало.

Глава 14

Глава 14

— Осуждаешь? — спросил змей, возвращая меня из бранных мыслей в реальность.

Я обернулась. На столе дымился обещанный чайник. Странно, что шагов Дракона Петровича не слышала. Возмущаться и в сотый раз поправлять его не стала. Такие, как он, привыкли обращаться ко всем свысока. Наплевать! В мои намерения не входило сокращать дистанцию.

— Мне-то какое дело? — пожала плечами я и направилась к столу. Мужчина не отставал. Он словно хищник, который решил поиграть со своей добычей, двинулся следом. — Ваша личная жизнь меня не касается. Чаю?

На подносе, кроме чайника, стояли две чашки, поэтому вопрос был излишним.

— Из твоих рук хоть яду, Лена...

И когда он успел перетечь так близко, фактически приперев меня к столу. По крайней мере, я отчетливо ощущала массивный толстый край столешницы, упирающийся сейчас в мою пятую точку. Ноздри змея подозрительно раздувались, словно он принюхивался. И то, что чудовище почуяло, ему очень нравилось. Синева подернулась оранжевым налетом и почти сразу сменилась на пронзительно желтый.

Там, в реке, его намерения были, как минимум, ясны. Зверь, он и в Африке зверь. Поговори с ним ласково, погладь и, возможно, все обойдется. А вот что ожидать от мужчины с аномальными способностями организма, вызванными магическим вмешательством, я понятия не имела.

— Лена... — повторил он и погладил меня по щеке кончиками пальцев. Ледяными, будто под кожей не текла кровь.

Я замерла. Мне кажется, даже сердце на какое-то время перестало биться, а вдоль позвоночника пробежало что-то холодное и очень будоражащее, отчего на коже по всему телу выступили мурашки. Наверное, именно так себя чувствует жертва, когда ее обнюхивает

хищник. Хотя, нет. Там она испытывает страх. Я же совершенно точно змея не боялась, а ведьма во мне вообще предвкушала...

Только вот что? Целовать он меня будет? Теми же самыми губами, которыми размалеванную Британцеву лобзал?

Заречный уперся руками в столешницу, заключив меня в капкан своего тела, и склонился к самому лицу. Ну, точно! Целовать собрался, паразит! Без чувств! Без любви! Одна похоть на уме у этих мужчин. Дулю ему с маслом!

— Держите себя в руках, Дмитрий Петрович! — мои ладошки уперлись в его грудь. Твердую, между прочим, как каменную.

Реакции не последовало. И если бы я резко не отвернула голову, то змей впился бы в губы каким-то чересчур уж жадным поцелуем. А так промашечка вышла, всего лишь скользнул по скуле. Дракону Петровичу это явно не понравилось. И он зашипел. Натурально зашипел, засвистел даже. Совсем как тогда, на речке, когда мою лодку хвостом обернул.

Глаза сияли желтым, словно в голове Заречного кто-то врубил лампочку ватт этак на двести или двести пятьдесят. Зрачок снова вытянулся, а чешуя, минуя виски, спустилась по шее за ворот рубашки. Мамочки!

Не то чтобы страшно, просто обидно стало. Я эту скотину водяную спасаю, живота своего не жалеючи, а он меня только в животной форме и признает. Стоит же ему хоть немного очеловечиться, то сразу красоток с накаченными буф... прелестями подавай! Ведьма во мне пришла в ярость и требовала мести.

Ударить в пах никакой возможности не было, слишком близко стоял ко мне Заречный. Любой силовой прием против такого громилы тоже вряд ли проведу успешно, а открытое противостояние один на один вообще заведомо проигрышный вариант. Рука судорожно нащупывала сзади на столе хоть что-то, что могло помочь и остановить змея. Именно змея, потому что сейчас совсем не человек прикасался раздвоенным языком к моей шее.

Пальцы обожгло, как только они наткнулись на чайник. Зашипела едва ли не громче нервного Дракона Петровича, который, к слову, уже изучал мои ключицы.

— Лена... — прошелестело где-то в районе груди.

Ох, мамочки мои!

И я поняла: нужно действовать решительно и немедленно. Иначе меня здесь, как цыпленка табака разложат прямо на столешнице из элитных пород дерева. Рука судорожно нащупала ручку несчастного, ни в чем неповинного чайника, я вцепилась в нее, как в последнюю надежду, а потом... Потом, действуя медленно и аккуратно, прижала обжигающий горячий металлический бок к обтянутому дорогими брюками заду Заречного.

Несколько секунд мужчина продолжал что-то вынюхивать и искать в ложбинке между грудями, а потом вдруг отстранился, взвыл и схватился за то самое, от чего я едва успела отдернуть чайник и водрузить его обратно, пока змей ощупывал пострадавшее место. Даже стол оббежала и уселась на стул, словно и не при делах вовсе.

Немного подумала и налила себе чай.

— Что происходит? — зло выпалил Заречный, испепеляя меня синим взглядом, при этом отчаянно потирая, собственно, зад.

Ну, слава богу! Чешуя исчезла, все пришло в норму. Вернулся, касатик!

— А что происходит? — как можно равнодушнее спросила я и подняла полную чашку. — Чай вот пью. Хотите?

— Чай? — уже немного спокойнее спросил Дракон Петрович. Очевидно, что он снова ни черта не помнил, но смерил расстояние от сидящей меня до своей пятой точки, произвел в уме сложные расчеты и пришел к выводу, что я никак не могла стать причиной все еще терзающей его внезапной боли, поэтому выдохнул и кивнул. — Хочу. Давайте уже ваш чай.

— Он, вообще-то, не мой, а ваш, — проинформировала я, но меня проигнорировали.

Заречный вольготно расположился с противоположной стороны стола и даже не поморщился, когда присаживался на стул. Волевой мужик! Уважаю.

Я же едва подрагивающими от пережитого руками наливала чай под внимательным, нервирующим взглядом хозяина кабинета. Да пусть себе смотрит. Лишь бы не обрастал чешуей, потому что чудовище, совершенно очевидно, питало ко мне совсем не платонический интерес. От воспоминаний о том, как раздвоенный язык касался моей кожи, передернуло, и я чуть не расплескала чай.

— Волнуетесь? — на лице Заречного сияла ехидная ухмылочка, довольно притягательно искривляя красивые губы.

— Еще как, — не стала врать. Больше ничего добавлять не стала. Пусть сам гадает, что меня так взволновало, а улыбаться и я умею, что и продемонстрировала. — Сахара положить?

— Что? — поперхнулся Дракон Петрович.

Мне пришлось кивнуть на сахарницу и повторить вопрос:

— Вам сколько ложек?

— А сахар... Нет, благодарю вас, Елена Мирославовна, не стоит.

И все же у Заречного очень приятный голос, когда он не змей, чрезмерно притягательная внешность и просто какой-то магнетический взгляд. Чувствую себя с ним робкой школьницей, оказавшейся в компании кумира. И мне совсем это не нравится. Его чашку пододвинула молча и спряталась за своей.

На несколько минут повисла тишина. А потом прозвучал совсем уж неожиданный вопрос. Признаться, я не сразу осознала, что адресован он мне, даже огляделась в поисках хоть кого-то еще, но в кабинете по-прежнему были лишь мы вдвоем.

— Что вы делаете сегодня вечером?

На всякий случай посмотрела в глаза Заречного. Синие. С ума что ли сошел? Или обожгла я его сильно? Но вроде в том месте, где ожог, не особенно много важных нервных окончаний. На мозг точно повлиять не должно.

Поэтому подумала и, на всякий случай, уточнила:

— Я?

— Вы, Елена Мирославовна. Вы.

Неожиданно.

— А с какой целью вы интересуетесь моими планами, Дмитрий Петрович?

— Хочу пригласить на ужин понравившуюся мне женщину.

Разумеется, я задала самый глупый из всех вопросов:

— Меня?

— Из возраста, когда приглашение девушки на свидание репетируют на подруге, я вышел давно, — хмыкнул Заречный.

— А вы меня прямо на свидание приглашаете?

Хозяин кабинета задумался, почесал подбородок и улыбнулся.

— Знаете, Елена Мирославовна, в первый раз в жизни ощущаю, что у таких простых, казалось бы, вопросов, может быть двойное дно.

— О чем это вы? — насторожилась я.

— Понятие «свидание» каждый из нас может понимать по-своему. Обычно, я в него вкладывал максимум действий, которые можно совершить с дамой за один вечер. — Он поймал мой осуждающий взгляд и попытался оправдаться: — Я занятой человек и привык использовать свое время с максимальной выгодой. И, поверьте, чем больше смотрите на вас, тем сильнее мне этого хоч...

— Достаточно! — мне не нравился ни его тон, ни намеки. Пусть с Британцевыми своими объясняется. Хотя, была уверена, что тем объяснений в принципе не нужно, девушки преследовали конкретную цель.

— Извините. Не хотел вас обидеть. Впервые попал в такую глупую ситуацию. Не привык, знаете ли, общаться с хорошими девочками. Повода не было.

Если до этой минуты, где-то на дне бездонной души, я была очарована Заречным и допускала мысль о нашем совместном будущем (каюсь, допускала!), то теперь совершенно точно все! Мы из разных вселенных, мы две частицы с одинаковым зарядом, которым суждено лишь отталкиваться, мы... Мы разные!

— А сейчас решили пообщаться для разнообразия с хорошей девочкой? — это просто любопытно стало, а так, я для себя уже твердо решила держаться от змея подальше.

Ему вновь удалось удивить.

— До сегодняшнего дня всеми силами старался избегать общения с ними.

Дракон Петрович хоть и говорил возмутительные вещи, но все же был честен. Хорошую девочку это подкупало, а вот ведьму, сидящую внутри, корбило и трясло от негодования.

— И... Чем же вам не угодили хорошие девочки? — очень старалась, чтобы в голосе не прозвучала обида. Пусть будет исключительно вежливое любопытство.

Заречный глубоко вдохнул и медленно выдохнул, отпил из чашки почти уже остывший чай. В общем, вел себя так, словно собирался атаковать неприятеля, не меньше.

— Согласитесь, Елена Мирославовна, каждое действие должно быть оправданным и логичным. Ведь, в конечном счете, из них складывается наша жизнь, и мы не должны допустить, чтобы она стала бессмысленной. Проблема лишь в том, что в разные периоды жизни, человек ставит перед собой разные цели.

— Что вы хотите этим сказать? — осторожно спросила я. Где-то внутри зарождалось предчувствие. Знала, что сейчас прозвучит откровение. Нечто очень важное для Заречного, о чем знает очень ограниченный круг людей.

— Меня воспитывала мать. Отец завел новую семью, а мама так больше замуж и не вышла, посвятила свою жизнь мне. Жили скромно, но дружно. Я уже заканчивал университет, когда мама заболела. Онкология. Поздно заметили, поздно обратились к врачам, и она молчала, не хотела меня лишней раз волновать. В общем, ее можно было бы спасти, если бы я тогда располагал нужной суммой и связями. Тогда, после ее смерти, я осознал две вещи: невыносимо больно терять близких, и деньги в нашем мире решают если не все, то почти все. Ударился в бизнес и старался не подпускать никого близко. Наверное, боялся той боли, которую успел пережить когда-то.

Я смирила Заречного скептическим взглядом. Такой громила и боится? Верилось с трудом, хотя я искренне соболезновала тому горю, которое пришлось испытать до дна юному Дмитрию Петровичу. Я тоже совсем рано потеряла родителей. А еще в душе шевельнулась теплота. Не рассказывают о таком посторонним. Вряд ли та же Британцева знала его историю.

— Если речь идет только об ужине то, пожалуй, я с вами поужинаю, — неожиданно даже для самой себя согласилась я.

— Пожалели? — тут же вскинулся Заречный. Да, все-таки чем-то мы с ним похожи, у этого здоровяка тоже гордости через край.

Пришлось перегнуться через стол и, не сводя взгляда с синих глаз, прошептать:

— Не дождетесь!

Мужчина просиял и даже собирался ответить, предполагая, что-то язвительное, но нашу милую беседу прервал Потемкин.

— Там Гена журналиста привез.

— Давай его сюда, — вздохнул Заречный, встал и направился к своему креслу.

Антон Сергеевич окинул взглядом натюрморт на столе, загадочно улыбнулся и вышел. А я почувствовала, как щеки предательски пламенеют, словно нас застали за чем-то неприличным, если не сказать — горяченьким.

Потемкин привел с собой бледного Мишку и еще одного... человека.

Гена оказался гигантом. То есть, они все здесь были совсем не маленькие: и змей, и его заместитель. Но это мужчина с добродушной улыбкой, россыпью веснушек и рыжей шевелюрой производил колоссальное впечатление. Гена вошел и заполнил собой все пространство огромного кабинета, возвышаясь над всеми минимум на голову.

— Здорово, шеф! — пророкотал он с громкостью Ниагарского водопада. — Журналиста заказывали? Доставил в лучшем виде.

Гигант поздоровался с Заречным за руку. Мне бы от такого сжатия все кости раздробило, а хозяин даже не поморщился. После этого Гена просто взял, в прямом смысле этого слова, и поставил бедного Затеина пред синие очи Дракона Петровича.

И мне так его жалко стало. Не Заречного, конечно, а Мишку. Я испытывала неудобство, граничащее со стыдом. Ведь это по моей вине достойный во всех смыслах мужчина, известный журналист и мой друг оказался втянут в эту пренеприятную историю.

— Рад познакомиться! Заречный Дмитрий, — представился босс.

— Затеин Михаил, — ответил друг и, наконец, осмотрелся и увидел меня. — О, Усольцева, а тебя сюда каким ветром занесло?

— Попутным, — пожала плечами я.

Затеин хмыкнул:

— Всегда знал, что ты нужных людей хоть из-под воды достанешь!

И вот на этом месте я бы рассмеялась, если бы Мишаня не попал в десяточку. Заречному совсем не понравилось наше милое общение, он нахмурился, и пришлось замолчать, от греха подальше. Не хватало, чтоб он тут при всех одраконился.

— Гена, докладывай, — бросил змей и уселся в свое кресло. — Присаживайтесь, господа. В ногах правды нет.

— Ее сейчас и в головах днем с огнем не сыщешь, — усмехнулся Затеин, хотя зад на стул все же пристроил.

Громила остался стоять. Говорил он по-доброму, но уж очень громко. Его бас отражался от панорамных окон и беспощадно бил по барабанным перепонкам.

— Вели его четверо. Гольцмановских, я их уже видел. Двоих Серега снял тихонько...

— В смысле «снял»? — напрягся Заречный. — Совсем? Вы там что, с ума посходили? Захотели в гангстеров поиграть?

— Зачем совсем-то? — обиделся Гена. — Мы что без понятия? Отдохнут пареньки часика два и будут как новенькие. Даже штопать не придется. В общем, валить они журналиста хотели, мы их почти час прослушивали. А потом вместе с пленкой ментам сдали. Копии, конечно, сделали. В общем, успели вовремя.

— Хорошо, — с облегчением выдохнул Дракон Птрович.

— Дальше-то какие распоряжения будут, шеф?

— Михаила, пока все не уляжется, спрятать нужно. Везите его на нашу базу и охрану приставьте. Гена, головой за него отвечаешь. Антоха, проконтролируй.

— Бусделано! — отрапортовал Потемкин. — И все же, как-то подозрительно быстро они обо всем узнают. Или из наших кто стучит... Хотя мы сами обо всем спонтанно узнали. Тогда остается только в чудеса поверить и предсказателей.

— Глупо не верить в то, что реально существует, — перебил его Затеин.

— Это вы, пресса, в леших, русалок и чупокабр верите, а мы опираемся на факты, — немного резко ответил ему Заречный.

— Факты? — переспросил Мишка и указал на меня. — Вот вам факты! Две ее бабушки стоят любого разведывательного управления. И сейчас я не шучу, а говорю на полном серьезе. Однажды Ядвига Мефодьевна мне жизнь спасла. Я домой торопился, так она предупредила, чтобы ни в попутку, ни в первый автобус я не садился. Послушался. Дождался второго. А когда к городу подъезжал, увидел что и легковушка и автобус в кювете горят, пассажиры все погибли. Так что мой вам совет, не пренебрегайте их помощью.

— А откуда вы, Михаил, тогда возвращались? — вдруг спросил Заречный. У меня даже внутри все похолодело.

Один Затеин не почувствовал сгущающихся над его головой туч.

— Из Ведьминого скита, Ленку провожал, встречались мы тогда.

— Встречались, значит? — хмуро буркнул змей. Я немного успокоилась, потому что его глаза по-прежнему сохраняли синеву, но вот тон... Короче, говорил он так, что мне хотелось извиниться за все грехи моей молодости и за Мишку в частности.

— Да, было дело, — пожал плечами Затеин. — А что проблемы какие-то?

— Пожалуй, что так. Проблемы. У вас. С Гольцманом. Поэтому сейчас вы все-таки проедете с моими людьми за город и отдохнете несколько дней. Говорят, на природе и работается замечательно. Если вам что-то потребуется, обращайтесь к Геннадию.

— Благодарю вас, — кивнул ему Мишка, а мне подмигнул, что не осталось незамеченным.

— Свободны! — рыкнул Заречный, и Гена, подхватив Мишку, практически испарился из кабинета. И как у него так получается с его-то комплекцией?

— А я? — поинтересовался Потемкин.

— И ты, Антош, отдыхай.

И вот когда мы вновь остались одни, Дракон Петрович повторил:

— Встречались, значит? — заело его что ли?

— У каждого человека есть прошлое. Даже у хороших девочек, — ответила я.

— Тогда едем ужинать. Хочу знать о вас все, Елена Мирославовна.

— Едем, — не стала спорить. — Только уверена, что вам не составит труда дать команду, и ваши специалисты положат на стол полное мое досье.

Мы вышли из кабинета, Заречный запер дверь и только потом ответил:

— Смотря в крошечное стеклышко телескопа, невозможно по достоинству оценить красоту целой вселенной.

А он, оказывается, еще и романтик.

Глава 15

Глава 15

На удивление, огромный джип свернул с центральных улиц, долго петлял и, наконец, остановился, у типового жилого дома, каких сотни, если не тысячи, в спальных районах. На первом этаже здания находился совсем не модный дорогой ресторан, а кафе с довольно скромной, хотя и добротной, вывеской.

— Не бывали здесь? — поинтересовался Дракон Петрович, распахивая передо мной дверь. Я покачала головой. В этом заведении совершенно точно бывать не приходилось, даже район знавала с трудом. — А зря! Очень рекомендую. Как вы относитесь к мясу, Елена Мирославовна?

— Примерно, как к мясу, — улыбнулась опешившему мужчине, но тут же поинтересовалась: — А как нужно?

— Бог его знает! — пожал широкими плечами змей. — Одно могу сказать, здесь его готовят шедеврально. Причем, вне зависимости от закаazanного блюда. Хороши все.

Внутри оказалось мило и очень уютно. На стенах в красивых багетных рамках висели черно-белые фотографии с видами города и природы родного края. Небольшие круглые столики, накрытые рыжими скатертями. На каждом, вместо пошлой вазочки, в центре горит настольная лампа, прикрытая шаровидным плафоном, рассеивающим теплый свет. Резные ширмы делят просторное помещение на небольшие сектора.

Дела у кафе, по всей видимости, шли совсем неплохо. Несмотря на довольно поздний вечер, посетителей было много.

Никакого ажиотажа наше появление не вызвало. Довольно плотная, совсем не молодая официантка приветливо улыбнулась и провела почти в конец зала.

— Прошу вас, — произнесла она неожиданно низким грудным голосом и указала на небольшой столик у окна.

Дама положила перед нами меню в добротном кожаном переплете и удалилась.

— Что закажешь... те? — и все же даже в человеческом состоянии змей упорно переходил на «ты». Тут же поправлялся и снова путался.

Вот только я почему-то больше не расценивала это как неуважение. Скорее, считала попыткой стать ко мне чуточку ближе. Мысль мне нравилась, грела и начисто рассеивала негативный осадок. Прямо химическая реакция какая-то.

Выбор блюд и правда оказался богатым. Да еще и сфотографированы для меню они были так искусно, что даже у сытого человека просыпался аппетит.

— Ну же, смелее, — подбадривал Дракон Петрович.

— Чего мне бояться? Платите-то вы! — пожалала плечами. Хорошие девочки тоже иногда бывают так себе.

— Резонно, — нисколько не расстроился великий босс и лукаво блеснул синими глазами. А еще улыбнулся тепло очень. Так только по-настоящему близким улыбаются.

— Ну, что, касатики, выбрали? — вернулась официантка.

Мне стало любопытно, как на такое фривольное обращениеотреагирует мой спутник, но он смотрел на меня и чего-то ждал. А я что? Я выбрала.

— Мне, пожалуйста, телячью отбивную с кедровыми орехами под брусничным соусом и овощной салат.

Захлопнув меню, передала его даме.

— Возьмите десерт. Вашей фигуре несколько лишних калорий совсем не повредят, не то что мне, а у нас кондитер «наполеон» с заварным кремом и клюквой готовит так, ну просто пальчики оближешь.

— А давайте, — согласилась я. Очень уж вкусно рассказывала женщина.

— Ну-с, а вам, молодой человек, что? — она перевела взгляд на змея, который сиял, как начищенный медный таз. Просто лучился довольством.

— А я, тетя Зина, тоже ничего не имею против телячьей отбивной. Можно две, а то я такой голодный! — в этом месте он жалобно посмотрел на даму, и та задорно хихикнула. — Так, еще салатик «охотничий», сыр-гриль, соленые грибочки и наливочки нам вишневой принеси, а?

— Сделаю, Димочка. Может, ушицы поешь? Захар, как чувствовал, что ты сегодня заглянешь, расстарался.

— Нет, пожалуй, с рыбным меню я пока воздержусь, а вот «наполеон» неси и чай с травками по твоему рецепту.

«Да, накушался, стало быть, рыбки надолго, бедолага. От речного стола оскомина.» — почему-то подумалось мне.

Официантка кивнула и ушла.

— Знакомая? — тихо спросила я.

— Ага, бывшая соседка. Всегда мечтала руководить вот таким небольшим заведением. А муж ее, Захар, готовит отменно. Слесарем работал, а мечтал поваром стать. Они после смерти мамы мне фактически родителей заменили.

— Хорошо, что у них сил хватило свои мечты воплотить. Все-таки в таком возрасте уже тяжело с нуля начинать.

— А они и не с нуля, — усмехнулся Дракон Петрович, а поймав мой вопросительный взгляд, пояснил: — Я это кафе им на Новый год пять лет назад подарил. Оставил себе пятьдесят процентов акций, чтобы их не обидел никто. Ну и продукты сюда с моих ферм поставляются. Так что, за качество ручаюсь.

Нас снова прервала тетя Зина. Перед нами поставили тарелки с мясом. Господи, да я в жизни такую порцию не осилю, но пахло и выглядело блюдо умопомрачительно. На столе появился графин с темно-вишневой жидкостью и небольшие рюмочки.

— Не возражаешь? — просил Заречный, а я так расчувствовалась, что кивнула.

— А давай... те! — кажется, сама не заметила, как мы на «ты» перешли.

Атмосфера располагала, еда тоже. Ох, неправильно все это, Ленка! Подпустишь его близко, потом сама же мучиться будешь.

— Вы кушайте-кушайте, — улыбнулась тетя Зина. — В первый раз Димочка такую славную девочку привел, с хорошим аппетитом. А то все больше воблы сушеные забегали. Так они не ели, нюхали только, да рожи свои размалеванные кривили.

Дракон Петрович напрягся, словно почувствовал перемены в моем настроении. А они были. Вообще, мое отношение к змею напоминало весы, которые склонялись в разные стороны в зависимости от того, что оказывалось в чашах. Вот только что я

умирала от умиления, восхищалась тем, насколько обходительным, заботливым и предусмотрительным может быть современный бизнесмен. Да чего там греха таить, мне было очень приятно, что Заречный привел меня в это место, где всем заправляли люди, заменившие ему родителей. Считаю, с семьей познакомил. А он, оказывается, сюда всех таскает, без разбора. Кобель! Нимб над головой змея померк, а потом и вовсе угас.

Дама тоже поняла, что сболтнула лишнего, и сейчас хмурилась, пряча руки в кармашках белого накрахмаленного передника. Чтобы хоть как-то сгладить неловкую ситуацию, я отрезала кусок отбивной, положила его в рот и усиленно принялась жевать. Надо сказать, действительно отвлеклась от мрачных мыслей. Правду говорят, что от хорошей еды, и душа поет, и на сердце легко. Мясо просто таяло во рту, а густой брусничный соус придавал ему пикантности. Что до Заречного, то это его личное дело кого и куда водить. Чего я, спрашивается, так расстроилась? Ну, водил он сюда своих телок, я к их числу не относилась, не отношусь, и никогда не буду относиться. Наши отношения сугубо деловые и точка.

— Очень вкусно, — похвалила я, и тетя Зина улыбнулась, отчего в уголках ее глаз собрались задорные морщинки.

— Я очень рада! — ответила она. — Можете называть меня Зинаида Михайловна, и вам всегда рады в «Уютном уголке»...

Она замялась, так как не знала моего имени.

— Лена, — пришлось представиться мне.

— Очень приятно, Леночка. Не буду вам мешать, — тетя Зина снова улыбнулась, на этот раз виновато и добавила: — А если что не то сболтнула, то вы уж простите меня.

Ели молча. Салаты и прочие заказные блюда принесла молоденькая девушка. Пока расставляла тарелки, пыталась строить глазки Заречному, но тот даже не повернулся в ее сторону. Я чувствовала на себе его взгляд.

Моя наливка так и осталась нетронутой, хотя змей поухаживал и налил едва ли не до краев. Свою же рюмку он опрокинул одним махом. Благо обошлось без тостов. Не за что нам с ним пить. Разве что за успех нашего безнадежного предприятия.

Первым не выдержал он. Когда принесли заварочный чайник и перед каждым из нас поставили тарелку с тортом, Заречный вдруг зло

выпалил:

— Мы уже говорили о том, что прошлое есть у всех!

— Конечно, — согласилась я и отправила в рот кусочек великолепного, почти домашнего десерта.

— Тогда какого черта ты так реагируешь? — взорвался змей, но глаза сияли безупречной синевой. Сейчас со мной ругался человек.

— Как? — едва не подавившись, спросила я. И без разницы, хочет на «ты» — будет ему на «ты». — Мне, вообще, плевать на твое прошлое, настоящее и будущее! Я тебе не жена! Просто неприятно, что меня сравнивают с... С...

— С моими бывшими женщинами, — на удивление спокойно закончил за меня Дракон Петрович.

— Да! — я не собиралась успокаиваться. — Мне неприятно это сравнение!

— Почему? Скажи, я тебе неприятен?

— Что? — никак не ожидала, что хитрый змей повернет разговор в такое опасное и неожиданное русло.

— Ты считаешь, что быть моей женщиной плохо?

Вот же жук! Это надо так ловко перевести разговор на свою персону. И что теперь ему ответить? Что даже я, несколько раз обжегшаяся женщина, таяла, как карамелька на солнце, когда увидела его? Не дождется!

— Какая разница, что я считаю? Помнится, кто-то заявлял, что совсем не рассматривает хороших девушек ни в каком качестве!

— А если я увидел одну хорошую девушку и изменил свое мнение? — Заречный подался вперед и смотрел требовательно и хищно. Даже как-то захотелось вырез свитера поправить.

— С какой стати? — Вот тебе, чудище речное!

Тут или промолчать, или без откровений не обойдешься. Кажется, кто-то тоже пришел к такому мнению и обиженно засопел.

— Тянет! — хрипло буркнул Дракон Петрович и ослабил галстук, словно ему не хватало воздуха.

Да! Правда, она такая, тяжелая. Вот только я едва сдержала себя, чтобы широко не улыбнуться. Отчего-то всего одно его слово нашло такое живой отклик в моей душе, что на секунду даже страшно стало. Не вздумай в него влюбляться, Ленка! Опасно!

— Тянет, значит... — зачем-то повторила я.

— Угу... — змей невозмутимо отправил в рот половину куска торта.

— И... что нам с этим делать?

Дракон Петрович жевал, сиял, улыбался, смотрел на меня и молчал. Причем, все это одновременно. Красивый он, все-таки. И губы чувственные. Целуется, наверное, сладко. Вот бы попробовать. Это не речное чудовище в десны лобзать. О чем это я? Типичная смазливая физиономия кобеля!

— А тут ключевое слово «нам», — прожевал свой торт Заречный. — Видишь, Лена, ты уже готова рассматривать варианты. Значит, не так уж я тебе и неприятен.

И как у него так выходит, всего одной фразой меня ниже плинтуса опустить?

— Знаете что, Дмитрий Петрович? — елеиным голоском пропела я.

— Что? — мурлыкнул он, настраиваясь на интимно-доверительный тон. Ну-ну!

— Катитесь ко всем чертям! Никаких вариантов я с вами рассматривать не буду! — я поднялась и схватила свой многострадальный рюкзачок. — Большое спасибо за ужин! Такси вызову сама!

Уйти мне не дали. Заречный оказался быстр, решителен и очень силен. Крепкие руки прижали меня к горячему телу и никак не давали вырваться.

— Отпустите немедленно!

— И не подумаю!

— Вы... Вы знаете кто?

— Кто?

— Вы — негодяй!

— Неужели?

— И хам!

— Да?

— Но негодяй в превосходной степени!

— Лена!

— Что?

— А ты часом не ведьма?

— Потомственная! — честно выпалила я и осеклась. Вроде не собиралась признаваться, а оно само как-то вылетело.

— Так я думал, — констатировал змей и...

Да поцеловал он меня! И губы оказались сладкими, и колени вмиг ослабели, и рассудок... помутился он у меня, не иначе. Потому что я сама обняла его в ответ и целовала не менее жарко. Кто-то из нас застонал. Допускаю, что это была я, но у меня есть уважительная причина — мне просто не оставили выбора! Никакого. Абсолютно.

— Я не позволяла вам... — прошептала, когда волшебство почти закончилось. Глаза малодушно и трусливо не открыла.

— Тебе, — поправил меня коварный змей.

— Тебе, — послушно повторила я.

— Хорошо.

— Что хорошо? — Вот честно, даже глаза распахнулись сами.

— Все хорошо, — улыбнулся он. Нежно так, что ругаться сразу расхотелось. — Ты не позволяла, а я — негодяй и позволил себе сам.

— Хорошо.

— Что хорошо? — насторожился Заречный.

— Хорошо, что ты не стал спорить.

— С вами, ведьмами, по-другому не получится, — совсем тихо ответил Дракон Петрович и еще раз поцеловал. На этот раз совсем легко.

До дома мы ехали в его огромной машине. Сидели оба на заднем сидении, болтали о пустяках. Идиллия. У моего подъезда вышли.

Не знаю, что в тот момент чувствовал змей, но я ощущала ИХ. Взгляды. Любопытные. Пристальные. Жадные до чужой жизни. И ладно бы, если бы за нами наблюдали только мои бабушки, но взглядов было гораздо больше. Намного больше. Ведьма во мне их чувствовала кожей, сердцем, душой. Казалось, что все клиентки местного районного собеса в эту минуту прильнули к окнам своих квартир, чтобы воочию понаблюдать за моей личной жизнью. Наверное, даже штрафные санкции придумали для тех, кто пропустит самое обсуждаемое и интересное. Завтра попаду на вершину хит-парада сплетен всех дворовых лавочек и беседок. Проснусь звездой. Ну, бабушки!

Я взглянула на наши окна. Ожидаемо, свет не горел, и вообще создавалось ощущение, что хозяев нет дома. Дрессированной собачкой

на арене цирка становиться не хотелось.

— Что-то случилось? — напрягся Дракон Петрович.

— Нет, что ты, — как можно беззаботнее улыбнулась я. — Дела семейные. Спасибо, что подвез.

И я протянула руку. Заречный смотрел на нее долго и с плохо скрываемым удивлением. Вряд ли пассии прощались с ним подобным нелепым образом. Ну, что за глупости! Вряд ли его пассии вообще с ним прощались! В принципе! Они если и уходили, то утром, а чаще — оставались надолго. Тьфу! Всякая пакость в голову лезет! Опять настроение поползло вниз.

— Все нормально? — не на шутку встревожился змей и попытался меня обнять.

Не тут-то было! Я отскочила, словно ошпаренная.

— Мне уже пора, Дмитрий Петрович! — быстро затараторила, пока он растерянно хлопал глазами. Ведь не дети оба, но развлекать пенсионерок я отказывалась категорически. Пусть вон «Глухаря» своего смотрят, ему за это деньги платят. — Совсем пора, прямо сейчас.

В синих глазах мелькнуло понимание, и на этот раз мне совершенно официально пожали руку, но выпускать ее не спешили.

— Спокойной ночи, Елена Мирославовна! Благодарю вас за чудесный вечер. Да, в понедельник пришло за вами машину с водителем. Выйдете по звонку. Завтра постарайтесь квартиру не покидать, чтобы лишний раз не гонять моих ребят, — проинструктировал змей.

— Вы что... за мной следите? — возмущенно выдохнула я. Мало мне двух заговорщиц под боком, так теперь еще и он?

— Слежу! — даже не подумал отпираться Заречный. — Вы мне, с некоторых пор, живой нужны и, по возможности, здоровой. Поэтому побудьте умницей и хорошей девочкой, скажем, неделю.

Он что, только что намекнул на то, что обычно я дура набитая? Ведьма требовала закатить скандал, но зрители убивали все позывы.

— А потом? — поинтересовалась я.

— А потом разберемся, — усмехнулся он. — Если возникнут проблемы, звоните.

Дракон Петрович ловким движением извлек из кармана пиджака визитку и бережно вложил ее в мой рюкзак, который, кстати, держал

сам. После этого, пока жертва произвола, а проще говоря — я, не очнулась, он сграбастал мою руку и припал к ней в самом настоящем поцелуе. Нет, он прижался к ней губами. Могу даже предположить, что коснулся кожи языком. Как в кино, честное слово! И вроде выглядит все со стороны целомудренно, галантно и даже мило, а меня словно током прошибло, выгнуло, закрутило, будто теплая, почти горячая волна омыла все тело, заставив щеки пламенеть, и нагло поселилась внизу живота. Змей он и в человеческом обличье змей! Так и знайте! Искуситель!

И пока я, как рыба выброшенная приливом на берег, приходила в себя, хлопала жабрами, и пыталась заново научиться дышать, Заречный шепнул:

— Впрочем, звони мне в любом случае. Особенно, без всякого повода. Я буду ждать, Лена. Очень.

А потом он сбежал. Моргнуть не успела, а уже хлопнула дверь машины, и джип сорвался с места, набирая скорость. Я стояла под обстрелом нескольких десятков подслеповатых, но очень внимательных глаз, и глупо улыбалась. Да, никогда не угадаешь, куда свернет жизнь, и по какой дороге помчится дальше. Будь ты даже самой одаренной ведьмой!

Через минуту в совершенно пустом дворе вновь закипела жизнь. В родных окнах зажегся свет, Ядвига приоткрыла одну створку и крикнула:

— Ступай-ка домой, Еленушка! Ночь на дворе.

Конечно, уже стемнело. Отдохнуть тоже хотелось. Почти в дверях подъезда столкнулась с Аллой Семеновной и приветливо ей кивнула.

— Трое громил пасут из беседки, за домом припаркован их «жып», еще двое стульчики в кустах поставили, на низенькой такой приехали машинешке. Она в проулке стоит. У Михалны все розы помяли, ироды! Ты, Лена, не думай, мы тебя в обиду-то не дадим. Отстоим всем районом!

«Этого мне только не хватало! Путч пенсионерок!» — испуганно подумала я, но улыбку все же выдавила. Хотя в голове всплывали страшные картинки: то Семеновна на танке, то Федоровна с гранатометом... Жуть!

— Спасибо. И спокойной ночи. Думаю, ночью меня никто обижать не станет, с ног валюсь.

— Надо думать! — хохотнула местная разведчица. — Такой красавец и меня бы в лучшие годы загонял, а я повыносиливее тебя была-то.

Мне повезло, что подошел лифт, и я с чистой совестью могла не продолжать разговор о своей и чужой интимной жизни. Тем более, что у меня-то ее как раз и не было.

Глава 16

Глава 16

Дмитрий нервничал. Пожалуй, с той самой минуты, как очнулся и взглянул в голубые глаза незнакомки, тревожное чувство не покидало его. Тревожное? Нет, он испытывал самый настоящий страх. Последний раз Заречный так боялся тогда, в юности, когда сидел один в больничном коридоре и ждал вердикта врача, оперировавшего мать. Только сейчас все его беспокойство было направлено на одну очаровательную особу с непозволительно острым язычком.

Елена Мирославовна — ледышка с теплыми лучистыми глазами. Совершенно не подходящее ей имя. Лена, Леночка... Да, ей подходили мягкие, нежные слова, а официальный тон, которым она почему-то пыталась от него отгородиться, превращал ее в колючку. В цветущий кактус! Он так и манил своим огромным прекрасным цветком, но стоило протянуть руку, как тебя встречали острые иголки.

Отчего-то было крайне стыдно и неприятно признавать перед ней свою неразборчивость в женщинах, оправдывая это работой, удобством, обстоятельствами. Такие, как Усольцева, вряд ли поймут, не осудят, но и не оценят. Такие девочки выбирают мужчин сердцем, чтобы потом согреть душой. Наверное, впервые со смерти матери ему тоже отчаянно хотелось впустить кого-то к себе в душу. Нет, не кого-то, а совершенно конкретную блондинку, которая и так забралась под кожу и вальяжно там расположилась, пробираясь все глубже и глубже внутрь. Туда, где билось сердце Заречного. Понимал? Осознавал? Да! Вызывало ли протест такое бесцеремонное проникновение? Нет,нисколько. Он был даже рад ему. Впервые за долгие годы Дмитрий чувствовал себя наполненным до краев, нужным и дико нуждающимся. А губы у нее сладкие, как лесная малина.

Зазвонил телефон. Несмотря на поздний час, Потемкин не спал и, похоже, что-то выяснил по общему делу.

— Да, Антох.

— Голос бодрый, ответил быстро, значит, не спал, — резюмировал друг. — Ну, и какие предположения? Какое прозвище

придумает наша доблестная бухгалтерия для Елены свет Мирославовны?

Они часто шутя обсуждали новых пассий, а прозвища, которые давали тем офисные работницы их забавляли. Оба мужчины позволяли себе иногда поиграть в предположения, каким станет следующее. Дмитрия никогда не задевал и не раздражал этот процесс. Не велика разница между «фурией» и «гарпией». Он с трудом помнил их лица. Наверное, потому что почти никогда не смотрел в них.

Вот только сейчас, когда Антон упомянул Лену, Заречный поморщился. Девушка никак не вписывалась в ряд безликих, на все готовых спутниц, которые скорее удобны, чем нужны. Она, конечно ведьма, тут не поспоришь. Но ведьма его, персональная. И трепать ее имя рядом с... В общем, не позволит!

— Антох, завязывай! — прозвучало грубее, чем хотелось бы.

— Запал ты, Димон, — наигранно тяжело вздохнул Потемкин. — Такого парня теряем! А ведь она, как и бабка ее, ведьма!

Тоже новость нашел!

— Знаю, — выдохнул Заречный и почему-то улыбнулся. — Ты чего хотел-то?

— Хотел. Тут наши ребятки хвостов проводили, которые тебя с Еленой вели. К ним, видимо, сигнал поступил. Слишком быстро снялись все одновременно, даже не просекли, что мы их пасем. Так вот, ты даже не представляешь, куда эти орлы слетелись и где находится их курятник!

— И куда? — осторожно спросил Дмитрий.

— Салон потомственного темного мага Асмодея Греха!

— Ну и имечко, — хмыкнул Заречный.

— Тебе ничего не кажется подозрительным?

— Кажется, этот магический засранец мнит себя демоном искусителем.

— Тут я, конечно, полностью с тобой согласен, дружище, — не стал отпираться Потемкин. — Но, имелось в виду, что вокруг нас вдруг стало слишком много сверхъестественной хрени, не находишь? Сначала мадам Усольцева, теперь этот Грех во плоти.

— Он что, тоже в свободное от работы на Гольцмана время старушек хворых врачует? — любопытствовал Дмитрий.

— Врачует? — рассмеялся Антоха. — Это не про него. Даже в рекламе написано — только темная магия. Очень известная личность в узких кругах. Много страшилок про него по городу ходит.

— Я в волшебстве ни черта не смыслю.

— Темное — это когда проклясть, приворожить, отворожить, приманить, — пояснил Потемкин.

— Агриппина Саввишна нас вроде прокляла, — напомнил Заречный. — Или она тоже темная?

— Она темная? Не скажи! Хитрая старушка. А вообще, она считается светлой ведьмой.

— Получается, светлые тоже могут приворожить и проклясть?

— Получается, — задумчиво ответил заместитель и заодно горе-специалист по магии. — Хотя, я думаю, тут дело не в самом совершенном действии, а в его направленности и методах, по средствам которых оно выполняется.

— Чего? — переспросил Заречный. — Потемкин, тебе голову не напекло часом? Денечки-то какие солнечные стояли. Надевал бы что ли панамку, когда на воздух выходишь, а то потом тебе драконы мерещатся и ведьмы с магами разные.

— Не хочешь, не верь! — огрызнулся друг. — Только я своим глазам доверяю. Может, я и не видел самого превращения, но твое исчезновение все равно окутано таинственностью. Ну, свалился ты в речку, что тут такого? Тогда почему тебя МЧС ни с оленей, ни с катеров, ни с вертолета найти не могли? А потом спустя почти неделю ты вдруг всплыл на заимке у родственницы Усольцевых. При этом выглядел так, словно брился накануне днем.

А вот на это Дмитрий и сам обратил внимание. Он, конечно, освежился, придя в кабинет, потому что любил гладко выбритую кожу, но обратил внимание, что щетина не недельной давности точно. Да и ощущение странное, словно что-то забыл и никак не можешь вспомнить, не отпускало.

— В общем, так, Антох, желтую прессу не читать, Рен-ТВ не смотреть! — тем не менее, произнес он. — Докладывай, что там с темным демоном этим?

— С магом, — хмуро поправил его Потемкин. — Гольцман его крышует — это факт. Много странных делишек за Асмодеем водится. Но, как понимаешь, все недоказанные. Как с Усольцевой, пока своими

глазами не увидишь — в жизни не поверишь. Сам же говорил, что боевикам Фимы словно черти помогают. Так вот Грех эти самые черти и есть. Ты можешь не верить, но по-другому никак не объяснить все, что вокруг творится. И еще...

— Говори!

— Там, на берегу, где нашли тебя, обнаружили и труп одного из Гольмановских громил.

— Знаю. Видел я его, — буркнул Заречный, уже предчувствуя, что следующее, что он услышит, ему не понравится.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы местные сыскали схавали байку о трагической случайности на охоте? При этом, я навел справки по своим каналам, им даже на лапу никто не дал.

Говоря честно, в обычное время Заречный согласился бы с Антоном. Более того, действительно в такую сказку не поверил. Но ведь ему тоже ее скормили, и, как выражается Потемкин, он ее «схавал», не задав ни единого вопроса.

— У тебя есть сомнения? — спросил он.

— Жмурик при параде был, сезон охоты не открыли еще. И потом, о какой охоте может идти речь в заповеднике? Ментам просто отвели глаза. Так, кажется, это у магов называется.

— Думаешь, темный маг поработал?

— Думаю, афишировать смерть на заимке не выгодно никому: ни нам, ни Усольцевым, ни Гольцману. Поэтому, там поработали и маг, и ведьмы. Факты порой вещь упрямая, даже логике не поддающаяся.

— Что-то я не пойму, к чему ты ведешь?

— Что же тут не понятного, Димон, — огорчился Потемкин. — Если у врага есть тайное оружие, у нас оно тоже должно быть, чтобы сыграть партию на равных.

— Конкретнее.

— Усольцевых нужно в оборот брать. Без ведьм не обойдемся.

Даже дома Заречный думал об этом разговоре и склонялся к мысли, что друг прав. Если магия не фикция, а реально существующая субстанция, то она должна быть и у них, служить правому делу. Тем более, что все члены семьи Усольцевых не вызывали у него неприязни, а некоторые, самые молодые ее представительницы даже нравились. Да, что там, он фактически вождеделел этих представительниц. И если для завоевания одного конкретного сердца, он должен будет очаровать

всех членов этой семьи, значит, придется постараться. Главное, поставить цель, а уж как ее добиться вариантов множество.

Ночью снова снилась какая-то мистическая чушь.

Огромное гибкое серебристое тело скользит, раздвигая толщу воды. Снова огромные челюсти смыкаются на туше тайменя, с легкостью перемалывая ее. Метровая щука кажется маленькой и не тянет даже на перекус. Он ощущает себя мощным, быстрым, стремительным... драконом. Речной змей слышит голос, млеет, стремится к его источнику.

Существо прекрасно видит в темноте. Через борт лодки перегибается прекрасная девушка в венке из желтых цветов. Ее лицо печально. Она склоняется над водой и зовет его. Это и мольба, и нужда, и приказ. Разве можно не прийти к той, для которой бьется огромное сердце зверя? Змей очарован, пленен, влюблен. Скрутив огромное тело в кольца, дракон почти бесшумно появляется из воды и видит ее...

Елену Мирославовну Усольцеву!

Заречный проснулся в холодном поту. Домработница чем-то гремела на кухне, зная привычки своего хозяина. По огромной, кажущейся сейчас совершенно пустой, квартире плывет аромат свежего кофе. А Дмитрий никак не может прийти в себя. Сон не отпускает, продолжаясь наяву. Точнее, змей, разумеется, остался там, за гранью, а на широкой кровати, застеленной тонкой темной простыней лежал человек. Только вот чувства у них были общие. И вообще, Заречный не считал дракона кем-то чужим, как бы абсурдно это ни звучало. Скорее монстр ощущался, как неотделимая часть самого Дмитрия.

Любопытно. Сегодня слова Потемкина уже не казались полнейшим бредом. Интересно, почему? Неужели, из-за Усольцевой? Вот так полюбишь ведьму, и научишься верить во всякую ерунду. Даже в Асмодеев искусителей. Хорошо бы навестить этого мага в рабочем порядке.

Мысль уже понеслась дальше, но вдруг притормозила и вернулась. Он что, правда сказал «полюбишь»? Точно мистика! Практически волшебство. Но самое удивительное, что Заречный не ощутил внутреннего протеста. Ему даже на миг показалось, что кто-то большой, поселившийся в нем, согласно заурчал.

Ожидаемо, в прихожей меня встретили обе родственницы. Причем, они молчали, но их просящие взгляды говорили сами за себя. Я же не торопилась и вообще была на них обижена. Это ж надо такое придумать — превратить современного бизнесмена в чудище речное, потом решить, что из него вышел бы неплохой зять для бесхозной внучки и для обратного и ритуала отправить ту под пули! Не ожидала! Вот честно, не ожидала, что они смогут так со мной поступить. Да, что могут? Смогли! Поступили! И судя по довольным физиономиям и хитрым глазам, нисколечко в этом не раскаиваются. Прохиндейки!

Я медленно стянула с себя кроссовки, в комнате достала из шкафа халат, а потом на полчаса заперлась в ванной. Гриппа не признавала «корыто с мыльной водой», а я любила понежиться в теплой водичке с капелькой ароматного масла. Тем более, после того армагеддона, что устроили мои бабушки, мне просто необходимо снять стресс. Хотя, скорее всего это было всего лишь началом апокалипсиса, а его финальная битва затерялась где-то в грядущем.

Вспоминала поцелуй. А куда же без этого? Не каждый, знаете ли, день целуешься с мечтой. Нет, не с моей конкретно, а с мечтой всех женщин вообще. Красивый, богатый, статный, умный. Голос, опять же, такой, что до мурашек пробирает. Таких сейчас если и делают, то весьма ограниченными партиями. На всех точно не хватит. А учитывая его предпочтения, я вообще в его круг не вписываюсь. Говоря проще, он слишком легко относится к отношениям, считая их лишь способом удовлетворения физических потребностей. Мне же, наоборот, они нужны для заполнения душевной пустоты. Размениваться на короткую интрижку, пусть даже по большой симпатии, мне гордость не позволит. Тупик. Один большой тупик, поэтому наш поцелуй был ошибкой. Думаю, и Дракон Петрович сейчас об этом жалеет.

Ванна с ароматом персика и бергамота помогла расслабиться. Выходила я заметно посвежевшая, распаренная и позитивно настроенная. Родственницы по-прежнему изображали из себя виноватых во всех смертных грехах, но раскаяния в их глазах не было. Ну и ладно, мне есть чем заняться перед сном. Книжки не читаны, ногти не пилены и бараны не считаны, между прочим, тоже.

Расчет оказался верным. Не успела я достать маникюрный набор, как в комнату тихо постучали. Вообще, в доме, где живут одни девочки, которые к тому же еще и ведьмы, обычно не тарабанили в двери, каждый чувствовал, когда не стоит нарушать личное пространство друг друга. Даже я со своим слабеньким даром. Значит, сейчас случай уникальный — ситуация не располагает, мое личное пространство кому-то очень провинившемуся очень хочется.

— Войдите! — произнесла я заветное, почти волшебное слово.

— Еленушка, — чуть приоткрыла дверь Ядвига. — Пойдем, почаевничаем. Не держи на нас, старых, зла.

Затаивать зло совершенно не умела. Вспышки, конечно, случались, но гасли довольно быстро. Они у всех ведьм бывают, но у меня никогда это не перерастало в долгосрочные обиды. Сейчас же совсем не осталось повода, получасовое ожидание новостей вполне могло сойти за небольшую месть. Всунув ноги в тапочки, пошлепала на кухню, откуда так пахло мятой, смородиновым листом и свежей сдобой.

Над столом висел уютный абажур, с ним Ядвига ни за что не пожелала расставаться, переезжая со мной в город. Он рассеивал свет, отчего предметы отбрасывали на стены загадочные, диковинные тени. А когда порыв ветра слегка раскачивал длинный провод, казалось, что они танцуют.

— Иди уж, обиженная, — скупой улыбнулась Гриппа. — Специально для тебя земляничное варенье доставали и ватрушки, на ночь глядя, пекли.

Да, из уст Агриппины Саввишны это было больше, чем извинение. Признавать свои неудачи бабушка не любила, поэтому и ошибок старалась не совершать. До змея я вообще не припоминала за ней промахов.

Есть после шести вредно только в тех случаях, когда это не полезно. А у меня сегодня мечты нереализованные рушились одна за другой, а вчера я лягушку довольно крупную в принца превращала. Так что уж ватрушки с вареньем заслужила точно.

— Ладно, — пожалала плечами. — Гоните свой чай.

И снова тишина. Ну, как тишина, ложка об вазочку иногда звякает, недовольное сопение двух родственниц, прожигаящих меня напряженными взглядами, слышу. Ведьма во мне если не ликует, то

точно урчит от удовольствия. И ватрушка вкусная, особенно, когда на нее густо варенье намажешь.

— Рассказывать, значит, не будешь! — то ли спросила, то ли резюмировала Гриппа.

— Так, вроде, нечего пока, — и чай прихлебываю, делая честные-пречестные глаза.

Вообще, когда хитрость с опытом сталкивается, она обычно проигрывает. По крайней мере, бабушки меня всегда на раз просекали. Думаю, и сейчас все понимали, но чувство вины давило и не позволяло действовать нахрапом. Поэтому я продолжала молчать, ожидая, что новый заход будет хорошо спланированным и довольно оригинальным. Так и вышло.

Ядвига вздохнула и достала старую, потертую колоду Таро. Сколько себя помнила, всегда любила рассматривать на них картинки.

— На-ка, поддержи! — с тоской проводила ватрушку, которую пришлось вернуть на блюдо. Может и к лучшему, много есть вредно, а после шести особенно. Карты вернула почти сразу. — Посмотрим твой любовный расклад.

Мой что? Ну, бабушки!

— Ты же сама-то рассказывать не хотела, что нам еще оставалось? — словно извиняясь, произнесла Гриппа. Я уже говорила, что они проходимки? Так еще и шулерши!

— Ну, вот, а ты боялась! — улыбнулась Ядвига. Кто боялся? Я? Значение карт мне были знакомы, но вот в назначении раскладов путалась. — Ох, Еленушка, смотри, сколько тебе старших арканов насыпало. Почти все нужные в прямом значении. Это хорошо, голуба моя...

Когда моя родственница бралась за карты, то после совершённого расклада на какое-то время просто выпадала из реальности и говорила больше сама с собой, хотя со стороны могло бы показаться, что обращалась она к собеседнику. Нет, в этот период Ядвига выстраивала сложную картину предсказания и ошибалась весьма редко. Мне оставалось ждать и попивать чай. В удачный расклад верилось слабо. Все равно там должно быть что-то, что не позволит нам со змеем быть вместе. И почему что-то? Я совершенно конкретно никогда в жизни не смогу смириться с его кобелиной натурой.

— Ох, Ядвига, не томи ты меня уже! — выдохнула Гриппа, обхватив свою чашку обеими руками. — Одна молчит, вторая что-то под нос себе бормочет. С ума с вами сойду.

— Сама посмотри! — улыбнулась гадалка. — Все в лучшем виде, хотя и не без сложностей. И знаешь что?

— Что? — хмуро поинтересовалась моя вторя бабушка.

— Что-что... Интересы наши пересекаются, вот что!

— С чем это они пересекаются? И чьи это наши? — не выдержала я.

— Отмерла, красавица! Ну, может, чего и решим сейчас, — потела руки Гриппа. — Давай, Ядвига, сначала ты вещай, чего там тебе карты про нашу Еленку наговорили?

— Права ты оказалась, Гриппушка. Смотри вон «маг» выпал, стало быть аркан старший. Его «влюбленные» перекрывают. Стало быть, любовь у него случилась с первого взгляда.

— У кого это у него? — поинтересовалась я.

— У змея твоего, у кого же еще? «Маг» — карта неоднозначная, загадочная, падает редко, а на твой расклад почитай уж третий раз легла. Судьба он твоя. Характер непростой, человек закрытый, но коли ключики подберешь, то обретешь с ним счастье. Да и он тебе по нраву пришелся!

— Тоже карты сказали? — съехидничала я.

— Зачем мне карты в таком деле? — Ядвига сияла вся. — Я пока вижу хорошо. Достаточно на личико твое довольное посмотреть, и сразу понятно становится, затронул Димочка сердечко твое. А уж он с тебя глаз не сводил! Думала, дырку в тебе взглядом просверлит.

Чай у Гриппы заканчивался, а тема беседы намечалась опасная. Поэтому, чтобы немного отвлечь бабушек, решила снова поговорить о картах.

— А там что такое перевернутое?

— Это, милая моя, «колесница». И что интересно, рядом с нею, видишь? Тройка кубков примостилась.

— Что в этом интересного?

— Редко, когда карты так открыто говорят. Ждет вас короткий период непростых отношений. Упрямая ты у нас, как норовистый ослик. Ежели, что надумаешь, потом переубедить тебя тяжело, а ведь судьба тебя прямо к обязательствам ведет. Да-да!

— Неужели? — теперь и Гриппа склонилась над столом. — А я и думаю, вроде тревожиться должна, а на сердце спокойно. Значит, говоришь...

Она многозначительно посмотрела на радостную Ядвигу, и та закивала, подтверждая одним им понятные знаки. Лично я ничего хорошего в обязательствах не видела.

— Все ваши старшие арканы мечами обложены, — ответила я. Потому что один раз они уже пытались от меня скрыть правду, а потом к змею отправили.

— Мечей, да, многовато, — согласилась Ядвига, но кивнули обе родственницы. — Так и колдуны из нор не каждый день выползают. Нам бы только его найти...

— А чего его искать? — удивилась я и отправилась в комнату за мобильным телефоном. А когда вернулась, покачала головой. — Ну, ладно, у нас Гриппа темная, но ты же продвинутый юзер...

— Я темная? — оскорбилась Агриппина. — Да я в двадцатом колене потомственная светлая ведьма!

— Но не юзер, — ехидненько сообщила ей Ядвига. Кто такой «юзер», Гриппа, по всей вероятности, не знала, поэтому поджала губы и затихла, а вот вторая бабушка, наоборот, оживилась. — Про тырнет-то я запомнила совсем. Мы ж теперь его рожу нахальную с рыбьими глазами видели! А ну, Еленка, открывай! Чай у тебя провайдер пошустрее будет.

Несколько минут порывшись в телефоне, отложила в закладки несколько адресов. Не так уж много в нашем городе темных магов оказалось. А еще, не любят эти маги лица свои миру являть, прячутся в глубоких капюшонах, да за масками страшными. В общем, серьезных мест оказалось всего три. И все, интуиция затихла. Я понимала лишь, что мы на правильном пути.

— Что, не помог вам тырнет ваш, юзеры доморощенные? — хмыкнула Гриппа. Конечно, какая ведьма не воспользуется возможностью поглумиться над ближним? Будь она самой светлой из светлых, своего не упустит. Даже обидно не было, ни капельки. — Учитесь у высших и истинных! — гордо подбоченилась она. — Еленка, тащи колечко свое с бриллиантиком, да нитку красную шерстяную. Ворожить буду.

Сказано — сделано. Кристаллы при нужном заклинании, конечно, хорошие поисковики, но уж больно блюлик мелковат. На четверть карата не вытянет. Тут теоретически нужен камень больше в несколько раз.

Все равно было интересно. Я такую магию только в кино видела. Кажется, был какой-то сериал про трех ведьм. Они там кристаллом над картой города водили.

— Доставай свой андроид, — буркнула Гриппа. Надо же, а не такая уж она и «темная», какой прикидывалась. — Сейчас проверим, кто из нас юзером будет.

Ох, и задели ее слова Ядвиги. Обычно, она отходила быстрее.

— Выводи адреса бесовские!

Телефон послушно отразил список из трех наименований условно-магических салонов, а бабушка туго затянула узел, привязав колечко в красной нитке. Пару минут Гриппа усердно шептала заклинание, а самодельный маятник без движения висел над телефоном.

— Ну что, хакер? — ядовито поинтересовалась Ядвига. — Сбоит артефакт-то?

— Еще бы! — ничуть не оскорбилась бабушка. — В нитке не больше половины шерсти. Вы бы мне еще гольную синтетику подсунули и результата ждали.

— Кина не будет? — спросила я. Душа хотела чуда.

— Будет. В заклинании, Еленка, слова важны. Чем сильнее слово, тем действеннее заговор али формула магическая. Самые проникновенные, конечно, руноносящие веды, но современный мир их как бранные использует, обесценивает, принижает. А ведь созданы они, чтобы творить, а не вытворять.

Гриппа прикрыла глаза и снова зашептала. Кое-что я расслышала, закашлялась и потянулась за чаем. Удивление, его порой запить требуется, чтобы комом в горле не стояло. И, как ни странно, в этот раз заклинание подействовало. Колечко само дернулось, а потом прилипло к экрану мобильного. Вот что веды руноносящие делают!

— А ну! Смотри, чего у нас тама! — скомандовала мне бабушка.

— Потомственный темный маг Асмодей Грех, — прочитала я. — Запись на прием через e-мейл, адреса нет.

— Тьфу ты! — скривилась Ядвига. — Имя насквозь фальшивое, свое прячет. Знать много дурного натворил. Столько, что одной своей душой не рассчитаться. Адрес нам и не нужен, теперь его легко вычислить. А то и на прием запишемся.

— Так он и принял вас, — скептически усмехнулась я.

— Нас он, может, и не принял бы, а вот районных пенсионерок точно не пропустит. Знает, ирод, что у них по чулкам и котомкам половина золотого запаса страны на похороны распахано.

Да, тут возразить мне было нечего. Бабки правят миром, не поспоришь. С этой силой стоило считать и принимать всерьез.

— Прости, Гриппушка. Бес попутал, — извинилась Ядвига перед приосанившимся магическим поисковиком.

— То-то жа... — улыбнулась она, а потом добавила совсем для меня неожиданное: — Ламеры!

Чай допивали молча. Наверное, у каждой было что сказать, но никто и слова не проронил. Спать расходились, кивнув друг другу.

А когда я уже лежала в кровати, вдруг пиликнул телефон. Прилетела смс с незнакомого номера.

«Думаю о тебе».

Заречный. И так в груди тепло стало, словно к ней грелку приложили. Я же его номер с визитки не добавила в список своих контактов, а он где-то нашел мой. Оперативно работает. Сидела, смотрела на экран и глупо улыбалась, а потом все же решила ответить:

«Надеюсь, не гадости».

Аппарат молчал больше минуты. Тишина практически оглушала. А потом раздалось заветное «пилим-пилим». Смс и всего одно слово:

«Ведьма».

Вот же змей! Главное не обидно и в точку. И только я хотела отложить телефон, считая ночной разговор исчерпанным, как прилетело еще одно сообщение.

«Кстати, о ведьмах. Идея использовать твоих родственниц в нашем общем деле, кажется мне удачной».

Вот оно, значит, как. Интересно, что же случилось со времени нашего расставания? Ведь прошло всего несколько часов. Впрочем, наши мнения по данному вопросу совпадали.

«Хорошее решение» — отбарабанила я.

Ну, теперь все! Теперь спать, спать и спать. И... «Пилим-пилим» — пропел аппарат.

«До встречи, Лена».

Таращилась в экран, краснела, хлопала глазами. Надо же, из всех возможных вариантов прощания, на мой вкус, Заречный выбрал самое удачное. И пусть немного банальное, зато не приторное и многообещающее.

— До встречи! — прошептал я, и зарылась поглубже в одеяло.

Глава 17

Глава 17

Воскресенье прошло лениво и вяло. Гриппа наотрез отказалась уезжать в Ведьмин скит, объясняя свое решение тем, что у нее в городе накопилась масса дел. Как же! В былые времена ее оттуда никакими калачами не выманишь. Знала я эту «массу дел», она вот только недавно чешую сбросила. Но один провокационный вопрос все же себе позволила:

— А как же Вельзевуловна?

— А чего ей, рогатой, сделается? Лето, сама прокормится. Ежели чего, Анатолич присмотрит, — весело ответила бабушка.

Врет и не краснеет. Раньше, оставить козу одну больше чем на пару часов ей совесть не позволяла. «Мы ответственны за тех, кого приручили» — говаривала она, цитируя то ли народную мудрость, то ли кого-то из классиков. А теперь выходит уснула совесть, прирученная животинка сама как-нибудь прокормится. Эх, Гриппа, вся ваша с Ядвигой хитрость шита белыми нитками.

С родственницами встречалась лишь за столом, обмениваясь общими, ничего не значащими фразами. Был порыв рассказать о том, что их любимый Заречный периодически спонтанно чешуей обрастает. Причем, по совершенно непонятным причинам. Но рисковать не стала. Ибо с бабушками ухо надо держать востро. Начнешь рассказывать одно, они тут же и про все остальное выпытают. А про поцелуй и кафе очень им рассказывать пока не хотелось. Я сама не разобралась, как относиться к Дракону Петровичу. Тревожил он меня, смущал и волновал.

Погода снова испортилась. Все небо заволкло тучами, и временами моросил мелкий, словно пыль, дождик. Ядвига, поборов поселившуюся в квартире лень, и с трудом оторвавшись от телевизора, на экране которого разворачивались захватывающие события очередного детективного сериала, все же выбралась на улицу. Исключительно до магазина, который находился в соседнем доме.

Вернулась недовольная, долго шуршала пакетами, а потом не выдержала и зашла ко мне.

— Мальчики там мокнут. Чайку мы им, конечно, вынесем, но ты бы позвонила этому своему! Грех так над людьми измываться! — выпалил она. Я, признаться, даже не сразу поняла о каком таком «моем-своем» речь идет. А вот когда дошло...

— Это с каких таких пор он моим стал?

— В том-то и соль, что не стал! — почему-то оскорбилась Ядвига. — А будешь ушами своими хлопать, и не станет! Хороших мужиков завсегда первыми разбирают.

— Что-то никто не разобрал вашего расчудесного Заречного, — огрызнулась я.

— Степенные да мудрые так просто вертихвосткам не даются, — парировала бабушка. — Они настоящего ждут, того самого. Звони, говорю, змею! Не зли меня!

— Знаю я, чего они ждут. Прокабелятся до старости, а потом найдут юную деву, чтобы наследником обзавестись!

— А хоть бы и наследником! Наследник любому серьезному мужчине нужен, у которого есть чего наследовать.

— Наверное, — пожала плечами я. Настроение испортилось окончательно, а усилившийся дождь за окном его совсем не улучшил. — Только вот я уже далеко не юная девочка. И звонить я ему не буду! Еще не хватало навязываться. А мальчики твои несчастные за свою работу большие деньги получают. Так что не переживай, на аптеку им, в случае чего, хватит.

— Злая ты, Еленушка, — покачала головой Ядвига. — Не выйдет из тебя хорошей ведьмы.

Промолчала. А сказать хотелось. Внутри так и кипело все. Даже не сказать, а высказать и про тотальный семейный контроль, и о праве на личное пространство, и про мужиков вообще и Заречном в частности. Но я просто отвернулась, давая понять, что разговор исчерпан.

На самом деле, я чувствовала, что и Ядвигу наш разговор расстроил. Вот только идти и мириться, признавая свою неправоту, коей я абсолютно не признавала, не собиралась. Если разобраться, то я вообще жертва домашнего произвола и небрежно наложенного

заклятья. В общем, обиженно сопели мы обе: Ядвига у телевизора, а я на кровати, уткнувшись в подушки.

Ближе к вечеру позвонил начальник. Долго извинялся за то, что беспокоит меня хворую, словно не он сам всего тремя днями ранее советовал подстраховаться и исчезнуть с дороги Гольцмана. Теперь же пел совсем иные песни.

— Елена Мирославовна, вы лучший специалист нашей комиссии, и такое серьезное дело я могу поручить только вам. Надеюсь, вы осознаете всю ответственность? Дмитрий Петрович Заречный — человек известный, уважаемый и лично заинтересован, чтобы делами его фирмы занимались вы. Я понятно излагаю?

— Предельно. А почему, собственно, я должна заниматься делами фирмы Заречного? Это вопросы вне моей компетенции. Я могу лишь заниматься вопросами нашей комиссии, в отношении объектов, принадлежащих уважаемому Дмитрию Петровичу.

Возможно, не поругайся я с бабушкой, не стала бы уточнять и акцентировать внимание на ошибках руководства, но ведьма внутри злилась и была весьма обижена. Не конкретно, нет. А так, на весь мир вообще.

— Простите, Елена Мирославовна, я неправильно выразился, но поняли вы все верно. В общем, мне осталось лишь сообщить, что ваша командировка начинается с завтрашнего дня и продлится две рабочие недели. Постарайтесь уложиться в этот срок и предоставить всю необходимую нам для отчета документацию.

— Непременно, — заверила я и с большим облегчением сбросила вызов.

Телефон пиликал несколько раз за вечер, оповещая, что пришли смс-сообщения, но я не реагировала. Точнее, заставляла себя игнорировать и одновременно сгорала от любопытства. Но пойти на попятную, когда предельно ясно высказалась бабушке, я уже не могла, поэтому продолжала тренировать выдержку и силу воли вплоть до того момента, когда сон сморил меня окончательно.

Утром я очень быстро, но тщательно привела себя в порядок, выбрав бежевый брючный костюм. Волосы собрала в свободную косу, а с макияжем решила не заморачиваться. Пара взмахов кисточкой с тушью по ресницам и нейтральный блеск для губ. Некого мне охмурять. Кому нужно, и так разглядят.

— Идем завтракать, Еленушка, — позвала Ядвига, словно это не с ней я вчера повздорила.

— Одну минутку! — крикнула в ответ, совывая ноги в домашние тапочки.

Но до кухни дойти не успела. В прихожей раздался звонок. Неужели, змей уже обещанного водителя прислал? Что-то рано. Но открыв дверь, онемела от неожиданности. На меня очень внимательно смотрел сам Дракон Петрович. Синие глаза сверкали, на скулах ходили желваки, а ноздри слегка подрагивали, выдавая его с головой. Мужчина заметно нервничал. С чего бы?

— Доброе утро, Лена, — хрипло поздоровался он и тут же откашлялся, прочищая горло. — Замечательно выглядишь.

— Доброе утро. Не ожидала вас... тебя увидеть.

— А я вот решил заехать сам. И тебя до офиса подвести, и с родственницами твоими переговорить по делу. Не возражаешь? — он мялся в дверях.

— Нет, — пожала плечами я.

— Пустишь? — змей выжидательно на меня посмотрел.

— Ах, да. Конечно, проходи.

Я отступила, пропуская гостя. Дракон Петрович выглядел настолько внушительно и монументально, что, казалось, заполнил собой всю нашу, в общем-то, небольшую прихожую.

— Куда проходить?

Наверное, сейчас мы оба себя чувствовали не в своей тарелке. Обстановку разрядила Ядвига, появившаяся в дверях кухни.

— Еленушка, кто там пришел? — спросила она, а когда увидела Заречного, заулыбалась. — Дмитрий Петрович, здравствуйте. Проходите-проходите, у меня как раз оладушки подоспели. Вам чайку или, может быть, кофе?

Бабушка подцепила змея под локоток и увлекла за собой туда, где его ждала еще более тяжелая артиллерия в виде Гриппы. Опять их ведьминские штучки! Могу поклясться, обе мои бабушки прекрасно знали о появлении Заречного и ждали его, а меня снова никто в известность не поставил.

Торопиться не стала. Медленно сложила в сумочку необходимые каждой уважающей себя девушке вещи и только после этого прошла на кухню, куда увели моего работодателя на ближайшую неделю.

За столом царила идиллия. Во главе стола восседал Дракон Петрович, а с двух сторон его умащивали обе мои родственницы, поперебой предлагая угощения и подливая «горяченького».

— Садись, Еленушка, чай стынет! — Ядвига подвинула ко мне чашку.

— Что здесь происходит? — поинтересовалась я, намазывая на оладью мед. Война войной, а завтрак я считала самой важной едой дня.

— Дык вот... — отчего-то замялась Гриппа. — Работу нам предлагают.

— Вот как? — откусила и стала медленно жевать, практически не чувствуя вкуса. А все потому, что змей не спускал с меня глаз. Так ведь и подавиться недолго.

— Да, — кивнул Заречный. — Взвесил на досуге все «за» и «против» и решил предложить твоим бабушкам работу.

Я глотнула чай, потому что оладушек едва комом в горле не стал.

— Позволь полюбопытствовать, кем ты их собираешься трудоустроить? Нет-нет, молчи! Дай угадаю! Ядвига станет неплохим аналитиком. С нашей экономикой расклад таро будет наиболее точен, чем расчеты по биржевым сводкам. Никакие индексы не сравнятся с чайной гущей или линиями судьбы, не так ли? Ну, а для Гриппы наверняка найдется пост посолднее. Все же, высшая квалификация и весьма солидный послужной список. Полагаю, тут речь идет о персональном помощнике генерального директора, скажем, по магической обработке корпоративных клиентов.

Слушали меня внимательно, а оценили как-то вяло. Нет, на фурор и крики «Бис!» я, конечно, не рассчитывал, но могли бы хоть похлопать, что ли. Складно же получилось. А вместо этого, наглый змей допил свой чай и улыбнулся мне, до отвращения приятной улыбкой.

— В целом концепция подмечена верно. — И он допил чай и перевернул чашку на блюде. — Ядвига Мефодьевна, не считите за труд, я, как ваш возможный наниматель, хотел бы провести эксперимент, так сказать, в рамках рабочего собеседования. Посмотрите, что там меня ожидает в обозримом будущем?

Ох, не к добру! Поплыла бабушка. Вон, как глазками хлопает. Да, красивые мужики настолько в современном мире редкие, что

способны очаровать даму в любом возрасте. И всего-то требуется улыбнуться и что-то произнести рококошущим, чувственным голосом. Боже! О чем я только думаю?

— Дай-ка посмотрим, — пробормотала Ядвига, разворачиваясь с блюдцем к окну. — Что тут у нас?

— И что там? — усмехнулся Дракон Петрович.

Бабушка вдруг подняла глаза, и они сверкнули. У нее даже голос изменился, став глубоким и чужим.

— Делай задуманное сейчас, потом станет поздно!

— Что? — удивился змей. — О чем это вы?

Но когда Ядвига погружалась в предсказание, она уже не контролировала себя и тем более не повторяла дважды.

— Делать-то чего с утра собралси? — добровольно перевела Гриппа.

— Были кой-какие дела, — ответил Заречный.

— Ну так шевелись!

К чести дракона, спорить он не стал. Тут же набрал номер и покинул кухню. Все что мы слышали было:

— Антоха, звони мэру. Немедленно.

Дальше голос стал глуше, а потом и вовсе затих. Через несколько минут аппарат зазвонил, на этот раз Заречный больше слушал, и вообще обошелся парой дежурных фраз и вернулся в кухню.

— Допустим, поверил, — хмыкнул он.

— Чего допустим? — оскорбилась Гриппа. — Ты по-человечески оклад озвучь, что в соцпакет входит сообщки, да расскажи как у вас с профсоюзом дела обстоят.

— Да, Димочка, — поддержала ее Ядвига. — Мы люди пожилые, пенсии, сам знаешь какие. Нам социальные гарантии нужны.

— Будут вам социальные гарантии и оклад, профсоюза не обещаю, — буркнул змей и посмотрел при этом почему-то на меня.

— Чего ж такая неувязочка? — ехидно поинтересовалась я.

— Нет у ведьм своего профсоюза! — огорошил он. — Распался еще в средние века, когда святая инквизиция лидеров извела.

И ведь не поспоришь. Подкованный.

— Связь будем держать через Лену. Принимаю вас на должность консультантов по паранормальным вопросам со свободным графиком.

— И то хлеб, — откликнулась Грипп.

Через десять минут большой автомобиль с тонированными стеклами уже нес нас к знакомому бизнес центру.

— Так что ты чуть не упустил утром? — поинтересовалась я. Интересно же.

— Участок под застройку. Гольцман его под кладбище химических отходов присмотрел.

— Что-то слишком много Гольцмана в моей жизни в последнее время.

— Я тоже так считаю. И, если тебя интересует мое мнение, дорогая, крайне негативно к этому отношусь.

Дальше ехали молча. Мне было о чем подумать. Наш последний разговор был похож на диалог супругов со стажем, и мне это совсем не нравилось.

Глава 18

Глава 18

Едва за гостем и Еленой закрылась дверь, старушки переглянулись.

— Ох, не нравится мне, Гриппушка, что мы делаем, что творим, — покачала головой Ядвига.

— Будто у нас выбор имеется, — проворчала ей в ответ та. — Чай твоя Татьяна с моим Мирославом тоже могли бы еще жить и жить, если бы не долг наш.

— Долг... Долг... Долг... Сколько душ сгубил долг этот! Кому это все нужно сейчас-то, когда земля почти умерла? — в отчаянии вскрикнула старушка.

— Без жертв, сватья моя любимая, земля бы умерла намного раньше. И не было бы ни тебя, ни меня, ни Ленки нашей.

— Но ведь мы ей жизни не даем, Гриппушка! Может, давно бы она счастье свое отыскала...

Глаза Ядвиги подозрительно заблестели.

— Ты что это? Плакать надумала? — спросила ее Саввична. — Не вздумай! Плачут лишь от горя и от жалости. А нашу Ленку жалеть нечего! Всем удалась: и красою, и статью, и умом. И горя пока не случилось. Бог даст, не случится, пока все так удачно складывается. Ну, сама посуди, не может ведьма без силы. Мается, хиреет, чувствует долг... — Гриппа осеклась и посмотрела на сватью. — Да-да, тот самый долг, что заставляет нас умирать, ради того, чтобы жили все остальные, чтобы дышать могли, чтобы корнями своими гордились и не убивали то, что беречь должны пуще глаза. В Ленке уж давно сила бьется, выхода ищет.

— А мы мешаем! — упрекнула ее Ядвига. — Без ритуала все одно дар не проявится, а мы всех ее женихов отвадили.

— Неужто мне тебя учить, что сила не только от ведьмы зависит, а и от избранника ее. Какой бы дар обрела Елена, свяжись она с этим Вадимом малохольным? Есть, конечно, и в нем искорка, но почти угасшая, гнилью задавленная. Мало того, что у нее с ним счастья бы

не было, еще и сила родилась бы не добрая. Такая не помочь, а только навредить способна.

— Зачем ты сразу в крайности кидаешься? — упрекнула ее Ядвига. — Были и без Вадима кандидатуры.

— Это какие? — внимательно посмотрела на нее Гриппа.

— Да хоть бы паренек этот... Как его? Журналист! Мишенька!

— Мишенька? А ты вспомни, каким он был, когда они с Ленкой встречались? Не ты ли мне в расклад тыкала?

— Бабник... — выдохнула Ядвига, но потом подумала и спросила: — А чем же тогда Заречный твой лучше?

— А вот это ты мне сама скажи. — Гриппа подтолкнула к ней блюдце с чайнками из чашки Дмитрия. — Ты все про бизнес его думала, да про полезность, а сейчас в суть посмотри. Что он за человек? Какие в его жизни женщины были? И чем он от Мишеньки отличается? Хочешь, расклад сделай, а я вот на травках поворожу. Потом и сверимся, что у каждой из нас вышло.

— Ладно уж, давай. Неугомонная ты! С молодости ведь такой была!

— А это оттого, Ядвига, что силы во мне больше, а стало быть и ответственности, — тихо ответила ей Гриппа.

Не стала она говорить подруге, что все это оттого, что суженного выбрала правильного. Что чувства оказались взаимными. Вот только любила она его не одна. Лучшая подруга тоже по нему сохла, хоть и не отвечал ей мужчина взаимностью. А когда Гриппа свой ритуал прошла, да жизнь сплела с любимым, не стала Ядвига своего счастья ждать, а связала судьбу с первым, кто замуж позвал. Назло всем. Хорошо, что толковый мужик оказался, а то бы...

Отсюда и уровень силы разный. Любящему сердцу завсегда больше достается. Только некого подруге винить в том, кроме себя. Она и сама это понимала. Да и что уж старое ворошить, когда все новое в окно стучится. Не даст Гриппа Ленке на те же грабли наступить.

И пусть потом Ядвига своего мужа оценила и прожила с ним душа в душу до самой его смерти, но мощного дара так и не обрела. А земля нуждалась в ином. Это понимали обе старушки. Как понимали и то, что не одолеть им без Еленки колдуна проклятого. Уж больно много душ накопил его страшный посох. Втроем не справились.

Однозначно, нужна сила еще одной ведьмы. Мощная, сокрушительная. Такая, какая только от истинной, самой судьбой дарованной связи бывает. Нет, ни Вадим, ни Мишенька, ни кто-либо иной из ее ухажеров и близко для ритуала не подходили. А вот Заречный... Было в нем что-то такое, от чего даже старая Гриппа пьянела, как от меда хмельного. Молодежь это сейчас харизмой кличет, а раньше звали мужественностью. Нет, не так. Мужеством. А где мужество, там и отвага недалече. Так-то вот. Не зря силу хранителя принял, только осознать еще не успел.

Гриппа плеснула в стакан водицы, набранной из ключа, да сюда в пластиковой бутылки привезенной. Конечно, искусственный материал забирал некую часть энергии природы, которой напитали воду солнце, ветер, лес и сама земля, но времени прошло немного. Магия еще осталась, а значит, ответы на все вопросы получить можно. Ведьма взяла яйцо и аккуратно разбила, отделяя над миской белок от желтка. Желток всегда молчал, скрывая самое сокровенное, что людям и близко знать не положено. А вот белок говорил, раскрывая тайны прошлого, будущего, показывая истину, какой бы неказистой она ни была. Его-то и влила Гриппа в воду.

Осталось всего ничего. Травы по срокам нужным собранные да под яркими лучами высушенные добавить.

— Полынь горькая не утай, ответь... Ромашка душистая расскажи да поведай... Шалфей сладкий увидеть помоги... — быстро и едва слышно зашептала она.

В воду посыпались перетертые между пальцами сухие листики, смешиваясь с куриным белком. Мутный вихрь пузырьков сам собой поднялся со дна, перемешивая все ингредиенты, заставляя их кружиться и танцевать, складывая из них картинку.

— Вот и чудно, вот и ладненько... — кивнула своим мыслям Гриппа и поднесла стакан к окну, чтобы солнце осветило его содержимое.

Ядвига же пересела на тот стул, на котором совсем недавно сидел Заречный. Именно с этой стороны он касался столешницы. Карты падали туда, где совсем недавно находились его руки. Ведьме нравился мужчина, очень хорошо они с Еленушкой смотрелись вместе. Несколько раз расклады показали, как удачно могли бы переплестись их судьбы. И все же, что-то не давало покоя. Будто приходилось

принуждать родную кровиночку, а выбор должен стать не просто удачным, а еще и добровольным. Любовь, она, подобно цветку, в двух сердцах распуститься обязана. Иначе и не любовь это вовсе, а боль одна. Раны от неразделенной любви заживают ох как долго. И все это время человек просто не в состоянии впустить в свое сердце кого-то еще. Ей ли об этом не знать? А с такой тяжестью да обидой на весь мир свою судьбу прозевать не мудрено.

— Ну, что ты там наглядела, подруга моя старинная? Спустя полчаса спросила Гриппа. — Нашла ли отличия между Мишенькой и Дмитрием.

— А ты? — улыбнулась ей Ядвига.

— А я и без карт твоих, по глазам все видела. Хочу, чтобы и ты отбросила сомнения.

— Я и отбросила. Карты врать не станут, коли прочитать их сумеешь.

— Нашла ли разницу между мужами? — лукаво усмехнулась Гриппа.

— А как же. С виду оно как, бабник и бабник. А на деле, погляди какая разница! Мишка до глубоких седин за юбками таскаться будет. И хоть наша Еленушка ему дорога, и вспоминает он о ней частенько и с нежностью, но это не мешает ему с головой бросаться в очередной роман, каждый раз надеясь, что вот теперь-то уж точно пришло то самое, настоящее.

— Все так, — кивнула Гриппа.

— Как же он не всматриваясь разглядит его, настоящее-то? Он ведь по верхам шарит, вот и собирает то, что на поверхности плавает да блестит поярче остальных. Чтобы настоящее добыть, глубже нырнуть надобно, потрудиться, поохотиться, а главное понять и принять.

— Верно говоришь. А у Заречного не так ли?

— Не так. Только сейчас и углядела. Затеин, он как был Мишенькой, так и остался, а Заречный с детства Дмитрием был. Характер не тот, стержень стальной внутри. Близких терял, друзей, с которыми дела начинал. Почитай, из всех, кто дорог был, один всего приятель у него и остался. Вот и держит подле себя, присматривает, хоть и доверяет безгранично. Для других давно закрыл свое сердце, избавляя себя от лишней боли и разочарований. Поэтому и не любил

никогда по-настоящему. Вот вроде и брал, как Мишаня, все яркое с поверхности, а в душу не пускал. Этот точно знает, что обертку токма как фантик и можно использовать. Пару раз обернулся и выкинул за ненадобностью. Еленушка наша ему душу на сто замков закрытую растревожила. Пали запоры-то. И он ей по сердцу пришелся. Только вот не знают оба, что теперь с этой симпатией делать.

— И кто их друг к дружке подтолкнет, ежели не мы с тобой?

— И то правда, — вздохнула Ядвига.

— Не сомневайся. Посмотри, что вода говорит. Те, кто друг для друга не создан, так быстро не притягиваются. Они и сами поладят, а мы только чуточку подтолкнули их, и подтолкнем еще, коли случай такой выпадет.

— Тебе виднее, подруга. Давай-ка мы еще чайку что ли выпьем?

— А давай! Чую, загрузит нас будущий зять работенкой в ближайшее время. Такие, как он, зря деньгами не разбрасываются. Родственник, нет ли, а будь любезен каждую копейку отработай.

— Будто нам это не в радость? — улыбнулась Ядвига, подливая кипяток из пузатого чайника. — А там, как все разрешится, может, и на правнучков с тобой еще поглядим.

* * *

Машина припарковалась у знакомого бизнес центра. Правда, парковка больше не пустовала. Ее заполняли различные автомобили от дорогих моделей до совсем простеньких. Ближе к входу, разумеется, стояли экземпляры подороже. Видимо, на них ездили руководители, потому что и металлический монстр Заречного занял одно из самых элитных мест, под навесом в первом ряду.

Хозяин этой богодельни под шокированными взглядами людей, которым не посчастливилось в этот ранний час оказаться рядом, обошел автомобиль и самолично открыл дверь. С моей, между прочим, стороны, предлагая руку.

— Приехали, Елена Мирославовна, — перешел на официальный тон Дракон Петрович.

Никто и не сомневался, что на людях не стоит афишировать наши отношения. Собственно, и отношений-то никаких не было.

Подумаешь, поцеловал разок. Руку подала и даже кивнула, когда каблук коснулся идеального асфальтового покрытия.

А дальше случилось невероятное. Казалось бы, змей не должен привлекать ко мне внимание, но отчего-то его ладонь легла мне на талию. И главное, этот жест не вызвал никакого дискомфорта. Словно все так и должно быть. Вот мы идем, а мужчина одновременно и придерживает меня, и оберегает, при этом взгляд у директора такой, будто для него вот так вот сопровождать на рабочее место женщину привычное дело. Хотя, судя по нескольким вытянувшимся удивленным лицам, ничего привычного ни для кого из сотрудников в происходящем не было.

— Доброе утро, Дмитрий Петрович, — поздоровался с ним охранник на вахте.

— Доброе утро, Глеб, — кивнул ему Заречный. — Пропуск на Елену Мирославовну еще не готов, но к обеду мы исправим эту оплошность. Хотя, не думаю, что ей придется проходить здесь в одиночестве.

А вот последняя фраза была явным намеком на то, что компания одного дракона на ближайшие дни мне обеспечена. Находящемуся в полном офигее охраннику, я демонстративно кивнула, всем видом показывая, что меня слова начальства нисколько не удивили.

В лифт с нами никто не сел, несмотря на скопившийся в холле народ. Правильно, я бы тоже не рискнула. Страшно находиться в замкнутом пространстве с человеком, от которого абсолютно не знаешь чего ожидать.

— Лена, дыши! — шепнул змей, притянув меня к себе. Вот! Говорила же! Абсолютно непредсказуемый тип. — Расслабься. Ничего страшного с тобой здесь не случится.

Я посмотрела в синие и очень-очень наглые глаза. Ничего страшного, говорите, Дмитрий Петрович? Порой, это самое «страшное» может весьма отличаться в представлениях разных людей. Интуиция вопила, что лично мне стоит опасаться его близости. И так тянет неимоверно, а тут еще сталкиваться по работе придется часто, общаться тесно.

Знакомая приемная тоже не пустовала. Хрупкая девушка-секретарь вскочила сразу же, как только распахнулась дверь, и очень

удивилась, увидев в проеме меня. Пришлось шагнуть внутрь, чтобы владыка апартаментов смог войти.

— Дмитрий Петрович, — широко улыбнулась девушка, узрев шефа. — Доброе утро.

Заречный кивнул.

— Марина, это Елена Мирославовна. Свяжись с завхозом, пусть для нее оборудуют рабочее место. Что там полагается? Стол, кресло, оргтехника...

Змей отпер двери в свой кабинет и жестом пригласил меня войти.

— А где? — проблеяла опешившая секретарша.

— Что «где»? — не понял босс.

— Где место оборудовать?

— Конечно, в моем кабинете, — словно всем известную истину, произнес Дракон Петрович.

Умеет ошарашить персонал. Глаза Марины широко распахнулись, она перевела взгляд с шефа на меня. И вот взгляд этот был очень недобрым, несмотря на ее милое личико и кукольную внешность. Признаться, не ожидала. То ли во мне увидели конкурентку, то ли девушке не понравилось место моей дислокации. Только вот почему? Неужели, трудно принести вторую чашку чая? В том, что змей ее попросит это сделать, даже не сомневалась, хотя вполне справилась бы с такой мелочью сама. Теперь уж, говорить об этом поздно. Не важно, по какой причине секретарь так отреагировала на мое появление, главное, что в ее лице я заполучила первого недоброжелателя в компании Дракона Петровича. Ладно, надеюсь ненадолго.

Чтобы как-то смягчить возникшую неловкость, я мягко улыбнулась девушке, но змей все испортил.

— И принеси два кофе! — приказал он. Задумался, посмотрел на меня и все же соизволил уточнить: — Или вы — чай?

Создавать лишних трудностей не хотелось. Из глаз Марины и так едва микро-молнии не сыпались, еще устроит пожар. Кто его знает, как здесь с пожарной сигнализацией дела обстоят.

— Кофе, — согласилась я, уже понимая, что вряд ли прикоснусь к чашке. Разгневанная женщина и плюнуть в нее может. Думай потом, пенка там или что похуже.

— Располагайся, — улыбнулся Дракон Петрович, едва за нами закрылась дверь. Ага, значит, при условном уединении мы можем

разговаривать на «ты».

Я присела в одно из кресел за столом переговоров и отвечать змею не спешила. Утро как-то странно началось. Сначала его визит в нашу квартиру, потом он завербовал (а по-другому я просто не могла это назвать) моих родственниц, и теперь злая, ненавидящая меня за что-то секретарша тихо злилась где-то в приемной. Причем, девушка мне показалась неглупой и смышленной, а таких, судя по увиденной ранее пассии, Заречный не особо жаловал. В общем, потрясений хватало. И это я еще умолчала о том, что несколько дней мне придется провести с ним в замкнутом пространстве этого кабинета. В общем, подставило меня чудище речное по всем фронтам.

Выждав и не получив ответа, хозяин положения соизволил продолжить:

— Я дал указание подготовить нужные тебе документы еще вчера, а вот про оборудование рабочего места забыл совсем, — и он улыбнулся, превратившись в два метра сплошного очарования. — Старею.

Это он так на комплименты напрашивается? Можно подумать, Заречный в зеркало не смотрится. Выглядит чудесно, молодо, подтянуто и солидно. У женщин неизменно при взглядах, брошенных на него, усиливается слюноотделение, повышается температура тела, ускоряется пульс, и трепещут в животе бабочки. Или другие насекомые. Тут без энтомолога не разберешься. Так я подумала, но вслух, по настоянию внутренней ведьмы, сказала нечто совершенно иное:

— Стареете, Дмитрий Петрович. Обычно, с незначительных провалов памяти все только начинается.

— А заканчивается? — полюбопытствовал он.

— Подагрой, простатитом и энурезом, — не стала щадить его нежную психику.

Худшая моя сторона ликовала где-то внутри, ибо мои комментарии все же достигли цели. Змей хмыкнул, крикнул, его щеки слегка порозовели, выдавая определенную степень испытанного неудобства, и он тихо ответил, подойдя ко мне почти вплотную:

— Надеюсь, до энуреза мне еще далеко. Что касается простатита, говорят, в качестве профилактики вполне подходит размеренная интимная жизнь.

— Если размеренная, — тут я смерила его внимательным взглядом, — то подходит. А вообще, ноги в тепле держать нужно. Попросите моих бабушек, они вам носочки свяжут, шерстяные. Все же теперь в штате числятся.

— Я обдумаю твоё предложение, — поджал губы змей.

— Обдумайте, они и от подагры помогут, в случае чего. Не бабушки, разумеется, носки.

— Ведьма! — то ли восхитился, то ли оскорбил меня Заречный и прошёл к своему столу.

Глава 19

Глава 19

Нашей беседе помешала Марина. Шефу она подавала утренний кофе с милой, чуть смущенной улыбкой, а змей тут же приложился к чашке, словно и не умял вовсе половину большой тарелки оладий. А может ему так от Гриппиного варенья пить захотелось. Мне же достался злобный оскал, и, как я и предполагала, кофе с подозрительной пенкой. Хорошо, что жажда меня не мучила, как некоторых.

Завхоз управился еще быстрее. Несколько мужчин принесли вполне элегантный стол, пару тумб на колесиках, красивое офисное кресло, а также ноутбук, сканер и принтер. Установили все это богатство еще быстрее. Мебель вписалась в интерьер как родня.

— Семеныч, доступ к внутренней сети проверил? — спросил Заречный у молодого мужчины, который покидал кабинет последним.

— Обижаете, — улыбнулся тот. — Лично проверил. Забил туда ваш логин, Марины и Борисыча, на тот случай, если потребуются подлинники документов. На флешке только сканы.

Так и потекла моя деятельность под крылом могучего змея. День начинался стандартно, Дракон Петрович лично заезжал за скромной проверяющей. Уже на второй день наше совместное появление перестало нервировать и шокировать сотрудников. Если о нас и шептались, то лично я этого не слышала, ибо Мариночка меня явно невзлюбила, а это не способствовало хорошим отношениям с другими дамами, работающими в фирме змея.

Хотя, когда это ревизор становился в проверяемом коллективе своим?

Смущало другое. Судя по идеальному порядку в документации, с очистными сооружениями, фильтрами и прочей промышленной защитой все было в порядке, но Заречный ощутимо нервничал и с каждым часом становился все мрачнее. Значит, причиной была не я.

Плотину прорвало на следующий день.

С утра ничто не предвещало беды. Дракон Петрович плотно позавтракал блинами Ядвиги и пребывал в приподнятом расположении духа, что за последние три дня случалось нечасто. К слову, Гриппа съезжать от нас не спешила, начисто позабыв о Ведьмином ските. Ее даже судьба Вельзевуловны интересовала как-то вяло.

Две специалистки по паранормальным явлениям, взятые на работу, всю старались отработать свой гонорар, но ни ворожба, ни гадания результата не давали. Будущее пряталось, словно черепаха в свой панцирь, едва завидев карты или чайную гущу. Методы Гриппы, которые на моей памяти никогда не давали осечек, так же не работали.

— Странно, — шептала бабушка, склоняясь над старинной чашей с родниковой водой. — Может, за свеженькой съездить?

Вопреки всем законам физики, яичный белок не погружался в жидкость, а образовывал инертную пленку на поверхности, совершенно ни о чем не говорящую.

— Быть такого не может, — сетовала Ядвига. — Никогда еще расклад не говорил об успехе, при этом строго предупреждая не совершать ничего подобного. Ерунда какая-то.

Не знаю, придавали ли они значение этим странностям, но я, после нападения у реки, в случайности не верила. Да и ведьма у меня внутри насторожилась. Никогда еще мы с ней не были настолько едины. Раньше, все решения принимала я, а теперь... Теперь приходилось действовать сообща, и, надо сказать, с каждым разом это выходило все легче.

Итак, Дракон Петрович, держа меня под локоток, под дружный восхищенный вздох местного пенсионного фонда, вот уже несколько дней к ряду занимающего все свободные места на приподъездной лавке, вел к машине. И очарованные взгляды на него бросали не только шустрые подружки Ядвиги, но и молодые женщины. У них тоже отчего-то появлялись неотложные утренние дела. Где-то глубоко внутри от этого бесилась ведьма, а я с ней соглашалась и была солидарна. В общем, двор оживал, расцветал улыбками, предназначенными змею, и оценивающими неприязненными взглядами, достающимися мне. Не то, чтобы это сильно трогало, но осадок все же оставался.

Сегодня к обычному недовольству примешивалось беспокойство. Тревога, зародившаяся во мне еще в лифте, на улице только усилилась. А когда я села в машину, вообще захотелось поерзать. Ощущение было

такое, словно сидела на битом стекле или металлической стружке. Заречный молчал, сохранял скучающее выражение на холеной физиономии, и даже синие зенки сверкали индифферентно. Но и его напряжение чувствовалось. Можно обмануть Ленку Усольцеву, но ведьму — никогда!

— Что-то случилось? — спросила я.

— Ничего, — ответил змей, смерил меня внимательным взглядом и только потом решил поинтересоваться: — А должно?

— Не знаю, — честно ответила опять-таки я, и сообщила ему еще одну нелепейшую мысль. Наверное, в отместку за его дурацкий вопрос. — Но ведь может.

В конце концов, не хочет пусть не говорит, но глумиться над вежливой заинтересованностью не стоит. Дракон Петрович хмыкнул, скривил уголок губ, изображая ленивую ухмылку, и достал мобильник.

— Антоша, ты на месте? — спросил он. — Хорошо. Главное, не спеша. Знаю, что у нас все схвачено, и проблем быть не должно, но все же... Осторожность не помешает.

Что ему говорил Потемкин, не слышала. Меня это и не волновало. Важно, что сам Заречный, не смотря на глупейшую трактовку предупреждения, внял и подстраховался. Вот только легче не стало.

Офис, как и руководство, молчал. Работники прониклись важностью момента и предпочли затаиться. Никто не стоял на крыльце, не сновал по коридорам, не толпился возле лифтов.

Кофе с привычной пенкой, который принесла Мариночка, проигнорировала и углубилась в работу. К проверкам я всегда подходила ответственно, и, хотя не видела явных нарушений, все равно продолжала собирать материалы для написания актов. Тем более, сегодня бухгалтерия, наконец, предоставила недостающую документацию.

Змей тоже не проявил интерес к кофе. Сидел, гипнотизировал монитор своего ноутбука, но мыслями был далеко. Дважды по разным поводам заходила секретарь, косилась на нетронутые чашки, но почему-то не забирала. Волнение достигло того предела, когда меня откровенно начло потряхивать.

— Ты замерзла? — синий взгляд впился, словно расстегнувшаяся булавка, причиняя почти физическое неудобство.

— Нет, — я покачала головой.

— Отчего дрожишь? Нервничаешь?

— Еще чего! — вру безбожно, но озвучивать правду о каком-то мнимом предчувствии, не хотелось. Наверняка, Заречный уже сыт по горло всей этой запредельной мистической чепухой.

— Тогда в чем дело, Лена? — мелочей для змея не существовало. Впрочем, и для меня их не было.

— Почти все ваши документы подписаны одним человеком Захаром Константиновичем Вербицким. Насколько мне известно, он хоть и влиятельный чиновник, но совершенно точно многими вопросами лично не владеет.

Мне показалось, что Заречному понравилась моя проницательность. Он даже улыбнулся вполне безмятежно, впервые за утро.

— Возможно, но любой, из подписанных им документов, имеет отношение к вверенным ему проблемам. Я предпочитаю иметь дело с проверенными и честными людьми, которые не имеют привычки ставить палки в колеса, а любой вопрос решают конструктивно и быстро. — Видимо, по взгляду змей определил степень моего скептицизма, поэтому добавил: — Когда я говорю о честном человеке, то включаю в это понятие и принципиальность. Вербицкий не берет взятки и никогда не подписывает документы, которые идут вразрез с его принципами. Можешь лично осмотреть все наши эко-устновки!

Ожил. Даже разозлиться успел. Для чего я все это говорила? Вербицкого знала давно и была полностью согласна с данной характеристикой. Просто хотелось из каменного изваяния змея сделать живого человека, и мне, по всей вероятности, это удалось.

— Не сомневайтесь. Обязательно осмотрю, — зачем-то продолжила я выводить из себя Дракона Петровича.

На висках великого босса засеребрилась чешуя. Перегибаю. Поразмислить не дал ворвавшийся в кабинет Потемкин.

Несмотря на обычную словоохотливость заместителя, он молчал. Весьма нервно и стремительно мерил шагами кабинет, размахивал руками и молчал. Почти. Иногда с его губ срывались звуки, больше похожие на шипение. Может, Гриппа промахнулась, и проклятье не одного мужчину задело, а срикошетило еще и на Антона? Или, быть может, оборот в земноводное, а точнее — в водное чудовище, процесс

заразный, и Потемкин успел подхватить от друга вирус? В любом случае, для человека трезво мыслящего он вел себя странно.

Заречный застыл, снова фактически превратившись в статую самому себе. Пытался внимать, но, как и я, бросил эту затею, положившись на обстоятельства. Минуты три мы молча взирали на эмоциональную пантомиму. Дракону Петровичу театр одного актера наскучил быстро, душа требовала динамики и развития сюжета, поэтому он стукнул кулаком по столу так, что я подскочила на месте, закрыв несохраненный файл с отчетом, а Потемкин застыл на месте.

— Сядь! — рыкнул Заречный.

Антон, двигаясь по инерции, добрал до первого стула за столом заседаний и плюхнулся на него так, словно именно в этот момент силы его покинули, а ноги отказались держать.

Змей вытек из кресла, налил из графина в высокий стакан воды и протянул заму.

— Пей! — не просьба — приказ, изрядно сдобренный повелительными нотками.

Потемкин в несколько глотков осушил емкость, судорожно вздохнул и поставил пустой стакан на стол.

— Говори! — чуть менее грозно произнес Заречный. — Как прошло?

— Продули, — склонил голову Антон. Из него будто всю энергию выпили.

— Что? — обманчиво спокойно спросил Дракон Петрович.

Мамочки! И серебристая чешуя с висков спустилась на щеки. С моего места я плохо видела, но готова была поклясться, что и глаза сменили цвет, и зрачок изменил форму. Словно подтверждая догадку, раздался скрежещущий звук, и на том месте, на которое только что опирался Заречный, на столешнице образовались глубокие борозды от отросших когтей.

— Димочка... — прошептал Потемкин. — Что это с тобой? Тебе нездоровится?

От ужаса прикрыла рот ладошкой. По спине пробежали неприятные холодные мурашки, а сердце тревожно забилось. Предчувствие никогда ведьму не обманывает, но что-то подсказывало, что начались только цветочки, ягодки ждали еще впереди.

— О чем ты (бес-с-с тебя подери!)? — зашипел змей.

Натурально так зашипел. Потемкин побледнел. Миг, и его полыхающие от негодования щеки стали белее пергамента. Жаль, что Заречный стоял ко мне спиной, и я никак не могла оценить масштабы его изменений.

— Ты странно выглядишь... — дрожащим голосом произнес Антон.

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Как? Моя фирма с треском продула тендер, к которому мы год готовились. И меня волнует, почему это произошло? Мы были готовы, у нас полный пакет и эксклюзивные услуги, цены конкурентоспособные и в то же время реальные, чтобы не допустить экологической катастрофы. Так что же пошло не так? Куда смотрел ты? И где, позволь спросить, был Захар? — Заречный натурально уже просто рычал.

— Не было Захара! — выкрикнул Потемкин, подсакивая со стула, к которому направился змей.

— Как это не было? Ты в с-с-своём уме? — даже я вздрогнула от этого свистящего голоса.

— Я-то в своём, а вот ты... Что с тобой происходит, черт возьми?! — взвизгнул Антон. — Ты снова превращаешься в чудовище?

На этой фразе меня затрясло. Спалились. Ей богу, спалились! На полную катушку. Но Заречный даже не отреагировал на слова зама.

— По с-с-сущес-с-ству говори!

— Вербицкий исчез неделю назад, как сказали мне в мэрии. Но я с ним говорил не далее как вчера. Захар заверил меня, что все в силе, а сегодня пакеты предложений рассматривал новый состав тендерной комиссии во главе с этим чмырьком Сусловым. Одна из организаций Гольцмана выступила с предложением по себестоимости чуть ниже нашей. И главное, они предложили наш сценарий. Понимаешь? Наш! Словно кто-то слизал подготовленный бизнес-план.

— Да что ты? — развел руками Заречный. — Меня не было всего неделю! Одну чертову неделю, Антон! И что? Конкуренты давят по всем фронтам. Сначала мы лишаемся муниципальной аренды, потому что кто-то не досмотрел и не спланировал, потом проседают продажи, потому что выходит статья о нечистоплотности сотрудников базы. Заказная статейка, Антон! Лживая, но основанная на таких пикантных фактиках, которые могли знать только свои! С-с-свои! И апогеем всего

этого становится проигрыш масштабного тендера, который год мог бы кормить несколько тысяч человек. С-с-совпадения?

Змей орал так, что дрожали стекла. Признаться, я мало что смыслю в бизнесе, тендерах и прочем, но тревожный колокольчик давно превратился в колокол. И, да. В совпадения тут мог не поверить только глупец.

Плюс сбои, которые давала магия. Вся магия! И это у сильных ведьм! Все, что касалось фирмы Заречного, вот уже несколько дней не поддавалось никакому анализу, даже сверхъестественному. Интересно, почему молчали мои старушки? Или меня снова вычеркнули из списков имеющих голос в нашей семье? Обидно. Причем, обидно два раза. Первый, за то, что меня опять сбрасывали со счетов. А второй, за то, что чары с Заречного мне так и не удалось снять. Я, конечно, не понимала тонкостей колдовства. Да, прочла все, что подсовывали мне родственники, видела множество обрядов, но постичь и осмыслить магию можно только после ритуала посвящения. А для этого нужно, как минимум, человека своего встретить. Где он, человек этот? Когда тут или бабушки в личную жизнь вмешиваются, или одни змеи попадают.

Но даже в своем невежестве, я понимала, что если бы Дракон Петрович добровольно и всем сердцем не принял свою вторую сущность, то освободился бы от нее и не обрастал бы чешуей при каждом эмоциональном всплеске.

Атмосфера в кабинете продолжала накаляться.

— С-с-совпадения, я тебя с-с-спрашиваю? — шипел змей, нависая над Потемкиным, который, хоть и был бледен, но не дрогнул и смотрел прямо в глаз своему изменившемуся другу.

Страшно подумать, что он там видел, но вел себя достойно. Ему даже удалось взять себя в руки.

— Нет, не совпадения, Дима! Не совпадения! — заорал он в ответ. — Хочешь меня во всем обвинить? Валяй! Мне скрывать нечего! Я тебя никогда в жизни не предавал и перед совестью своей чист. Остальное не имеет значения. Против любого человека можно сфабриковать историю. Но скажу тебе так, «норушка» у нас завелась. Гольцмановская «норушка». И действует она где-то очень близко к тебе или ко мне. Проверять нужно ближний круг.

— Хочеш-ш-шь с-с-сказать, что у нас шпион? — чуть умерил пыл Дракон Петрович. Кожа на кресле, за спинку которого он схватился, с треском лопнула, вспоротая когтями. — Тьфу ты, зараза! — в сердцах выругался он и откинул бесполезный предмет мебели.

Вроде и легко это сделал, а стул, пролетев несколько метров, с силой ударился о стену и сложился. Могучий мужчина. Не иначе, мощь древнего чудища передалась. Не мудрено. Не каждый день в нашем мире появляется настоящий оборотень, и вряд ли кто-то свойства стражей изучал. В здравом уме никто бы не осмелился, ну а тому, кто в скудном — никто бы не поверил.

— Не хочу! Я тебе открытым текстом говорю — у нас крыса, Дима! И, вполне вероятно, не одна. А теперь, будь любезен, посмотри на себя в зеркало и попробуй мне еще раз сказать, что я не прав! — выпалил Потемкин.

Что-то мне подсказывало, что последние его слова совсем не о шпионе, и даже не о тендере. Уходил ли у вас когда-нибудь из-под ног пол? Вот у меня сейчас ушел. Совсем. Весь. Разумеется, в переносном смысле, но ощущения были очень реальные.

Заречный медленно и по-змеиному плавно перетек к гардеробной и скрылся за дверью. Бежать? Так ведь догонят. Ох, что же будет, что будет?! Еще и Потемкин передвинулся и перекрыл мощной спиной выход, демонстративно сложив на груди руки. Засада! Все пути к отступлению отрезаны. О панорамных окнах я даже не думала. Даже если они и открывались, то, прыгнув с такой высоты, костей не соберешь. Оставалось ждать расправы.

В том, что она последует, сомнений с каждой секундой оставалось все меньше и меньше. А потом вообще раздался странный звук. То ли рычание, то ли шипение, а может и то и другое вместе.

— Мамочки... — в ужасе прошептала я.

Дракон Петрович ворвался в кабинет, и его глаза уже не синели. Они... Они... Да, полыхали желтым. Теперь мне представился случай воочию в этом убедиться. Ерунда, конечно, если бы в них ко всему прочему не горела злость. На мир? На меня? На мою импульсивную бабушку? Кто их, чудовищ, разберет?

Несмотря на свое довольно взвинченное состояние, заговорил змей спокойно. Слишком спокойно, на мой дилетантский взгляд. Я бы предпочла, чтобы он перед нашей беседой где-нибудь пар спустил. Ну,

там, за рыбой погонялся, стаю нерп поймал. Размялся бы на просторе, а потом уж и поговорить можно.

Вот только мечты остались мечтами, потому что беседовать Дракон Петрович желали незамедлительно, то есть вот прямо сейчас.

— А скажи-ка мне, Еленушка, — вкрадчиво начал он. — Что ты можешь сказать по поводу с-с-столь зрительных перемен в моей внешности, а?

Глаза полыхнули, словно меня огромный внедорожник фарами осветил.

— Неожиданно. Смело. И это... соответствует современным модным тенденциям... — проблеяла я, поражаясь то ли своей отваге, то ли глупости.

— С-с-соответствует современным модным тенденц-сиям? — с нажимом переспросил Заречный.

— Я не большой специалист, — выдохнула я, наблюдая, как чешуя заползает на подбородок, спускается по шее, отвоевывая для себя новые участки драконьего тела. Красиво, конечно, но страшновато даже для потомственной ведьмы.

— С-с-сначит, мне не прис-с-снилось, что я ш-ш-шрал с-с-сырую, непотрошеную рыбу и рас-с-срывал нерп на час-с-сти? — очень недобро прошипели мне. При этом склонился Заречный так, что я явственно ощущала себя кроликом, поймавшим на свою беду взгляд голодного удава.

— Ну, да... — прошептала в ответ. — Кто ж ее в озере потрошить и чистить-то будет?

— Именно! — взревел он. — Именно, что в озс-с-сере! А кто меня туда зс-с-сасунул? — заревел змей.

— Кто? — спросила я. Мне казалось, что искренне.

— Кто? Ты еще с-с-смеешь с-с-спрашивать кто? Бабка твоя полоумная! Вот кто!

Вот зря он так. Я бы могла понять праведный гнев, упреки, даже обвинения. Но прямое оскорбление пожилого человека стерпеть не могла.

— Это ты кого полоумной назвал, идолище речное? — подскочила враз осмелевшая я. — Да если хочешь знать, не заколдуй она тебя, то ты бы не нерпами ужинал, а собой карасей давно кормил!

— Карас-с-сей? — взревел уже не шипящий, но очень разъяренный змей. — У меня вообще проблем не было, пока с вашей с-с-семейкой не связался!

— Вот и не связывался бы! Зачем полез Ведьмин скит сносить?

— Потому что тендер выиграл, чтобы территории Гольцс-с-сману не достались. На свою голову! Гольцс-с-сман мудрее оказался, отказался от участия почти на финише! С-с-собака!

— Конечно, мудрее! Он просто столкнул лбами тех, кто ему мешал и все! Тебя и бабушку! Или ты до сих пор думаешь, что все вышло случайно? — когда на меня кричат, я тоже ору.

Какое-то время мы переводили дыхание, испепеляя друг друга взглядами.

— Может, я за дверью подожду, пока вы ругаетесь? — тихо поинтересовался Потемкин.

— Сидеть! — скомандовал Заречный, и Антон сел на то, что стояло ближе всего. Этим оказалась высокая напольная ваза, сделанная в стиле модерн, в виде черного параллелепипеда.

— Да! Оставайтесь! — мне тоже хотелось многое сказать. — Тем более, что я не собираюсь здесь больше и секунды находиться! Желая всем счастья!

Гордой походкой направилась к двери, хотя ноги подрагивали, а каблуки так и норовили подвернуться. Леший бы подрал все эти офисы с их дресс кодами!

— Стоять! — рыкнул змей.

— У тебя что ни слово — то команда. «Стоять», «сидеть»... А для девиц своих с выдающимся... с выдающимися... В общем, с бюстом! Ты для них применяешь команду «лежать»? — Не сочла нужным даже обернуться и просчиталась. С размаху врезалась в широкую грудь Дракона Петровича. Крупная ладонь с длинными пальцами, но уже без жутких когтей, сжалась на моем предплечье.

— А тебе не все ли равно, какие команды я с ними использую? — мурлыкнули сверху. Конечно, гордость не позволила посмотреть в лицо змею, но по голосу чувствовала — ухмыляется. Глумится! Сволочь!

— Абсолютно все равно! Пусти! — из захвата выбраться не получилось.

— Не пушу, — спокойно ответил Заречный. — Пока мне все не расскажешь. Хотя... И после этого тоже не отпущу.

— Не имеешь права!

— Имею! — Дракон Петрович прижался ко мне теснее. Отступить некуда, позади лишь закрытые двери. — К твоему сведению, у меня изменились вкусы на женскую, скажем, внешность, — шепнул он.

— Мне-то какое дело?! — злилась, да!

— Прямое, Елена, прямое. Скажи, ты зачем к змею в реку полезла?

— Мне выбора не оставили. Бабушка очень переживала, что одного негодяя прокляла. Пожалела его и попросила меня расколдовать. Но если бы я знала, что ты такой... Ни за что бы не стала!

— Почему именно тебя? — на мое негодование Заречный не обратил никакого внимания, но при этом смотрел пристально и очень внимательно.

Ай, ладно! Что уж теперь! Можно все рассказать, раз основную часть он узнал.

— Потому что эти две заговорщицы считали, что расколдовать тебя сможет только поцелуй! Девушки! — выпалила я. Не пересказывать же ему бред об истинной паре!

— И? — спокойно спросил змей.

— Что «и»? — злил он меня невероятно. — Я тебя поцеловала, и я девушка, а ты расколдовался! На этом все! Точка!

— Расколдовался, — он прикоснулся к моему подбородку, чуть приподнимая его, и заставил взглянуть на его ухмыляющуюся физиономию, с которой стремительно исчезала чешуя.

Чудные дела творятся! Моя близость способствовала очеловечиванию змея, а его присутствие обостряло мою интуицию. Более того, я фактически переставала чувствовать свою ведьму. Нет, не верно, я становилась этой ведьмой, наполнялась силой, и наши чувства сливались в одно целое. — А ты врушка!

— Что?

— Да-да! — кивнул наглый он. — Врушка и еще трусиха!

— Но-но! — предупредила я, но Заречный снова улыбнулся.

— Впрочем, мое мнение совпадает с мнением твоих родственниц. Ты мне подходишь. А еще нужна.

— З-зачем? — озадачил. Пока великий босс гулял с гламурными девицами, его мотивация был ясна и понятна, сейчас же намерения змея ставили в тупик.

— Расколдовываться.

— Опять?

— Снова! Не нужно было первый раз халтурить! — при этом Дракон Петрович ненавязчиво, но демонстративно потер остаток чешуи на висках, намекая на мою несостоятельность. Наглец!

— Да как ты смеешь? Тебе нужно, сам и расколдовывайся! — фыркнула я.

Нет, намеком это не было. Совершенно. Вот нисколечко. Но Заречный все понял, как всегда, по-своему. Он склонился и впился в мои губы голодным поцелуем. Думаешь, крышу снесло, как в дамских романах? А вот и нет! Ну, ноги задрожали, руки, мурашки на коже вступили, тепло по телу разлилось. Куда же без тепла? А голова осталась ясной и почти трезвой, несмотря на учащенное сердцебиение. Змей все целовал и целовал, и я вдруг поняла...

— Подожди... — с трудом вывернувшись из стальных объятий.

— Что? — глаза Дракона Петровича вновь сменили цвет на привычный синий, хотя и были подернуты дымкой эйфории. Чешуя с висков тоже, кстати, сошла.

Мужчина никак не желал меня выпускать и тянулся за новой порцией поцелуев. Магии много не бывает? Глупости! Чешуи нет, зрачок нормальный — значит, расколдовался. В конце концов, есть дела поважнее.

— Руки убери! — рыкнула я, отступая.

— Я могу, наконец, встать? — откуда-то с вазы спросил Потемкин.

— Нет! — хором ответили ему мы.

— Я знаю, что происходит! Почему никто из нас не заметил опасности, не усомнился и не смог просчитать ситуацию! Они поставили магический заслон! Я об этом когда-то читала, но вспомнила только сейчас.

— Знаешь, я склонен в это поверить, — задумчиво кивнул змей. — Снять сможешь?

— Я? — растерялась. Почему-то именно ему признаваться в том, что из меня так себе ведьма, совершенно не хотелось, но иного выхода

не видела. — Тут одной колдуньи мало. Слишком сильный маг ставил.

— С «норушкой» что-то решать будем? — устало спросил все еще сидящий на вазе Антон.

— А как же! Будем, но сейчас важнее разрулить всю эту магическую чертовщину! Идем! — змей схватил меня за руку и потащил из кабинета. — Антоха, займись пока проверками. Только не светись раньше времени. И, да. Можешь уже встать.

— Премного благодарен, — хмуро буркнул Потемкин, тяжело поднимаясь на ноги.

В приемной подскочила Мариночка, явно не ожидавшая нашего появления.

— А вы куда? — протянула она, удивленно хлопая глазами.

— Будут спрашивать, я на объекте ревизору очистные сооружения показываю!

— Вернетесь? — пискнула секретарша.

— Обязательно, но не сегодня, — весело откликнулся Заречный. И чему радуется? У него бизнес под откос летит, а он улыбается, да еще ладонь мою не выпускает.

— Как не стыдно врать! — укорила его, когда мы оказались в лифте.

— А я с тебя пример беру, радость моя.

— Не твоя.

— Это вряд ли.

— А мы вообще куда?

— К ведьмам твоим.

— А-а-а... — с этим я была, в общем-то, согласна. Бабушки точно смогут разобраться с барьером.

Когда вышли на улицу, Заречный все также поддерживал меня под локоток, направляя к машине. А вот я остановилась и застыла как вкопанная. Прямо навстречу мне шел и улыбался бывший ухажер, игрок и предатель — Вадим Протасов. Выглядел хорошо, даже замечательно. Собственно, шарма ему всегда было не занимать. Особенно в период, когда наши отношения только начинались. Сейчас он был побрит, опрятен, одет в хорошо пошитый костюм и сиял как новенький медный таз. Даже на лице не осталось следов злоупотребления спиртным. В руках держал шикарный букет из ирисов и садовых ромашек.

Шел Протасов и улыбался. Неужели мне? Помнится, в нашу последнюю встречу я оказалась повинна во всех его жизненных неудачах.

— Леночка, рыбка моя золотая! — воскликнул бывший бойфренд, протягивая цветы и раскрывая объятия. Боже, да он за всю историю нашего романа мне таких букетов не дарил! — Как я рад тебя видеть, дорогая!

— Вадим... — выдохнула я и тут же зашипела от боли. Слишком уж сильно Заречный сдавил мою руку, которую отпускать наотрез отказывался.

Собственно, цветы мне тоже взять не позволили.

Глава 20

Глава 20

— Ох, сватья, ведь не ведаем, что творим! — прошептала Ядвига, склонившись над пятилитровой кастрюлей, стоявшей аккуратно на самой большой конфорке новенькой газовой плиты с электроподжигом.

Сегодня на семейной кухне варились отнюдь не борщи. В емкости булькало и клокотало нечто зловещее даже на вид, источающее запах вереска, полыни, воска и фомалина. От последнего «аромата» подташнивало и так и пянуло закрыть нос полотенцем.

— Отчего ж не ведаем? Очень даже ведаем. На то мы и ведьмы! — усмехнулась Гриппа и добавила в кастрюлю нечто странно-блестящее, бережно хранимое в кулечке из пожелтевшей газеты.

— Уж не светляков ли ты туда добавила? — подозрительно принялась Ядвига.

— Их самых. Должен же кто-то тьму на пути ведомого разгонять. Сейчас увидим голубчика! Ох, сколько же я сил извела, чтобы его в чувства привести. Видать, колдун наш его давно со счетов сбросил, а то бы не смогла. Д-а-а.

В варево полетела щепотка соли, кусочек древесного угля и серый порошок, когда-то бывший листьями папоротника.

— Ну, вот. Почти и готово. Теперь слова заветные прочесть надобно, — потерла руки довольная Гриппа. — Повторяй за мной! Не отлынивай!

— Может, не надо? — почти взмолилась сватья. — Итак, девочке всю судьбу перекроили.

— Совсем умом тронулась на стрости лет? — буркнула на нее родственница. — Не всем богам дано перекраивать судьбы, а подтолкнуть в нужном направлении — это не грех, а жизненная необходимость. Ужель не видала, как ейный дракон смотрит на нашу горлицу? А она? В ней упертости Мирослава многовато, нипочем не сознается, что мужик ей по сердцу. Особливо, ежели не она тот выбор сделала. Гордость ведьминская, тут ничего не попишешь. Повторяй, давай! Не зли меня!

Ядвига обреченно вздохнула, но встала рядом.

Гриппа взяла со стола огромный мосол, предназначенный когда-то для холодца, но сейчас хорошо опаленный, выскобленный и высушенный таким образом, что плоти на белой кости совсем не осталось. Им она стала помешивать булькающее зелье.

— Спадите запоры, распахните врата. Очам покажите желанные места. Водю омойте нелегкий наш путь... — зашептали ведьмы.

Зелье вспенилось. Серые пузырьки светлели, пока не стали нежно голубого цвета. А когда пена осела, жидкость в кастрюле из бурой превратилась в насыщенно пурпурную. Даже дымок приобрел розоватый оттенок.

— В дымке закатной, при свете дневном, в хлопотах тайных о чаде родном, я добавляю щепотку муки, ты нам Елену узреть помоги... — из варева повалил сизый дым, наполнивший всю кухню, и старушки переключились на речетатив: — узкая тропка протянулась враз-враз, двинемся робко, чтобы видел глаз-глаз... Покажи нам, кость-кость, где наш тайный гость-гость...

Мосол в руках Гриппы стал фиолетовым, а зелье, наоборот, прозрачным и чистым. Словно кость вобрала в себя весь цвет. Даже вода больше не булькала, несмотря на то, что кастрюля по-прежнему стояла на самом сильном огне. А потом в самом центре импровизированного котла, будто действительно включилось изображение. Казалось, еще секунда и поползут титры с перечислением фамилий режиссера и членов съемочной группы.

В кастрюле по парковке бизнес-центра шагал опрятный и причесанный Вадим.

— А не слишком мы его принарядили? — шепнула Ядвига. — Я его таким представительным и не помню. Вдруг Еленушка переметнется? Все же отношения их связывали...

— Не отношения, так — пшик один. Ох, сватья, не по нраву мне современные взгляды. Это ж надо! Кого попало в свое собственное тело пускать! То ли дело у нас было, хочешь войти в женщину — постарайся, да вначале душу ей раскрой, а уж она подумает, раскрыться ль ответно аль нет. А щас... Познакомились, подергались под гремучую музычку и в койку прыгнули. Соитие — это таинство, там без единения душ одно трение выходит. Потом детки получаются хилые да хворые, Тфу...

— Зря ты ему цветы внушила Еленушкины любимые купить, — не унималась Ядвига. — А ну как пробудят воспоминания, да симпатии старые? Сама понимаешь, к змею-то она не загорелась в силу полную!

— Не загорелась? — хмыкнула сватья. — А вот это мы сейчас и поглядим. Что-то мне подсказывает, что равнодушие Ленкино напускное. Тронул гаденыш водяной сердечко девичье. Вон она как на него за столом зыркала, глаз отвести не могла! Дмитрий тоже мужчина не промах. Не трус, подруга! Сама же в карты свои смотрела, чайнки считывала — все хорошо будет. Встряска им для осознания и для понимания надобна, а у нас времени нет. Чую, с каждой минутой Асмодей ентот силушки набирается, раз уже может на колдовство наше влиять.

— А Светланка-то как?

— А что ей сделается? Приехала уже, поджидает нас в скиту Ведьмином. Как голубки созреют, так и за обряд примемся.

Две седые головы склонились над кастрюлей, где разворачивалась очередная сцена.

* * *

— Ты что здесь делаешь? — удивленно спросила я, когда хватка Дракона Петровича на плече, сопровождаемая моим шипением, слегка ослабла.

Вадим посмотрел на букет в своей руке, словно вспоминая, зачем он притащил сюда этот веник. Дельная мысль в голову не пришла, и он перевел взгляд на меня. Вот тут Протасов заулыбался так, словно годовалый малыш в куче игрушек нашел знакомого, с первых дней любимого плюшевого медведя.

— Леночка, ангел мой! Только с твоим уходом узнал, кем все это время ты для меня была! Без тебя я будто во тьме бреду, звездочка путеводная!

Мне снова протянули цветы. Красивые. Между прочим, мне всегда нравилось сочетание белого и ярко-синего, а ромашки, вообще, мои самые любимые цветы! Протасов же считал их простыми и безвкусными, он любил все обставлять с помпой, напоказ. Поэтому,

если и дарил мне букеты, то при свидетелях. Чаще это были шикарные розы или экзотические орхидеи в стеклянных стаканчиках с химикатами. А вот такие родные, незатейливые, душевные пытался преподнести впервые. И я бы их приняла, честно, но Заречный был против, ясно давая это понять очередным сдавливанием моей многострадальной конечности. Так могут и синяки остаться!

— Во тьме он бредет! Фонарь купи, жених недоделанный! — едва слышно, сквозь зубы прошипел змей, а потом гаркнул: — Почему посторонние на служебной парковке?

К нам со всех ног кинулись четверо охранников. Двое бежали от здания самого бизнес центра, и еще двое — от поста охраны на въезде.

— Это ко мне! — попыталась прояснить ситуацию я.

— Вижу, что не ко мне! — рыкнул Дракон Петрович. — Ко мне обычно с букетами не ходят. Меня другое волнует, как он сюда попал?

Этот вопрос Заречный задал уже не мне, а охранникам, устремив на них грозный взор.

— Он это... Мишина там, а он цветы и... Говорит, женщине своей... — замямлили охранники.

— Нет у него здесь женщины!

— Есть! — взвизгнул Протасов. — Леночка, любимая! Вернись ко мне!

Его подхватили под руки и поволокли в шлагбауму на входе. Он продолжал верещать о нашей любви, о несовершенстве мира и обстоятельствах, так внезапно разлучивших нас. А обстоятельства стояли рядом, вновь сжимали мое плечо и хмуρο смотрели на то, как Вадима выдворяют из его вотчины.

— Зачем? Он же ко мне пришел! — я попыталась освободить руку.

Позволили. На секунду даже почувствовала себя свободной. Но лишь на секунду, потому что в следующий момент властная ладонь легла на талию. Меня развернули и посмотрели прямо в глаза. И да, глубоко в синеве уже зарождались желтые горящие всполохи. Кто бы ни был сейчас передо мной: змей или человек, но он злился.

— Вот именно! Он. Пришел. К тебе. Ничего подозрительного не находишь, девочка? — синие озера прищурились, обманчиво прикрыв желтизну.

— На что это вы намекаете? — не осталась в долгу. — Думаете, я его сюда позвала?

— Ну, вот видишь, ты сама обо всем догадалась. Почти.

— Да как вы смеете?! — дернулась в его силках. Тщетно.

— Смею, девочка. С-с-с-смею! — последнее слово он прошипел, а в волосах вновь сверкнуло серебро. Только не это! Свидетелей, конечно, немного, но мы все же на улице.

— Успокойтесь, Дмитрий Петрович! — прошептала я и перестала сопротивляться, просто дала себя притянуть ближе к горячему телу, обнять. И, кажется, мужчина зарылся носом в мои волосы и что-то там вынюхивал. В любом случае, действовало на него успокаивающе. По крайней мере, дышать он стал размереннее, ровнее.

— Я с-спокоен, Елена. Но подумай сама, откуда мужчина, не интересовавшийся твоей жизнью, узнал, что ты проводишь проверку именно в моей фирме?

Тут я напряглась. Да, откуда?

— Уточнил у меня на работе? — спросил робко и неуверенно.

Я бросила взгляд на Вадима. Он все еще стоял у своей машины и тарасился на букет. Протасов нахмурился и бросил светлы в аккуратный голубой мусорный контейнер. Эх, разве нежные лепесточки и стебельки заслуживают такой участи? Каковы бы ни были мотивы подарка, но растения страдать не должны. К сожалению, мой бывший жених в очередной раз обнажил всю свою подгнившую суть, застав меня убедиться в собственной правоте на его счет.

— Исключено. Даже твой начальник не знает, где я тебя посадил. К слову, в командировочном, вообще, указан, иной адрес.

А я не поверила в причастность Гольцмана к появлению Вадима. Вот ни капельки! Потому что все его колдуны и вурдалаки сто и еще пятьсот процентов не знали какие цветы я люблю, как не знал этого и сам мой бывший жених. Но были ведающие люди. Ох, были.

Поэтому ни оправдываться, ни что-либо объяснять Дракону Петровичу не стала. Просто кивнула на машину и сказала:

— Поехали. Куда мы там собирались?

— К родственницам твоим зачарованным, куда же еще... — пробурчал Заречный, но дверь мне открыл и в джип залезть помог.

Молчал босс довольно долго. О чем думал, оставалось только догадываться, но вид он имел серьезный и сосредоточенный. Почти в

конце пути все же не выдержал и вкрадчиво спросил:

— А скажите-ка мне, Елена Мирославовна, ваши родственницы и вы лично ничего от меня не таите?

Глупый вопрос, если честно. Не по статусу змею такие задавать. Ну да каков вопрос, таков и ответ.

— Вы что имеете в виду? Факты по существу нашего общего дела или, как вы выражаетесь, прочую магическую чепуху? А, Дмитрий Петрович?

— А я имею в виду, Елена Мирославовна, все вместе с ерундой, чепухой и небывальщиной, в которую сложно не поверить, обнаружив на собственной физиономии чешую, согласитесь? — и тон такой у него, главное, предельно деловой и вежливый.

— А вы не читали сказочку в детстве про Пиноккио? Там мальчика наказали за вранье.

— Так я вроде был предельно честен! — возразил Заречный.

— Возможно. Но, видите ли в чем дело, Дмитрий Петрович... Грехи бывают разные. Соответственно, отличаются и наказания. Быть может, чешуя — ваша кара.

— И в чем же мой грех, позвольте полюбопытствовать? — продолжал форменно издеваться змей.

— А вы старушкам хамите.

Тут крыть ему было абсолютно нечем. Поэтому он нахохлился как замерзший снегирь и затих. Правда, джип уже свернул во дворы к нашей высотке.

Визит сюрпризом не стал. Нас ждали, но в квартире пахло подозрительно и неприятно, словно кого-то мумифицировали. Колдовство тут творилось. Совсем-совсем недавно. Причем, самое бессовестное и беспардонное. Да и бабушки избегали моего взгляда, а раз так, то выгораживать этих заговорщиц больше не буду. Хватит!

— Леночка, Димочка пришли. Может грибной соляночки отведаете или чайку? — сладко и довольно фальшиво пропела Ядвига. Надо бы ей над образом еще поработать. Халтура.

— Лучше расскажите товарищу, зачем Вадима ко мне отправили! — язвительно ответила я, а змей ошарашенно присвистнул.

— Догадалась, значит, — улыбнулась Гриппа. Довольно так, словно не ее на горяченьком застукали. — Растет твой дар, внучка.

Крепчает, наружу просится. С этим считаться надо. Теперь хочешь, не хочешь, придется его в свет выводить и как можно скорее.

— В следующий раз попробуйте просто поговорить, а не строить планы за моей спиной! — Обиделась ли я? Еще как! А ведьма во мне бесновалась и в кои-то веке была полностью со мной солидарна.

— Прости, Еленушка. Клянусь землицей святой, последний раз у сватья на поводу пошла.

Гриппа посмотрела на нее как на предательницу, я же жаждала продолжения разборок, но тут вмешался змей. Все-таки есть в нем чуйка, недаром такой бизнес с нуля поднял.

— Я не понял, какая связь между просыпающимся даром Лены и подосланным вами ухажером? — вот же змей! И вопросы задает точные, и зрит в самый корень!

— Прямая! — на автомате ответила расстроенная Ядвига и тут же поняла что и кому сболтнула. — Ой...

— А пойдете-ка выпьем... чаю! — с нажимом произнес Заречный, практически впихнув обеих старушек в кухню. — Под чай и разговор душевнее, не правда ли?

— Леший тебя за язык потянул... — в сердцах прошипела Гриппа, увлекаемая Драконом Петровичем.

Как-то сразу стало совестно и даже немного жаль бабушек. Не чужие все же люди. И чтобы разрядить ситуацию, решила напомнить:

— Дмитрий уверен, что в его коллективе есть предатель.

— А то как же, — хмуро откликнулась Гриппа. — Есть, как не быть.

— Вычислить никак не можем. Вроде, все работают давно, а тотальные неприятности начались совсем недавно, — нехотя признал Заречный.

— Примерно с того момента, как проклятье мое, сгоряча брошенное, совсем не так, как должно, сработало, — кивнула бабушка.

— Это как так? — почти хором поинтересовались мы. Дмитрий даже вперед подался, а еще секунду назад был крайне недоволен, что его отвлекли от интересующей темы. Но я знала, что он не отступит и еще вернется к ней.

Ответила нам Ядвига. Она все же решила напоить нас чаем и выставляла на стол чашки, чайник, вазочки с вареньем.

— Да в книгу мы тут заглянули. Заклинание «стража», конечно, древнее, но чары людям нужные, добрые. Сильный человек, этот дар принимающий, срастается со зверем. Не человек становится зверем, а зверь — человеком! Это новое существо, которое завсегда выручит, поможет, землю нашу от зла оградит. У сватьи же все иначе вышло, словно в ее светлую ворожбу чернил подмешали.

— Помнить он должен был все, а Димитрий зверем стал злобным, не стражем вовсе, — кивнула Гриппа. — Ежели б не Елена, то плавать бы ему змеем по сей день.

Дракон Петрович прочистил горло и отхлебнул горячего чая.

— Так! — подытожил он. — Я, конечно, не ждал от ведьм конструктивного диалога, но, похоже, говорить и не договаривать это ваше семейное. Подытожим. Первое: заклятье сработало не так, потому что кто-то недобрый вмешался в процесс. Второе: исправить это могла лишь Елена. Я все верно понял?

Старушки закивали, умильно поглядывая на делового и собранного Заречного. Мне лично вторая часть его выводов не понравилась совершенно, ведь она касалась непосредственно меня. А значит...

— А разве на древние чары возможно повлиять на расстоянии? — вот честно, не знаю, как это у меня вырвалось и почему пришло в голову, но уставились на меня все: бабушки удивленно, а змей совершенно непонимающе.

— Глядящий в воду частенько не замечает травинку, которая на поверхности-то плавает, — задумчиво произнесла Гриппа.

— Хмм... — Заречный почесал подбородок. — Намекаете, что предатель тогда рядом оказался? В кабинете кроме меня находились еще Антон и Марина. В Антохе я уверен, мы с ним со школы вместе. Марина тоже работает больше трех лет. Многое вместе прошли. Пожалуй, это единственные два человека, которые совсем не вызывают подозрений.

— А что я про травинку-то давече говорила! — тут же назидательно напомнила Гриппа.

— Да ты заранее не расстраивайся, Димочка. Тут особой магии не нужно. Так, ритуальчик небольшой с водицей живительной, да листиком герани красной. Герань, она всю правду раскроет, не утаит.

На столе появились две глиняные плошки. Из большой канистры в каждую плеснули воды, а потом кинули по несколько лепесточков красной герани, цветущей тут же рядом, на подоконнике. Гриппа склонилась над мисками и зашептала на древнем языке. Удивительно, но то, что я всю свою сознательную жизнь слушала как музыку, как песню, сейчас прекрасно понимала. То есть, ни за что бы не повторила за бабушкой прекрасные звуки, но смысл сказанного доходил. Гриппа просила воду раскрыть тайну. Для левой чаши она произнесла имя Марины, а для правой — Антона.

— Смотри, касатик мой, — шептала она. — Смотри. В какой чаше лепестки живыми останутся, тот человек честен и душою чист, но если потемнеют — там крысу твою и ищи!

Змей был спокоен. Внешне. Его волнение выдавала лишь пульсирующая венка на виске. Взгляд темно-синих, почти черных глаз прирос к лепесткам. Казалось, он даже дышать перестал. Я понимала, что Потемкин его друг, и уличить его в предательстве для Дмитрия не просто потеря, а нечто большее, глубинное и очень личное.

Очень захотелось его поддержать, и я просто своей ладонью накрыла его, сжатую в кулак, руку. Заречный вздрогнул, потом глубоко вздохнул и немного расслабился. Видимо, мужчина решил для себя действовать по обстоятельствам, какие бы сюрпризы ему не преподнесла жизнь.

— Готов, милый? — тихонько спросила Ядвига, Дмитрий кивнул, хотя взгляда от плошек не отвел.

И тогда Гриппа снова запела главные слова, истинные, сильные. И...

Теперь уже не дышали, кажется, все. Мне тоже очень не хотелось, чтобы обаятельный Антон оказался предателем. Почему? По каким-то причинам я стала воспринимать боль и огорчения Заречного как свои собственные.

Не знаю, что нас сблизило. Нет, знаю! Поцелуй. Только вот какой? Тот первый в лодке, когда я сама поцеловала змея, или в кафе, когда меня целовал уже мужчина?

И тут в одной из плошек начался процесс, который даже скептик, кроме как магией, ничем иным объяснить бы не смог. Обычная вода вдруг вспенилась, словно миску подогрели, а потом лепестки скрутились и почернели по краям. Вторая емкость осталась

неподвижной, и герань в ней плавала все такая же красная, как капельки крови.

— Чист твой дружок, — подытожила Гриппа. — Ни тайных, ни явных грехов за ним не водится. Предан тебе душою и помыслами. Верный человек рядом — залог победы!

— Победы... — горько хмыкнул Заречный, но выдохнул с облегчением. — Тендер продули. Значит, все-таки Марина... И как я проглядел?..

— Не спеши девушку обвинять. Еще раз на лепестки взгляни. С краю у них червоточины, лишь оболочка задета, а внутри поверхность чистая и светлая. Волос мне секретаря твоего принесите или вещь личную, я вам точно все про нее скажу, но подозреваю, не обошлось тут без прихвостня Гольцмана, мага темного, да заклятия черного.

— Ее тоже прокляли? — Заречный давно поменял положения наших рук, и теперь его большая теплая ладонь была сверху.

— Чары наложили подчинения да принуждения. Тут и без магии все ясно, — кивнула Ядвига. — Сердца, плачущие от любви неразделенной, всегда уязвимы. Их хозяев без труда заколдовать можно.

— Странно. Марина девушка красивая, откуда там неразделенной любви быть? Любой бы рад был, если она внимание обратит, — удивился Заречный.

— Вот и радовался бы, касатик! — ехидно заметила Гриппа.

— Вы хотите сказать, что мой личный секретарь в меня влюблена?

— Отчего же хотим? Говорим. Сейчас карты раскину, — Ядвига сунула в руки Заречному старую потрепанную колоду.

Змей времени не терял. Пока бабушка делала расклад, он набрал Потемкина.

— Тох, отбой. Встретимся у меня через час. Никому ничего не сообщай, пусть ищут. Нет! Никому и ничего! Отбой.

То, что дракон не любил терять время, очень импонировало Гриппе, и она усиленно кивала мне на мужчину. Сводница! Сопротивляться из вредности хотелось, особенно ведьме внутри меня, но ведь мне и самой Заречный очень нравился. Как бы я не бежала, как бы не сопротивлялась, но первая же сложная ситуация показала, как нас тянет друг к другу.

Ядвига убрала оставшиеся карты и посмотрела на змея.

— На работу девочка пришла, когда на тебя в газетах да по телевизору насмотрелась. Огорчалась, что ты не обращаешь на нее никакого внимания, пакостила зазнобам. Не крепко, по мелочи. Тебе, Еленушка, тоже. Надеюсь, ты не пила кофе, поданное девушкой?

— Плевала? — спросила я, и бабушка кивнула. Не померещилась мне пенка подозрительная.

Отвечать мне не стали. Вместо этого Гриппа посмотрела на Заречного изучающее.

— Коли ты к девчонке глубоких чувств не питаешь, не стоит держать ее подле себя. Иной раз безответно влюбленный союзник намного страшнее полчищ врагов лютых. Так-то!

— Я разберусь, — коротко ответил змей, поднимаясь с места. — А о даре Елены и каком-то ритуале, для которого вы подсылаете к внучке мужчин, мы поговорим чуть позже. До того момента настоятельно советую никаких решительных мер не принимать.

И Заречный ушел. Мне же на прощание не сказал ничего. Абсолютно.

— Советую не принимать никаких решительных мер... — по-доброму и очень смешно передразнила дракона Ядвига, которая ходила закрывать за ним дверь.

Мобильник зазвонил. Разумеется, это был наш недавний гость. Все же решил мне сказать несколько приятных слов, так я думала. И напрасно.

— Слушаю вас, Дмитрий Петрович.

— Не делайте глупости, Елена Мирославовна, а лучше пока совсем из дома не выходите.

И он повесил трубку.

«Вырезано цензурой 464 раза» — это все, что пришло мне на ум после нашего короткого, но такого обстоятельного разговора.

Потом, конечно, были еще мысли, но все они сводились к одному — да что б тебя!.. А ведьма внутри не просто рвала и метала, она требовала действий. Причем, решительных. И плевать, что я могла в данной ситуации совершать лишь глупости, которые меня попросили не делать. Главное, что их требовала душа.

Глава 21

Глава 21.

С Потемкиным он встретился за несколько кварталов от офиса. Как заправский шпион, шагал пешком по узкому переулку прежде, чем вышел к машине друга. Антоха увидел его первым и просигналил, давая понять, что ждет внутри, но Заречный не хотел рисковать и кивком велел тому выйти.

— Полагаешь, жучки могут быть и в моей машине? — усмехнулся Потемкин.

— И даже в моей. — Дмитрий наблюдал, как улыбка медленно сползает с лица заместителя.

— Кто? — выдохнул он.

— Вариантов было два, — не стал скрывать Заречный. — Ты и Марина.

— Марина? — удивился Антон. — Мне казалось, что предателем должен быть кто-то мудрее, обремененный интеллектом и не блондинка.

— Внешность обманчива, — пожал плечами Дмитрий. — Особенно, когда в дело вмешивается вся эта сверхъестественная муть! — Он явно начинал злиться, а ему сейчас ох как нужна была светлая голова. — Кто бы мог подумать, что нас с тобой будут окружать ведьмы и колдуны. Так не долго и до леших с барабашками дойти.

— Что предлагаешь?

— Вряд ли Марина действует в одиночку. Наверняка ей стучит охрана, докладывая обо всех моих передвижениях. Иначе, она обязательно бы попала. Для начала нужно попасть в мое же здание незаметно.

— Да-а-а... — задумался Потемкин. — Ну и задачки ты ставишь. Хотя, нет ничего невозможного. На территорию я тебя провезу в своей машине. Кстати, у меня в багажнике рабочий комбез с логотипом завалился, еще после инспекции лесопилки. В нем тебя не только охрана, я бы не узнал! Когда планируем вылазку?

Заречный задумался. Отчего-то его никак не отпускала мысль, что где-то он все же допустил промах. И эта ошибка никак не была связана с офисом. Тут без вариантов — дело должно выгореть. Так говорила интуиция, а ей он доверял.

— Прямо сейчас и отправимся. Рабочий день в самом разгаре. Тем более Усольцева сама ворожила, а ведьма зря не скажет, — хмыкнул Дмитрий.

— Это которая Усольцева? — ехидно поинтересовался друг.

— Ворожила старшая, но ведьмы они обе!

— Все бабы ведьмы, некоторые даже не маскируются, — добродушно хохотнул Антон.

— Скажи, а ты знал, что Марина в меня влюблена? — вдруг спросил Заречный.

— Все знали. Да не парься ты, в тебя все бабы влюблены. Ну или в меня, я ведь тоже очаровашка, — продолжил хохмить Потемкин, но замолчал сразу, как только открыл багажник автомобиля.

Комбинезон Дмитрию он вручил уже молча. Всю дорогу орало радио, заглушая любой посторонний звук. Перед знакомой парковкой Заречный пригнулся. На въезде машина притормозила.

— Доброго здоровьичка! — добродушно крикнул Потемкину охранник.

— И тебе не хворать, — отозвался Антон и двинулся к запасному выходу.

Ключ от двери был лишь у Заречного, поэтому никто из сотрудников ею не пользовался. Появление в офисе Потемкина тоже не должно взволновать Марину. Черная лестница выходила как раз с той стороны этажа, с которой находился кабинет Дмитрия. Да и на этаже начальства обычно никто не ходил, поэтому добраться до приемной никем не замеченными труда особого не составило.

— Здравствуйте. Нет, Заречного нет на месте, — кому-то отвечала Марина.

Казалось бы, обычный ответ секретаря, который еще днем ранее не вызвал бы у Дмитрия никаких подозрений. Но только не сейчас. Он притормозил Потемкина и решил послушать беседу до конца.

— Да, я могу говорить свободно, — меж тем продолжила девушка. — Я вам оказала услугу, передав информацию по тендеру. А это было совсем непросто, потому что данный вопрос выходит за

рамки моей профессиональной деятельности. Кроме того, в достижении моих личных целей, я с вашей помощью так и не продвинулась, поэтому прошу больше меня не беспокоить.

Антон дернулся, порываясь вмешаться, но Дмитрий чувствовал, что все самое интересное ждет его впереди.

— Стой, — одними губами произнес он.

— Мне плевать! — закричала Марина, а потом ее голос вдруг изменился. Стал намного тише и монотоннее, словно живого человека заменил робот: — Да. Поняла. Сделаю. Удалю. Какой код? Минуту, я записываю.

К полному изумлению Заречного, секретарь сейчас повторяла пароль от его компьютера. Быть того не может! Однако, он только что все слышал своими ушами.

— Поняла. Установить программу и связаться с вами.

— Куда смотрит наша служба безопасности? — процедил Заречный и шагнул в приемную.

Марина сидела за своим столом и смотрела в одну точку бессмысленным, почти стеклянным взглядом. Дмитрий не помнил, чтобы при встрече с Усольцовой секретарь настолько отрешалась от действительности. Хотя, тогда девушка была сильно напугана.

От звука распахнувшейся и ударившейся об стену двери Марина вздрогнула и обвела помещение уже совершенно иным взглядом.

— Дмитрий Петрович? — скорее удивленно, чем испуганно спросила девушка, после этого ойкнула и сбросила входящий звонок еще до того, как Потемкин дотянулся до ее телефона.

— Опа! А кто это тут нам звонил? — протянул Антон, листая список последних контактов. — И кто такая загадочная тетя Зоя? Проверять будем или сама расскажешь?

Аппарат в руке зама завибрировал и разразился трелью модного рингтона.

— Тут родственница переживает. Успокоить не хочешь? — ехидно поинтересовался Потемкин. Марина замотала головой, а на глазах выступили слезы. — Поздно, девочка моя, сырость разводить. Ты уже достаточно взрослая, чтобы отвечать за свои поступки и понимать в какую клоаку всунула свой нос.

Телефон звонил вновь, и Потемкин сбросил вызов, потом и вовсе отключил аппарат. И если Дмитрий тяжело опустился на один из

диванов, то его зам просто не находил себе места. Впрочем, слов он тоже не находил. Метался по приемной, словно дикий лев по клетке.

— Как ты могла, Марина? Как? — заорал он. Девушка уже не просто всхлипывала, она подвывала. — Догадываешься, что бывает с тупыми курицами, которые голову сами под топор кладут? Они еще несколько минут по двору без бошки бегают, разбрызгивая вокруг кровь! А все потому, что мозгов в куриной голове нет! На инстинктах клуши бегают! Как ты!

— Антон! — рыкнул Заречный.

— Что Антон? Я уже тридцать четыре года Антон! Что прикажешь с ней делать? — Потемкин никак не желал успокаиваться и бесился все больше и больше. Отчасти Дмитрий понимал его, ведь, по большому счету предателя пришлось искать ему.

— Сядь! — и вроде Заречный сказал негромко, но зам опустился в кресло рядом со столом секретаря, а Марина перестала завывать и притихла. — А теперь мы спокойно поговорим. Антон, кофейку бы, а девочке водички не помешало бы.

— Дмит...рий Петро...вич, я... я... — секретарь сквозь всхлипы пыталась что-то сказать, но слезы и подступающая истерика душили, не давая ей сказать ни слова.

— Я, я... Головка от пылесоса! — в сердцах буркнул Потемкин и зашагал к бойлеру.

— Валерьянки ей туда капни или корвалолола какого-нибудь, — посоветовал Заречный.

— Сказал бы я, что ей накапать! — огрызнулся Антон, но уже через несколько секунд в воздухе запахло лекарством.

Несколько минут тишину в кабинете разбавлял только стук зубов Марины о стеклянный край стакана. Девчонка все еще дрожала, но уже заметно успокоилась.

— Рассказывай! — Дмитрий оставил пустую чашку на журнальный стол и сложил руки в замок у себя на колене.

— С чего начать? — тихо спросила Марина.

— Проще начинать с самого начала, — пожал плечами Заречный. — И учти, я прекрасно осведомлен о твоих чувствах ко мне и не считаю их смягчающим обстоятельством твоих поступков. Мне нужны подробности. Кто из людей Гольцмана на тебя вышел? При каких обстоятельствах? Какие документы ты передавала и кому?

Можешь даже умолчать о вознаграждении, которое тебе обещали за услуги.

— Вознаграждение? — удивленно захлопала глазами секретарь.

— Только не говори мне, что ты альтруистка и оставила тысячи людей без работы ради какой-то своей идеи! — скривился Потемкин.

— Я не хотела никого оставлять без работы! Их интересовали только виды работ, указанные в нашем проекте! Я в этом ничего не понимаю, поэтому нужный кусочек пришлось сфоткать и отослать!

— Марина, у Гольцмана была вся документация по тендеру. Кроме того, он прекрасно знал, кто из администрации не берет взяток и проводит честные торги. В нашей компании об этом знали трое: я, Антон Сергеевич и ты. — Заречный не сводил с секретаря глаз. — И этот человек пропал. Возможно, он убит. А виновата в этом...

— Это не я! Не я! — закричала девушка. — Клянусь, я вам рассказала все! Только одно фото и никаких имен!

В конце она практически сорвалась на визг, и Заречный поморщился, вспомнив, за что никогда не любил женщин. Слабые, громкие, истеричные создания, за которых всегда должен нести ответственность мужчина. Слишком расслабился, потому что Елена оказалось полной противоположностью тем дамам, с которыми ему обычно приходилось общаться. Прошло несколько дней, а он не только ни разу не испытал усталости от их общения, но с удивлением заметил, что его как магнитом тянет к этой ведьме. В ее генах он больше не сомневался. Более того, принял как факт и смирился.

— Давай на чистоту, — устало выдохнул Дмитрий. — Что тебе пообещал Гольцман за информацию о тендере?

— Вы думаете, я за деньги? — ошарашено выпалила Марина. — Я три года рядом с вами, пережила всех Фурий, Гарпий, Мегер, и тут появляется она!

— Кто? — усмехнулся Заречный.

— Ведьма ваша! — почти выкрикнула девушка. Даже слезы высохли. Не иначе — от возмущения.

— И чем же он отличалась от предыдущих гарпий? Что тебя встревожило? — Дмитрий и сам не понимал, зачем задал этот вопрос. Наверное, для того, чтобы посторонний человек вслух высказал то, что он уже понимал и чувствовал, но до конца признаться даже себе боялся.

— Да смотрели вы на нее, Дмитрий Петрович, так, словно весь ваш мир только вокруг нее и вертится, словно она для вас глоток живительного воздуха и главное сокровище. С такой трудно бороться. Особенно, если тебя на протяжении многих лет не замечают! — Марина снова всхлипнула, а в душе Заречного поселилась тревога. Она нарастала с каждым мгновением.

— Продолжай! — он вцепился в подлокотник дивана и почувствовал, как отрастающие когти вспарывают кожаную обивку.

Потемкин подошел почти вплотную и едва слышно шепнул:

— Дима, успокойся! Дима...

Заречный и сам чувствовал, как меняет его злость, требуя выхода. Зверь желал разорвать предательницу. Не за тендер, нет. Змей хотел отомстить за Елену, Леночку, Еленку. А человек, пусть это и прозвучит для нормального городского обывателя дико, понимал, что девчонку попросту обманули, сыграв на ее чувствах к нему. Без магического вмешательства не обошлось. И, если он хочет поквитаться с Гольцманом, то искать и устранять нужно колдуна. И, к сожалению, без Усольцевых тут не обойтись.

— С-с-скаш-ш-ши-и, ш-што-о-о обес-с-с-счал Гольцман? — прошелестел он и сам вздрогнул от того, как позвучал его голос.

— Дмитрий Петрович, у вас чешуя и г-г-глаза-а-а-а-а!!! — заверещала Марина.

— С-с-скаш-ш-ши! — обивка под напором когтей снова треснула.

— Говори, ненормальная! — крикнул Потемкин. Он тоже выглядел очень испуганным.

Секретарша зажмурилась и задрожала всем телом.

— Говори! — рыкнул Антон, пробираясь подальше от друга. Он, конечно, считал себя достаточно смелым, но с водяным драконом один на один встречаться как-то не планировал. — Хочешь, чтобы он нами поужинал?

— Не-е-е-ет! — завопила Марина, потом выкрикнула: — Я просто попросила убрать ее с моей дороги!

— Ш-ш-ш-ш-што-о-о-о-о? — огромная, когтистая, чешуйчатая лапа потянулась к горлу девушки.

— Идиотка! Люди Гольцмана убирают только одним способом! — рыкнул Потемкин.

Но секретарь уже ничего не соображала, она с ужасом смотрела на приближающегося Заречного, а потом ее глаза закатились, и девушка обмякла в кресле.

— Готова! — выпалил зам.

И горящие желтые глаза уставились на Антона, мужчина дрогнул. Зрелище, признаться, не для слабонервных. Холодный пот скатился по виску на скулу, а вдоль позвоночника неприятно похолодело.

— Дима, ты слышишь меня? — прошептал он. — Ленка твоя в опасности. Лен-ка! Понимаешь меня? Не время сейчас по офису чешуей мусорить! Да приди же ты в себя, хрен болотный!

Желтизна уходила, и глаза Заречного привычно синели. Потемкин украдкой выдохнул, не забыв сквозь зубы добавить пару десятков крепких слов в основном говорящих о том, где он видел всю эту чертовщину.

— Ну, как ты, рептилия переросток? — спросил Антон, протягивая другу стакан воды.

— Бывало лучше, — просипел Дмитрий. — Но жить буду.

— Куда ты денешься! Может, тебе тоже корвалолу накапать?

— Лучше виски! — выдохнул Заречный, одним глотком осушая стакан.

— Потом, Дима! Все потом! Звони Усольцевой!

Телефон Елены молчал. Ему пришлось звонить на номер Агриппины, на тот самый, который он лично завел для своих советников по магии. Ждать пришлось долго.

— Димочка! — обрадовалась Ядвига. — Как с предательницей? Разобрался ли? Ты учти, девочка, конечно, виновата, но там и темные силы вмешались.

— Подождите! — рыкнул Заречный и сделал короткую паузу, вслушиваясь в блаженную тишину. — Лена дома?

— Лена? Вышла воздухом подышать на набережную. — Ядвига осеклась и осторожно поинтересовалась: — Не случилось ли чего?

— Я не могу до нее дозвониться, — все еще сгорая от беспокойства, признался Дмитрий.

— Так это ты трезвонишь? — вырвала трубку Гриппа. — Оставила Елена телефон свой. Вон он на столе лежит. Как с тобой поговорила, так с лица и спала. Посидела, подумала и на воздух вышла. Хотела бы я знать, чем ты умудрился ее расстроить!

— Просто попросил ее быть осторожнее.

Заречный пытался вспомнить, что в его словах могло задеть или обидеть Елену, но на ум совершенно ничего не приходило. Идиот! С особенными женщинами и общаться нужно по особенному, каждым словом даря душевное тепло.

— Просто попросил... — передразнила его Гриппа. — Гордость ведьмы задеть легко, сложнее получить прощение. Дуй к нам, пока она там себе страшилок про тебя не надумала.

— Еду! — тут же отозвался Заречный.

Лишь бы успеть. Дмитрий направился к выходу.

— А с этой что делать? — Потемкин кивком указал на Марину.

— Останься с ней и проследи, чтобы сегодня она не покидала здания. Займи ее чем-нибудь, а потом решим, что с ней дальше делать.

— Чем я ее займу? — возмутился Антон, потом окинул тело девушки критическим взглядом и задумчиво протянул: — Хотя...

— Никаких «хотя»! — строго предупредил Заречный. — Приставь ее к какому-нибудь делу.

— К какому еще делу? — скептически хмыкнул Потемкин. — Судя по поступкам, вид — дура, подвид — необыкновенная.

— Почему необыкновенная? — поинтересовался Дмитрий.

— У обыкновенной бы фантазии на такое не хватило.

— Пришли мне несколько ребят на набережную, машину возьму твою. А Марину печатать заставь.

— Что?

— Да хоть Трудовой кодекс пусть перепечатывает! — Заречный указал на толстый талмуд чудом примостившийся на полке между папок и покинул приемную.

Глава 22

Глава 22

«Не делайте глупости, Елена Мирославовна, а лучше пока совсем из дома не выходите» — в голове так и вертелись обидные слова Заречного.

Это за кого он меня принимает? За безголовых девиц, накаченных силиконом, с которыми привык общаться и проводить время? Я ему не подружка и не подчиненная, чтобы указывать. Тоже мне, босс великий! Скажите на милость!

Пыталась успокоиться, бесцельно бродя по комнате из угла в угол. Ни книги, ни телевизор не успокаивали. Час спустя, я не выдержала.

Внутри все клокотало, а негатив требовал выхода. Естественно, ведьма бесновалась вовсю. Хотелось устроить скандал или хотя бы глотнуть чистого воздуха. Стены квартиры душили.

— Ты куда, Еленушка? — спросила Ядвига, увидев, как я застегиваю в прихожей босоножки.

— Воздухом подышу!

— Смотри там, осторожнее.

И эта туда же! Хотелось закатить глаза и выругаться.

— За мной там громилы Заречного из кустов присмотрят, — все же огрызнулась я.

— Хорошие мальчики, — возразила бабушка. — И с Димочкой будь помягче, не обижай его.

«Спелись! Предательницы! Никто меня не понимает! Не любит! Не ценит! Дверью что ли шандарахнуть со всей силушки?» — именно такие мысли посетили мою горячую голову.

Но вместо этого, я аккуратно прикрыла дверь, на прощанье заверив, что прогуляюсь совсем недолго. Только на улице задумалась, что подобная вспышка злости совсем не характерна для меня. Обычно, я терпимей относилась ко всем жизненным перипетиям. Даже ведьма моя, хоть и мстительная зараза, но совсем не злая. Скорее вредная. По крайней мере, до неприкрытой ярости меня мог довести только

Заречный. Я вообще на него чересчур остро реагировала. Лечиться тебе надо, Лена! Или в глушь на недельку!

Солнце уже не палило, легкий ветерок обдувал. По аллее вдоль набережной гуляли мамы с колясками, на лавочках отдыхали пенсионеры, кто-то спешил по своим делам, а кто-то, наоборот, как я, медленно брел вдоль вереницы деревьев.

Охраны я не заметила. Странно, в прошлый раз сразу почувствовала, а тут никого. Но внутри ничто не дрогнуло. Довольно оживленно, чтобы Гольцман так бездарно подставился. Значит, ничего страшного не случится, если я немного прогуляюсь, посмотрю на реку, на катерочки, пересекающие волны.

Спуски к воде заполнила молодежь. Всем хотелось отхлебнуть от уходящего лета хотя бы глоток пьянящего тепла. Было настолько чудесно, что даже злость на противного Заречного почти растаяла. В конце концов, ему жить с таким мерзким характером, а мне осталось еще совсем немного потерпеть его.

И кому я вру? Обычно, с собой я более честна и куда как откровенна. Скучать буду. Прикипела. Эх, Дракон Петрович, змей ты и есть! Тебе-то что? Отряхнулся после очередной женщины и живешь себе дальше, а я? Как же я? Меня даже бесить так сильно больше никто не будет, а уж так сладко целовать — и подавно.

Из невеселых мыслей вырвали восхищенные голоса двух подростков.

— Вот это косплей! Не видел ничего подобного! — восхищенно тараторил белобрысый паренек, что-то увлеченно снимая на камеру мобильного.

— Походу чувак под злого колдуна косит! Секи, какой посох! — вторил ему второй с длинной рыжей челкой, спускающейся на глаза, отчего мальчишке периодически приходилось поправлять волосы.

— Ага! Интересно, у него в кристалле светодиоды стоят или лампочку от батареи запитал?

Тут и мне стало любопытно, кого обсуждает парочка тинейджеров. Я обернулась, у ближайшего речного спуска, держась одной рукой за толстые каменные перила, стоял знакомый колдун. В этот раз его вид был более фентезийным. Понятно, почему мальчишки так заинтересовались. Длинный темно-серый балахон с откиннутым на плечи капюшоном, цепь с золотыми звеньями, соединяющими

несколько черепов. Судя по размерам, крысиных или крупных летучих мышей. В другой руке колдун держал тот самый посох, и зловещий кристалл на его вершине вновь сиял ярко.

— Пришла-а-а-а... — довольно протянул он.

«Да пошел ты!» — хотелось крикнуть мне, но горло вдруг так пересохло, что даже прохрипеть не смогла ни звука. Где-то внутри шевельнулся червячок беспокойства. Я попятилась. С ним не смогли справиться три сильные, одаренные ведьмы. Что я-то сделаю без дара и особых способностей? Разве что погибну во цвете лет. Эх, Заречный, ведь просил ты меня глупости не делать.

Колдун ухмылялся. Довольный, словно исполнилось все, что он задумал. Хотя... Почему нет? Мое поведение с момента звонка змея не отличалось особой рациональностью, значит...

— Догадалась! Умница! — в ответ на мои мысли рассмеялся, как там его, Асмодей!

Я сделала еще один шаг назад.

— Куда? — нехорошо прищурился колдун. — Катер ждет, иди ко мне, ведьма!

Мальчишки зависли с открытыми от удивления ртами. Телефон светленького все продолжал снимать. А я... Я остановилась, потому что ноги отяжелели настолько, что двигаться не смогла.

«Хорошо, что снимает. Есть вероятность, что змей или бабушки узнают правду» — подумалось мне. В том, что поиски будут, даже не сомневалась.

И в этот момент я ее почувствовала — мою силу. Она так ударила по ребрам изнутри, пытаюсь вырваться на свободу, что стало больно. Но даже согнуться для того, чтобы хоть капельку уменьшить боль, не вышло. Земля держала, но веяло от нее не теплом, а мертвенным холодом.

Я даже взгляда не могла отвести от ухмыляющейся физиономии Асмодея. И вдруг его лик поплыл, на несколько мгновений явив мне темную, покрытую слизью и струпьями оскаленную морду, а горящие красным глаза смотрели прямо мне в душу, обжигая, заставляя задыхаться.

Боже! Что ж ты за дрянь такая? Только сейчас я осознала, что передо мной не человек. Нет, это не колдун, а злая сущность, занявшая

чье-то тело. А мы-то считали Гольцмана главным. Да он такая же марионетка, как его холуи. Неужели, демон?

— Довольно! — заорал колдун, вновь принявший привычный вид ничем не примечательного человека. — Шагай сюда, быстро!

В спину врезался сгусток воздуха, подталкивая меня к реке. И я сделала шаг, потом еще, и еще... Пока цепкие пальцы Асмодея не вцепились в запястье. Колдун потащил меня по ступенькам вниз, где у небольшого причала стоял довольно дорогой для наших мест катер.

— Прошу, леди! — с издевкой произнес демон. Он приблизился и прошептал: — Тебя я буду пить медленно.

Мужик в косухе, несмотря на жару, отшвартовал катер и уселся рядом с колдуном. Меня просто толкнули на заднее сидение.

— Лена! Ле-е-е-на-а-а-а! — услышала я голос Заречного. Как же хотелось его окрикнуть, как же хотелось позвать, но голос по-прежнему подводил.

Пришел! Нашел! Не бросил! Внутри, словно сладкий августовский мед, разливалось тепло. Мой змей...

— Ринат, заводи! — рыкнул Асмодей, и катер рванул от берега.

— Ле-е-на-а-а-а! — снова заорал Заречный. Теперь я видела его на том самом месте, на котором минутой ранее стоял колдун.

* * *

Дмитрий гнал машину, так, как никогда в жизни. Тревога только усиливалась, и когда он добрался до дома Усольцевых, достигла своего апогея.

Первое, что бросилось в глаза, это отсутствие охраны. Которая (черт бы их побрал!) должна была находиться здесь! Ни один из ребят не ответил. Внутри похолодело. Заречный тут же набрал старушек. Ответила ему Гриппа. Причем, так быстро, словно ждала его звонка.

— Скорее, сынок, скорее... — прошептала она встревожено, и он понял. Он все понял.

На секунду прикрыв глаза, Дмитрий глубоко вздохнул. Елена — упрямая ведьма! Ждать подкрепления не имело смысла, если уж Усольцева-старшая так всполошилась, дела плохи.

«Пус-с-с-с-сти-и-и!» — прошелестело в голове.

Впервые зверь, который до этого постоянно пытался взять верх над человеком, просил. И цель у них была одна — Лена. Змею она также нужна, как и самому Дмитрию. Поэтому Заречный расслабился, молчаливо позволяя сущности зверя вести. Если бы кто-то оказался рядом, то увидел бы, что закрывал глаза синеглазый мужчина, а открыл их желтоглазый змей.

Но на этот раз все было по-другому! Все! Два сознания словно слились, делая человека сильнее, быстрее, могущественнее, а зверя — мудрее и хитрее. Море новых звуков ворвались в уши, самые тонкие, в большинстве своем, неприятные запахи города раздражали ноздри, но Дмитрий не обратил на это никакого внимания, потому что он почувствовал свою ведьму.

Он не видел Елену, но чувствовал. Светлое, чистое, родное пятнышко впереди молило о помощи, ждало, звало. Заречный бежал по набережной, не обращая внимания на то, как люди шарахаются от него, убираясь с дороги. Лишь Лена сейчас имела значение, и зверь был полностью согласен с человеком.

Вдруг что-то черное, злое, липкое затмило свет, на который он шел. И мир изменился, стал пустым и бессмысленным без нее. Заречный прислонился к дереву и заорал:

— Лена! Ле-е-е-на-а-а-а! — испугав двух мальчишек, прижавшихся друг к другу неподалеку.

Лучи на миг пронзили мглу. Темное пятно, затмившее свет, отдалялось. Дмитрий кинулся к реке и увидел, как катер увозил от него Елену. Вдалеке, где русло расширялось, он увидел яхту Гольцмана. Человек бы не смог ее разглядеть, но сейчас с ним был змей.

— Ле-е-на-а-а-а! — снова заорал Заречный, понимая, что похитители уходят.

— Ты видел, какие глаза у мужика? Как у змея! — услышал он голос одного из пацанов.

— Линзы! — авторитетно заявил второй. — Еще один косплей, как тот колдун, которого ты снимал на телефон.

— Ага! Но у того круче. Маску с 3Д-эффектом я даже в интернете не видел!

Заречный тут же развернулся:

— Покаш-ш-ш-ши-и-и-и! — прошипел он, и дрожащий мальчишка протянул ему гаджет.

Видео длилось не больше минуты. Дмитрий увидел, как колдун — прихвостень Гольцмана, приказывает Елене подойти, она, словно находясь под гипнозом, двигается в его сторону. Вдруг лицо Асмодея подернулось рябью, явив ужасную оскаленную морду. Змей дернулся и зашипел, а человек понял, какое из ликов было истинным.

— Спасибо, парень! — он вернул телефон и зашагал к воде.

— Дядя, а дядь! — попытался окликнуть его мальчишка, но Дмитрий уже не слышал его.

Подойдя к причалу, Заречный прыгнул в воду.

— А-а-а-а-а-а! Мужчина тонет! Помогите-е-е-е-е! — завизжала какая-то сердобольная старушка. — Он там! Там!

На причале стал собираться народ. И никто, кроме двух мальчишек не заметил, как в середине реки сверкнуло серебряное тело огромного змея.

— Ты это видел? — шепотом спросил белобрысый.

— Ага, — откликнулся его друг. — Жалко мужика. Наверняка эта тварь его сожрала.

— Ты как хочешь, а я больше здесь не купаюсь! — заявил блондин, и оба мальчишки зашагали прочь, не заметив темную дымку над ними.

Запись с телефона волшебным образом исчезла, как вскоре исчезнут и все их воспоминания о сегодняшней встрече. Демоны не оставляют следов.

* * *

Катер все мчался и мчался, отдаляя меня от змея. Я была уверена, что Заречный видел меня и, кажется, даже заметила сверкнувшую на его висках чешую.

Тиски, что держали мое тело, разжались. Выдохнув, смогла тихонько пошевелить руками, ногами, а потом и вовсе сесть на сидение. Лежать, словно брошенный мешок с картошкой, было неудобно. Колдун о чем-то тихо переговаривался с громиллой, и на меня внимание никто не обращал.

«Буду пить тебя медленно» — все еще звучали где-то в подсознании слова Асмодея. Подавишься! Лучше уж сама себя жизни

лишу, чем тебе достанусь, «красавчик»! Приснится такое, не проснешься потом. Конечно, я с детства слышала от бабушек про злые силы, но, признаться честно, видеть вот так воочию довелось впервые.

— К яхте правь! — произнес колдун.

Я тут же завертела головой. В месте, где река расширялась стояла белоснежная яхта. Мне только на картинках в интернете такие приходилось видеть. Никак не ожидала встретить нечто подобное в нашей провинции. Этой «ласточке» место на Мальдивах или Карибах, но никак не у нас.

Высокий борт приближался. Прыгнуть что ли? Течение здесь быстрое, и до берега далеко. Вряд ли доберусь. Уверена, Асмодей тоже сложа руки сидеть не будет. В моменты безысходности отчетливо осознаешь, насколько прекрасна жизнь, а все проблемы начинают казаться мелкими и несущественными по сравнению с одной. Одной единственной. Как же жить хочется! Я ведь и не жила еще толком, не любила в полную силу, дар не приняла, тайны не постигла! Нет, не время мне еще! Да и надежда умирает последней. И потом, не мне ли бабушки говорили, что колдуна лишь круг из четырех ведьм одолеет? Значит, ответственность на мне и миссия. Рано руки опускать.

Катер подплыл совсем близко к спущенной с палубы лесенке.

— Ну? — развернулся ко мне колдун. — Что сидишь, как не живая? У нас самообслуживание. Сама лезь! И так на тебя много сил израсходовал.

Громила Ринат заржал, обнажив крупные желтоватые зубы.

Катерок раскачивался на волнах, поэтому встать, чтобы не потерять равновесие, было нелегко. Вдруг где-то вдалеке, в воде мелькнуло что-то серебристое, до боли знакомое. Не знаю, чего испытала в тот миг больше: облегчения или тревоги. Змей не бросил меня одну. Значит, надежда есть. Но с другой стороны, Заречный боролся со змеем и так его до конца не принял. Значит, была вероятность, что зверь одержал верх. В этом случае, никто бы не смог предсказать его поведение.

— Что застыла, куколка? — хрипло хохотнул Ринат. — Лезь к папочке, тебя давно ждут!

А «папочка», по всей видимости, Гольцман. Даже самые приближенные не знают, кто на этом пиру хозяин, и что жизни их фактически на волоске висят.

Ощущать себя совершенно беспомощной снова абсолютно не хотелось. Хорошо еще что юбку надела длинную, как чувствовала — вляпаюсь в неприятности. Хотя, тут и чувствовать особо не надо. Такая уж у нас, ведьм судьбинushка, проще говорить — карма. Там, где к обычным людям она лицом, к нам все норовит тылом повернуться.

В яхте-мечте даже лесенка была прекрасной. Удобные ступени, перила со вставкой из полированного дерева мягкого медового оттенка. Впрочем, дальше было еще круче.

Вокруг все блестело, сияло и поражало роскошью. Со мной поднялся только колдун. Видимо, громилу до тела босса не допускали.

— Шевели клешнями, ведьма! — шепнул мне демон. И так шепнул, что холодок по спине вдоль позвоночника пробежал. Неприятный такой.

— Клешнями... — передразнила его я. — Анатомию людей учить нужно, коль уж к нам выбрался.

За спиной многозначительно хмыкнули, а потом в нее же и подтолкнули. Ох, язык мой — враг. Мы миновали коридор, отделанный красивыми панелями, и оказались у резных двустворчатых дверей. Тут-то меня и придержали.

А потом я с отвращением почувствовала, как Асмодей почти вплотную приблизился. В человеческом теле он был ненамного выше, поэтому, чтобы обнюхать шею, ему пришлось склонить голову. Колдун шумно втянул воздух, а потом что-то мокрое и липкое коснулось кожи. Непроизвольно дернулась, но держал демон крепко.

Лижет он меня там что ли? До чего же противно!

— Меня сейчас стошнит! — честно предупредила я, потому что и правда к горлу подкатило.

— Не ври мне, — почти шепнул Асмодей, продолжая обнюхивать. — Пахнешь вкусно!

И я понимала, что речь-то сейчас не о теле идет. Демону обычно все равно кто перед ним: фифа из высшего общества, пропитанная дорогим парфюмом, или бомж с помойки. Он говорил об энергии, точнее о той субстанции, что называют душой, которая делает нас живыми, наделяет качествами. Неважно плохими или хорошими — любимыми. Чем чище душа, тем светлее и поступки. Ведьмам с рождения этой субстанции больше перепадает, потому-то и делимся ей с щедростью.

— Вкусно и странно, — продолжил колдун. — Никогда ничего подобного не встречал. Как свежий шашлык под пищевой пленкой, которая прячет большую часть аромата, оставляя лишь отголоски. М-м-м...

И снова липкое прикосновение к шее.

— Зубы лишние? — спокойно поинтересовалась я. Конечно, внешне спокойно, внутри бесилась ведьма, и все переворачивалось от омерзения.

— Стой! — произнес он, и я вновь приросла к полу, как на набережной, не в силах пошевелиться.

Демон обошел меня по дуге, встал напротив и хищно улыбнулся. Глаза его сделались ярко-красными, словно их покрыла кровавая пелена. Стало так жутко, что не будь на мне заклятья, то точно бы подкосились ноги. Я даже закричать не могла. Да, что там закричать — зажмуриться. Так и вглядывалась в непроглядную красноту. Недолго. Потому что потом эта тварь сделала совсем недопустимое!

Асмодей опустился на колени и практически впечатался носом в мой пах. А еще... Еще задышал так, словно ему там медом намазали! Чудовищно! Недопустимо! И... И стыдно, вообще-то!

Пытка продолжалась минуту, не больше, но эта минута показалась мне вечностью. Никогда еще не чувствовала себя такой униженной, беспомощной и уязвленной. Колдун поднялся и с предвкушением сообщил:

— Пожалуй, сразу я тебя не выпью. Пригублю, не спорю, но в живых оставлю. Как минимум до появления наследника!

Краснота стремительно уходила из его глаз, а на губах расцвела такая улыбка, словно эта мразь сотню миллионов в лотерею выиграла.

А я... Я повторяла про себя его последние слова и никак не могла понять их смысл. Какой наследник? Это чудовище что, со мной совокупляться собралось? Мало мне бабкиного чешуйчатого женишка, с которым я, кстати, почти смирилась, так провидению угодно мне еще одну «квзиморду» подкинуть?

И такая взяла злость, что руки сами непроизвольно сжались в кулаки.

— Что-о-о? — фактически прошипела я. Каждый звук, каждая буква давались с трудом.

— Чудесно! — почему-то обрадовался Асмодей. — Ведьма, неиницированная, с огромным потенциалом. Какая неожиданная удача! Смотрю, и к чарам моим быстро привыкаешь. Хорош-ш-ш-шо!

Он снова придвинулся ко мне почти вплотную и зашептал прямо в ухо, то и дело касаясь раковины губами:

— И запомни, ведьма, я старше. А значит умнее, хитрее и сильнее! Слушайся и проживешь дольше.

Колено само согнулось. Я же больше не собиралась сегодня совершать глупости. Но как-то так совпало, что... В общем, попала я, а у демонов там тоже болевая точка и слова они знают современные, почти рунические, древние. Даже используют их разнообразно и, на мой вкус, излишне вычурно.

Но главное, в этот момент я почувствовала себя свободной. Оттолкнув колдуна, помчалась по коридору к спасительному выходу. Плевать на все, прыгну в воду, а там змей найдет, даже если он просто зверь, а не человек. Но радовалась недолго. Демоны быстрее отходят.

— Замри! — раздалось за спиной.

И да, я замерла. Думаете, снова прилипла к полу? Ничего подобного! Я зависла в прыжке, в нескольких сантиметрах от красивого паркета. При этом я могла дрыгать ногами, визжать и костерить Асмодея, но вот спуститься не получалось. А через секунду меня выгнуло от такой боли, что казалось, через мое тело пропустили ток. Не слабенький, нет. А все полноценные 220! Я фактически ощутила, как вскипает кровь и плаваются кости. Дыхание сбилось. Точнее, совсем не выходило ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мир потерял очертания и стал расплывчатым из-за набежавших на глаза слез. Все что я могла это хрипеть в тщетных попытках получить хоть крошечную порцию воздуха.

Демон протянул руку, схватил за горло и практически впечатал меня в стену.

— Запомни эти ощущения, ведьма! — прорычал он. — В следующий раз будет больше!

Господи, да куда же еще-то? Ноги, наконец, коснулись пола, рука колдуна исчезла с моей шеи, а боль вдруг резко прекратилась. И я упала, вмиг оказавшись на четвереньках, жадно глотала воздух и пыталась хоть немного унять дрожь тела. Ничего не видела, кроме ботинок колдуна. Дорогих, начищенных до блеска.

— Ну-ну... — раздался рядом чуть похрюкивающий баритон, а в поле моего зрения появились еще одни ботинки. Тоже дорогие. И тоже начищенные до блеска.

Глава 23

Глава 23

— Подкрадываешься ты, Израилевич, тихо, как мышь, — хмыкнул демон.

Мне все же удалось унять дрожь и вобрать в себя достаточное для жизни количество воздуха.

— Но-но! Поговори мне! — хрюкнул обладатель не самого приятного в мире баритона. — Ну как ты с дорогой гостьей обращаешься? Глаз да глаз за вами нужен! — попенял он Асмодею, и тут же у меня перед носом возникла пухлая, холеная мужская ладонь. — Позвольте вам помочь, барышня!

И я позволила, потому что сама подняться просто не смогла бы. Передо мной стоял Ефим Гольцман. Надо признать, в жизни он выглядел намного приятнее, чем на фотографиях в интернете. То ли ракурс там брали неудачный, то ли мужчина успел отдохнуть. Нет, конечно, красавцем он не был. Толстячок невысокого роста в костюме, который совершенно очевидно выбирал стилист. Очень ухоженный, пахнущий дорогим и очень приятным парфюмом. С умными глазами и располагающей улыбкой.

На злодея он явно и даже не явно не тянул. Скорее, Гольцман был похож на хорошего еврейского мальчика, который уже вырос, но по какой-то причине за него до сих пор все решения принимала мама. И теперь я отлично понимала, кто был этой «мамой».

— Разрешите представиться! Ефим Израилевич Гольцман, но для очаровательных девушек — просто Ефим! — мою ладонь он все еще держал в руке, поэтому не побрезговал поднять ее на уровень своих губ и запечатлел поцелуй. Несмотря на то, что несколько мгновений назад я этой ладонью все полы в коридоре его яхты протерла. Видать доверяет уборщикам.

— Елена, — хрипло выдохнула я. Горло саднило.

Гольцман внимательно посмотрел на мое лицо. Представляю, что он там увидел. Встреча с демоном никого не красит. Ефим молча

достал из кармана белоснежный, накрахмаленный платок и протянул мне.

— Зеркало там! — передо мной любезно распахнули одну из дверей, за которой оказался фешенебельный сортир.

И даже позволили остаться одной. Жаль окон здесь не предусмотрели. Глаза немного припухли, но в целом выглядела я нормально. Да и испугать ведьму не так-то просто. Особенно, если в ее душе горит надежда на спасение. Поэтому постаралась успокоиться, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, умыла прохладной водой лицо и мстительно высморкалась в пожертвованный носовой платок.

За дверью тихо переговаривались. Как бы я ни прислушивалась, но разобрать ничего не смогла. И заковка моя, как назло, дома осталась. По сердитому похрюкиванию и шипению в ответ было понятно, что беседа зашла в тупик, и диалог давно вытек из мирного русла.

— А я сказал, пошел вон! — вдруг взвизгнул Гольцман. — И не смей появляться, пока не позову!

Если честно, то последнее слово я разобрала плохо. Что он сказал: «позову» или «призову»? Если второй вариант, значит Ефиму скорее всего известно о сущности своего помощника. Более того, вероятно, он сам открыл Асмодею доступ к нашему миру. В человеческую глупость я всегда верила крайне неохотно. Тем более в мужскую. Женщине легкомысленные поступки как-то быстрее прощаешь, а вот мужчины — сильный пол, защитники. Их во все времена за поступки ценили. Стало быть, десять раз обдумать надобно, прежде чем совершить что-то.

— Как скажешь, босс! — очень уж ядовито, с плохо скрываемой издевкой ответил демон. А слово «босс» он фактически выплюнул, как нечто вызывающее у него изжогу и несварение желудка.

Дольше задерживаться не стала. В коридоре меня ждал только Гольцман. Он смешно заложил ручки за спину, отчего дорогой пиджак натянулся, обрисовав довольно объемное брюшко. Выступал он важно, чинно, и очень смахивал на королевского пингвина, старающегося привлечь самку. Даже смешно стало.

— Благодарю! — подавив улыбку, протянула Гольцману платок.

Он брезгливо поморщился, но взял и сунул его в карман. Ведьма внутри меня весьма порадовалась.

— Елена... Э-э-э... Если не ошибаюсь Мирославовна? — уточнил мужчина.

Можно подумать, он не знает, как меня зовут! Какое сказочное лицемерие. Не удивлюсь, если этот тип заучил наизусть не только мое имя, но и группу крови, дату лишения девственности и название спутника, пролетавшего над роддомом в день, когда я появилась на свет.

— Не ошибаетесь, — широко улыбнулась я. — Но можете меня называть просто Елена.

Гольцман кивнул и попытался с неожиданной для такого круглого человека прытью ухватить мой локоток. Пришлось на шаг отступить и... «Акела промахнулся!» Повисла неловкая пауза. Недолгая. Толстячок быстро взял себя в руки и просто указал на двустворчатые двери.

— Проходите, — любезно пригласил он. — За чашечкой чая всегда беседовать приятнее. А нам с вами есть что обсудить, не так ли?

«Не так!» — хотелось завопить мне, но ограничилась я коротким кивком и первая пошла вперед.

Помещение, в котором мы оказались, по всей видимости, находилось на самом носу яхты и напоминало крытую террасу. Довольно просторный зал имел форму полукруга со входом по прямой стене и витражными раздвижными окнами по дуге. Сейчас створки были распахнуты, и свежий ветерок шевелил листья экзотических цветущих растений, расставленных в кадках по всему периметру.

Всего пара десятков метров отделяли меня от спасительного борта, за которым под толщей воды затаился змей. Я знала это. Чувствовала. Надеялась.

В самом центре помещения стояли два кожаных дивана и несколько кресел. На изящных столиках стюарды, облаченные в белоснежные рубашки, расставляли блюда с фруктами, пирожными и прочими десертами.

Кроме нас с Гольцманом и, разумеется, обслуживающего персонала, здесь находились еще несколько человек. Двое мужчин расположились в креслах. А пятеро громил подпирали стены и, видимо, являлись охраной и к столу допуска не имели. Они-то и

окинули меня цепкими неприятными взглядами. Да-да, мальчики, сейчас покажу вашим хозяевам свои секретные бошкосшибательные «кий-яа» и вы вмиг вылетите с работы за профнепригодность.

— Прошу вас, Елена, присаживайтесь! — Гольцман указал на диван, который стоял дальше остальных от распахнутых витражных створок.

Эх, я бы предпочла пусть хоть на шаг, но быть ближе к свободе. В моем положении выбирать не приходилось, вынужденно угнездилась, куда велели.

— Вы вероятно не знакомы, — спохватился хозяин яхты.

Я посмотрела на мужчин. Они не горели особым желанием знакомиться. Это было заметно по их лицам, смутно знакомым таким лицам. Где-то я видела и одного, и второго.

— Майоров Станислав Сергеевич, — представил Гольцман серьезного мужчину в темном костюме. Тот не удостоил меня и взглядом. — Начальник контрольно-ревизионного управления нашей области, — продолжил толстяк, на этот раз чиновник поднял голову и посмотрел на меня прозрачными, почти бесцветными, рыбьими глазами.

Честно, я бы предпочла тотальный игнор, потому что по одному взгляду поняла все — меня приговорили, давно. А на покойников время терять жалко. Вы спросите, почему тогда снизошел и обратил внимание на жертву? Отвечу, раз знакомят — значит, казнь отложена. Ему просто любопытно почему. Я же отлично знала ответ на этот вопрос — Дмитрий Заречный. Именно от него им что-то нужно, именно из-за него, как они думают, я пока дышу. Так вот, не угадали вы, любезные! Есть более страшная и неприятная для всего человечества причина моего столь длительного существования, и имя ей — Асмодей Грех!

В долгу не осталась и тоже смерила рыбьеглазого внимательным взглядом. Мужчина занервничал. Это хорошо. Значит, виновен и прекрасно это осознает.

— Ну а это, моя правая рука и помощник, Андрей Викторович... — договорить ему не дал сам представляемый, молодой и весьма импозантный мужчина.

— Ну ты чего, Израилич? Сейчас совсем перепугаешь девушку своим официозом! — он плавно переместился и устроился рядом со

мною на диване. — Я Андрей.

— Елена, — осторожно ответила я.

— Елена Мирославовна Усольцева, старший инспектор эконадзора! — вклинился Гольцман, но загадочная «правая рука» и ухом не дернула. Уверена, он прекрасно знал, кто я такая.

— Стыдись, Фима! — укорил он. — Прежде всего Елена прекрасная девушка и уж потом отличный специалист, не так ли?

И что ему ответить? Так? Не так? Или, а не пошли бы вы Андрей в задницу, а то я и без вас нервничаю? Я даже подумать как следует не успела, а у ведьмы уже был готов ответ.

— А разве не Асмодей Грех правая рука Ефима Гольцмана? — услышала ее ответ и тут же прикусила язык. Свой, между прочим!

Глаза загадочного Андрея потемнели.

— Грех мой подчиненный, — тихо и как-то очень угрожающе произнес он.

Так вот кто новый Иуда нашего мира, а я-то о Гольцмане не весть что думаю. Понятно, что и он тот еще козлик, но к массовому исчезновению людей вряд ли причастен. Водят его за собой, как телка на веревочке, чтобы в случае чего было на кого всю ответственность спихнуть. И до поры до времени позволяют ощущать себя хозяином.

Сам телок развалился в соседнем кресле и забавно вытянул короткие ножки, явив миру полосатые носочки. Нет, цветовая гамма, конечно, приличная, но выглядело уморительно.

— Буду знать, — улыбнулась я Андрею, хотя поводом для нее послужил Гольцман. Глаза «правой руки» посветлели. И тут снова вмешалась ведьма. Пора уже ею заняться вплотную! В конце концов, мы с ней делим одно тело, а значит, и огребаем в случае чего обе. — А позвольте полюбопытствовать, по какому поводу меня пригласили в столь изысканное общество?

Нет, ну не дура ли? Ну кто так в лоб спрашивает? Кто? Вот же ведьма!

— Поверьте, Елена, — добродушно хмыкнул Гольцман. — Вы тут совершенно не причем. Признаюсь, ваш отказ от сотрудничества, а потом всплывшие в интернете кое-какие факты доставили нам несколько неудобств, но в свете последних событий кажутся уже малозначительными и неважными.

— Простите, о каких событиях идет речь? — любопытно спросила я.

— Вы разве не знаете, что Заречный проиграл весьма важный тендер. Ну а выиграл его я! — Гольцман самодовольно усмехнулся.

— Тогда я тем более не понимаю, для чего я здесь, если обстоятельства так удачно для вас сложились?

— Видите ли, Елена, мне стало известно, что с некоторых пор у Дмитрия Петровича появилась одна слабость. И это вы. Или будете отрицать, что вас с Заречным связывают отношения более тесные нежели просто деловые? — лукаво спросил толстячок. Слов нет, одни предлоги!

— Буду, — спокойно ответила я. Видимо, хозяин яхты этого не ожидал.

— Что? — переспросил он, но в разговор вновь вмешался Андрей.

Мне показалось, что он даже для вида не играет с Гольцманом. Более того, его что-то очень беспокоит.

— Полагаю, что нам всем не помешает выпить. За знакомство, например. Елена, что вам налить? Шампанского? Или, быть может, коньячку?

Ефим поджал и без того тонкие губы, отчего сразу стал похож на нахохленного отъевшегося воробья. Глазки сузились и зло заблестели. Неужели это я посчитала их умными? Каждый ошибается! Видимо, там, в коридоре, свет падал неправильно.

— Стюард, коньяку! — крикнул он.

— Елена? — снова постарался привлечь мое внимание Андрей.

— Спасибо, ничего.

— Так не пойдет! — настаивал мужчина, а потом тихо добавил так, что его расслышала лишь я: — Раз уж вы пробудете у нас некоторое время, мне бы хотелось с вами поговорить. Желательно наедине.

«Вот он мой шанс!» — так я подумала, но снова влезла ведьма. Ох, и доберусь я до нее!

— О вашем подчиненном? — благо спросила я практически шепотом, но заметила, как Андрей при упоминании Асмодея вздрогнул.

— И все же вам придется что-нибудь выпить за компанию, — чуть громче ответил он.

— Тогда, пожалуйста, чай с лимоном.

«Правая рука Гольцмана» посмотрел на стюарда, и тот отошел выполнить мой заказ. Андрей перевел вопросительный взгляд на Майорова, но тот отсалютовал бокалом, наполненным чем-то рубиново-красным. Чиновник лишь наблюдал и предпочитал не вмешиваться в разговоры.

Перед Андреем, к моему удивлению, тоже поставили чашку чая. Он даже повернулся, намереваясь продолжить наш прерванный диалог, но тут кое-что случилось — яхта дернулась и замерла в тот самый момент, когда незадачливый стюард поднес Гольцману пузатый бокал с коньяком.

От резкой остановки юноша не удержался на ногах и свалился к ногам хозяина яхты, обрызгав содержимым бокала дорогие ботинки босса. Стюард так ударился спиной об угол стола, что не смог сдержать стон. Я уже встала, чтобы броситься к несчастному на помощь, но Гольцман меня опередил.

Нос его обрызганного ботинка впечатался в живот юноши, и тот согнулся в позе эмбриона. Сам же толстяк сжал в кулаки пухлые ладони и натурально зашипел:

— Щ-щ-щ-щ-щ-щено-о-о-о-ок! Да ты знаешь, сколько стоят такие ботинки? Тебе, отребье, за всю жизнь на такие не заработать!

Андрей, набравший кого-то по громкой связи, успел лишь спросить:

— Коля, что там у нас случилось?

Неизвестный Николай озадаченно ответил:

— Кажется на мель сели... Только непонятно, откуда она здесь взялась...

Удивленный и даже несколько растерянный бас представителя яхтенной команды перекрыл на время возмущенный визг Гольцмана.

Зависли все, и только я знала, что ни на какую мель роскошная яхта не садилась. Это змей, мой речной змей. Пришел. Не предал. Не бросил. Возможно, в звере не много осталось от Заречного, но даже в таком состоянии он тянулся ко мне. Значит, необходимо подобраться к борту, чтобы, в случае чего, была возможность сигануть в воду. Лучше уж с настоящим зверем, чем с кучкой человекоподобных.

Асмодей — единственный, кого я опасалась. Но с тех пор, как мы с Гольцманом вошли в зал, демон никак не проявил себя. Наверное, не

считал меня угрозой. Но это было до появления стража. Что он предпримет сейчас оставалось загадкой.

— Куда сели? — первым отмер Гольцман. Вопрос он практически прошипел и вскочил на коротенькие ножки довольно ловко. — Стадо недоумков! Только деньги клянчить можете! Если через минуту мы не сдвинемся с места, все пойдете работу через биржу труда искать! И уж я позабочусь, чтобы в приличные места вас не взяли!

Охрана не проявила должного интереса к его визгу. Видимо, такое поведение босса не стало для них чем-то новым. Чиновник флегматично взирал на береговой пейзаж за кормой. Андрей гипнотизировал рацию, из которой раздавались скрипы, щелчки и неясные приглушенные крики. Вряд ли обслуживающая яхту команда слышала угрозы хозяина. Скорее всего, он и сам пришел к такому же выводу, потому что перевел злой взгляд на все еще лежащего у его ног стюарда и вдруг врезал тому носком ботинка по ребрам. Мальчишка свернулся еще больше и захрипел.

А я... Я не смогла ни смириться с ситуацией, ни проконтролировать свой порыв. Ведьма требовала решительных действий. И это был тот самый момент, когда обе мои половинки пришли в согласие. Не знаю, как мне удалось в обход громил из охраны, за секунду подскочить к Гольцману. Не иначе как проведение помогло. Пощечина оказалась настолько сильной, что толстяк, словно куль, повалился в мягкое кресло.

Стюарда было, конечно, жаль. Но ведь он сам согласился на такую работу. Я бы ни за какие деньги не пошла батрачить на самодура, и уж тем более никогда не позволила бы себя унижить. Но даже факт того, что Ефим платит этому мальчишке, не дает ему права безнаказанно гнобить и калечить его.

— Как вы смеете так поступать с людьми? — выпалила я, буквально закипая от переполнявшего меня гнева. — Кто дал вам право? Избирательная власть? Деньги? Это они убивают в вас все человеческое?

Орала знатно и так громко, что к концу моего выпада голос охрип. Ошалел не только Гольцман, но, кажется, все присутствующие. Тоже недочеловеки! Каждый из них смотрел, как хрупкая женщина помогает подняться избитому мальчишке и никто... Никто даже не дернулся помочь.

— Ты как? — тихо спросила кривящегося от боли стюарда.

— Жить буду, — просипел паренек.

— Беги отсюда. И чем дальше, тем лучше. Не имея зубов и когтей, не стоит лезть к хищникам — закон природы. А здесь людей нет, одни звери.

И я сплюнула. Нет, создала видимость плевка. Иначе, точно бы попала на многотрадальный носок Гольцмановского ботинка.

— Какого черта? — промямлил хозяин заводов, газет, пароходов, держась за щеку, на которой проступало яркое пятно от моей ладони.

А я вдруг поняла, что совершенно не боюсь ни его, ни громил, ни угроз. Ничего они со мной не сделают, даже не тронут. По крайней мере, до тех пор, пока им нужен Заречный. И вообще, лучшая защита — это нападение. Главное — пробиться ближе к воде, на воздух.

— Какого черта? — зло переспросила у толстяка. — Это я хочу знать, какого черта? Кто вам позволил вести себя так? По мне, это просто распущенность и плохое воспитание.

— Да я знаешь, что сейчас с тобой сделаю? — рассвирепел Гольцман. Охрана напряглась в ожидании приказа или хотя бы команды «фас».

— Знаю! — глядя в его крошечные заплывшие глазки процедила я. — Ничего! Ничего ты мне не сделаешь, пока тебе что-то нужно от Заречного. Потому что знаешь, он честнее, лучше и во много раз порядочнее тебя! Знаешь и боишься!

Возможно, я немного перегнула палку. А может быть даже не я, ведьма во мне. Но сказанного не воротишь. Теперь самое время пробиваться к свободе.

— Ты! Девка! — взвился Гольцман.

— Да, на мужика я не тяну, — согласилась с ним ведьма, потому что сама бы я не рискнула. Толстяк и так разъярился сверх всякой меры.

— Думаешь, мне помешает какой-то Заречный стереть тебя в порошок? — завопил он.

«Думаю, да. И не какой-то, а вполне конкретный такой Заречный» — пронеслась мысль, которую я озвучивать не стала, наивно полагая, что Гольцман на угрозах и остановится.

— Душно мне с вами одним воздухом дышать, — все-таки ляпнула ведьма и, собственно, мы с ней направились вперед, к

распахнутым створкам, к свободе.

Но не тут-то было. Великий босс явно не намеревался спускать оскорбление. Это не стюард, привыкший к молчаливому повиновению. Тут обостренное эго вопило и жаждало расправы.

— Схватить эту выскочку! В трюм ее, к крысам! — вскочил и затопал ножками Гольцман.

«Ай-яй-яй! — хотелось съязвить ведьме. — Такая дорогая яхта и так плохо за ней следят. Грызунов расплодили». Но усилием воли, я все же подавила этот порыв. Прокляну! Ей богу, прокляну гада! Даже если от этого моя карма ведьмы пострадает.

Не время ругаться, время делать ноги, поэтому молча ускорила шаг.

— Я сказал взять подстилку Заречного! — снова завизжал толстяк.

Знаете, если охрана так медленно и на серьезные угрозы реагирует, то зря он им платит. Ну, это первое, что пришло мне в голову. Потом уже я увидела, что все громилы смотрят в сторону Андрея, который вовсе не спешит поддерживать босса. Да, интуиция не ошиблась. Некоронованный король империи Гольцмана вовсе не хозяин.

— Фима, успокойся, — наконец, произнес «правая рука». — Ты погорячился, девушка погорячилась. Нужно всем успокоиться.

Слова подействовали. На всех. Охрана выдохнула с явным облегчением. Толстяк притих. По крайней мере, больше мне в спину не летели оскорбления и угрозы.

— Чего встал? Коньяка мне! Быстро! — рявкнул он на очередную жертву.

От вожака свободы отделял один шаг. И я почти сделала его, но тут...

— Елена, постойте! — меня нагнал Андрей. — Вы ведь даже чая не выпили.

— Спасибо, как-то не хочется, — покачала головой я. — Хочется на воздух.

— Позвольте, я составлю вам компанию. — Нет, позволения «правая рука» не спрашивал, просто сообщил, что намерен за мной следить. Обернувшись, он распорядился: — Женя, накрой нам на палубе.

Глава 24

Глава 24.

Мы вышли. Несмотря на то, что помещение кают-компания было просторным и хорошо проветривалось, только здесь я смогла вздохнуть полной грудью.

Андрей, отчество которого не знала, прибавил шаг и оказался впереди, оттеснив меня от фальшборта. Таким образом, я была вынуждена смотреть на собеседника, а ведь хотелось свеситься и всмотреться в воду. Вдруг там, в глубине, мелькнет знакомая серебряная чешуя.

Два незнакомых стюарда и один из громил, который и был тем самым Женей, спешно расставляли на палубе ротанговые кресла и сервировали небольшой столик для чаепития. Дался им этот чай!

Благо за нами никто не последовал и даже персонал старался не смотреть в нашу сторону. Такое стечение обстоятельств натолкнуло на мысль, что не случайно мы оказались здесь практически одни. Андрей явно преследовал какую-то цель.

— Вы хотите со мной что-то обсудить? — не стала юлить я.

— Да... Впрочем, не совсем... В целом, мне действительно давно стоило поговорить с кем-то вроде вас, — с трудом определился с мыслью мужчина.

— Что значит «вроде вас»? — нахмурилась я. Начало разговора мне не понравилось.

— Скажите, вы же знаете, кто такой Асмодей? — спросил он тихо и смотрел очень внимательно, не отводя глаз от моих.

— Ах, вы в этом смысле? Хотите спросить, знаю ли я, что Асмодей порождение зла, а вовсе не колдун? — даже улыбнулась, заметив, как побледнело лицо Андрея. — Разумеется, знаю. Более того, уверена, что в наш мир его притащил совсем не Гольцман. У него кишка тонка для такого. Расскажите, зачем вы это сделали и откуда знаете про «нас»?

«Правая рука» вздрогнул, нервно огляделся вокруг и коротко кивнул.

— Присядем? — он показал на накрытый стол, но я покачала головой. Отступить с желанной позиции не хотелось. Отсюда всего один рывок и смогу спрыгнуть в воду. — Воля ваша, — вздохнул Андрей.

— Мне кажется, вы до конца не понимаете, с кем столкнулись, и какому риску подвергаете всех.

— Теперь знаю, — хмуро буркнул зам Гольцмана. — И поверьте, я не боюсь умереть, но у меня живы мам, сестра, два племянника растут...

— Рассказывайте! — Отступить от темы не хотелось. В конце концов, грехов на этом товарище много, да и жалости он не вызывает.

— Все началось два года назад, когда мы с женой возвращались с дачи. Был поздний вечер, я и не заметил, как с грунтовки вырулил этот грузовик. Тот шофер тоже пытался увернуться от столкновения, и нам это почти удалось... Но груз в его кузове был закреплен слабо и несколько ящиков полетело прямо на нас. Я отделался легким испугом, а вот Лика... В общем, пострадала она сильно. Доктора сказали, что ходить не сможет, танцевать — тем более. Лика преподавала танцы девочкам. Я смотрел на нее и вдел, как с каждым днем угасает сияние ее глаз. А потом она мне сказала, что не хочет жить... — Андрей тяжело вздохнул и продолжил: — В общем, я тогда решил к народной медицине обратиться. Жаль, что про вашу бабушку поздно узнал. Слишком-слишком поздно. Все больше шарлатаны и проходимцы попадались.

— Да уж, — хмыкнула я. — Чудеса — товар штучный и чаще всего небезопасный.

— Согласен. В одной деревушке совсем древняя бабулька предложила мне обратиться к отшельнику. Как до него добирался, искал, это отдельная история. Только опоздал я. К тому моменту, как отыскал его землянку, живность уже и косточки отшельника обглодала. Пришлось хоронить. Как-то не по-человечески так оставлять. Провозился я до ночи и решил заночевать в той келье. Пока огонь разводил да свечку искал, наткнулся на тайник. Там иконки лежали и книга старинная, а в ней ритуал, как вызвать сущность, что любую хворь исцелит. И ведь я когда кота помоечного ловил, которого живьем нужно было сжечь, подумал, что никто хороший чужую жизнь забирать не станет, но здоровье жены поставил выше всего. Вопли того

лохматого до сих пор ночами слышу, а уж запах паленой шерсти и плоти во сне преследует...

Он замолчал, а я задышала часто-часто, потому что тошнота подкатывала и в ушах застучало. Люди... Венцы творенья, чтоб их!

— Стою я над сгоревшим котом, читаю слова из той книги, а сам от страха умираю. И главные буквы знакомые, а смысла слов не понимаю. Ночь. Кладбище. Ветер воет, а может и не ветер. Три раза произнес, что положено, прислушался и вроде не происходит ничего. Я с собой поллитра взял. Нет, я, вообще-то, не пью, но тут передрефил. Присел прямо на траву, к какому-то склепу спиной привалился и из горла всю бутылку и выпил. Не заметил, ни как водка закончилась, ни как уснул. И вот на рассвете будит меня бомж. Я его еще с вечера у сторожки приметил. Только он мне старым показался, а тут помолодел, но от одежды несет так, будто мужик век не мылся. Вставай, говорит, поедем жену твою на ноги поднимать. А в руках посох держит с камнем на верхушке, тот едва-едва фиолетовым отсвечивает.

— Поднял? — хрипло спросила я, в горле все еще ком стоял, а во рту разлилась неприятная горечь.

— Поднял, — вздохнул Андрей. — Ненадолго. Лица поправилась на следующий день. Просто проснулась и встала на ноги. Врачи кинулись перепроверять снимки и анализы. Разумеется, оказалось все в норме.

— Поздравляю, — почти прошептала я. Горько так стало. Ведь неплохой вроде мужик. Не попади он в такую ситуацию, мог бы много добра сделать. А тут... По незнанию да по глупости такую кашу заварил, что, пожалуй, даже мои бабушки не справятся.

— А не с чем, — грустно отозвался он. — Умерла Лица.

— Как? — вот честно, удивил.

Сущность, вызванная мастером, ему и подчиняется. Это закон. Только вот Андрей не мастер. Он, скорее, дилетант. Более того, совершенно не представляет, на каких условиях заключил сделку со злом. И, судя по всему, высшим.

Я тоже условий не знала.

— Через неделю бомж явился. Только теперь он бомжем не был. Дорогой костюм, часы, холеная физиономия. И камень в посохе светился. Он заявил, что я теперь поставщик душ и обязан ему повиноваться. На что я ответил, что он получил жизнь кота в обмен на

здоровье жены. И тогда Асмодей расхохотался и впервые явил мне свое истинное лицо. Он не кричал, не настаивал, просто предупредил, если я не приведу к нему жертву, то сделка отменяется.

Бред! Демонов, конечно, корыстолюбцы и такие вот недалекие, как Андрей, люди вызывали, но чтобы сама сущность разрывала сделку, о таком не слышала. Ведь по сути это означало, что зло должно исчезнуть, вернуться туда, откуда попало к нам.

— И что произошло дальше? — тихо спросила я.

— Я посчитал его слова пустой угрозой. Тем более, не представлял, каким образом, должен поставлять ему души. Становиться убийцей или приводить людей к Асмодею живыми? В любом случае, все происходящее казалось мне каким-то кошмарным сном, а сам демон несколько дней не появлялся. На пятый день Лике стало плохо. Ее рвало, поднялась температура. Приехала скорая, и жену забрали в больницу. Врачи боролись за ее жизнь, но проиграли. Утром она умерла. Мне сказали, что отравилась несвежим молоком, советовали подать в суд на производителя, но я знал, кто повинен в ее смерти. А потом мои догадки подтвердила и санитарка, которая рассказывала медсестре, что ночью какой-то ненормальный размахивал под окнами больницы палкой с фиолетовой лампочкой, а потом пропал, словно сквозь землю провалился.

— А книга?.. Книга, по которой вы его вызывали, где? — Ведь, если Андрей не понимал смысла ритуала, то его вполне могли узнать посвященные. То есть, мои бабушки.

— Книгу я сжег в тот же день, когда похоронил жену, чтобы никто в мире не смог повторить мою ошибку. А вечером ОН пришел снова. Сказал, что Лика была лишь первой, и если я откажусь на него работать, то погибнут все, кто мне дорог.

Андрей снова замолчал. Да тут и без слов было понятно, что он согласился с условиями демона.

— Осуждаете? — вдруг спросил он.

— Да, — предельно честно ответила я.

— Я сам себя осуждаю! Сам, понимаете? За то, что погибла Лика. Если бы не я, то она бы жила до сих пор, пусть и неподвижно! Если бы не я, не погибли бы другие люди! Но тогда... тогда оказался слишком слаб. В тот вечер я сказал демону, что не могу убить человека. Он рассмеялся и заверил, что этого и не потребуется. Моя задача лишь

сплотить вокруг него людей, он сам найдет способ убедить их отдать свои души добровольно. Именно такие души дают ему силы, а не те, что он забирает сам. Так появилась секта темных братьев. Люди шли, падали на демонический алтарь, словно капли. Потом капли превратились в ручеек, который крепчал день ото дня. Асмодея не интересовали ни деньги, ни власть. Он хотел лишь силы, которую давали добровольно отданные души. Но демон прекрасно знал, что богатство и могущество очень привлекают людей, поэтому развернул деятельность. Особенно, его интересовали такие отрасли, где можно получить много, практически не вкладываясь. Наркотики, добыча и сбыт ресурсов... Да всего быстро не расскажешь. Дела шли хорошо, и очень скоро в нашей тесной компании появился Фима Гольцман настолько же жадный, насколько трусливый. Но у него было одно весомое достоинство — его знал весь деловой мир нашего региона.

— Два! — поправила я.

— Что? — переспросил Андрей.

— У Гольцмана два качества, весьма полезных вам. Одно вы назвали.

— И какое же по-вашему второе?

— За его спиной можно спрятаться, переложив ответственность.

«Правая рука» покраснел. Значит, мое замечание попало в цель.

— Все это время я искал способы борьбы с Асмодеем. Помогал и жаждал уничтожить его. Так я узнал, что есть силы зла и свет, что стоит у него на пути.

— Я бы не стала называть это светом. Теоретически, противовес, конечно, есть, но не в нашем мире. А то, о чем говорите вы, это стражи. Именно они и стараются не допустить в этот мир таких, как Асмодей.

— Я говорю о ведьмах.

— И я о них. Только ведь мало нас. И чем больше в мире зла, тем труднее нам с ним справиться.

Я тяжело вздохнула. Так погибли мои родители. Я смутно их помнила. В основном по фотографиям, которые бабушки бережно хранили. Но всегда чувствовала, что люблю их и благодарна за жизнь, за мир, который они мне подарили.

— До вас я только однажды встретил настоящую ведьму. Она многое рассказала. К сожалению, ее сил бы не хватило, чтобы

справиться с Асмодеем. Да и настаивать я не стал. Женщина была беременна.

— Как вы на нее вышли? — мне стало действительно любопытно.

— Отдыхал у моря. Просто решил дать себе пару дней покоя, пока не сошел с ума от этих идиотов, которые сами приносят Асмодею свои души. Там ее и встретил. Она меня заметила и остановила. Увидела печать зла, заговорила первая. — Я кивнула. На самом деле, увидеть человеческую ауру может любая ведьма, которая обрела дар. А судя по тому, что женщина оказалась беременной, ритуал со своим избранником она провела. — Мы сидели в кафе у моря. Сначала я рассказал ей свою историю. И знаешь, она задавала те же вопросы, что и ты. А потом грустно призналась, что ничем помочь не может, хотя и поделилась ценной информацией. Например, ведьма сказала, что без меня Асмодей не набрал бы силы. В первые дни связь сущности и мастера очень сильна. Сам же демон, слишком слаб, голоден и поэтому нетерпелив. Значит, вряд ли смог бы отыскать добровольно отданную душу. Скорее всего, затаился бы где-нибудь, время от времени убивая случайного человека, чтобы совсем не раствориться в нашем мире. Но и отказаться я не мог. Тогда он бы убил моих родных. Женщина дала это.

Андрей полез в карман и извлек небольшой красноватый камушек — яшму, или как ее называли мои предки — «ведьмину кровь». С его помощью простому человеку очень легко отследить наделенного даром. При приближении ведьмака или ведьмы, камень нагревается. И чем большее сил в страже, тем горячее яшма.

— Первый раз я почувствовал, как нагрелся камень, когда случайно проезжал мимо вашего дома. Я только сегодня понял, что тот дом был ваш, когда яшм среагировала на вас. Причем, очень сильно! Она стала такой горячей, что фактически обожгла мне руку. Значит дар у вас сильный! Очень! Скажите, Елена, вы можете справиться с ним?

С кем это с ним говорить не потребовалось.

— Извините, Андрей, но сейчас-то вам зачем его уничтожить? Насколько я понимаю, Асмодей очень упрочил ваше материальное положение. А в то, что вы раскаиваетесь, отправив на смерть столько наивных людей, я не верю. Может, для разнообразия, вы скажете правду?

«Правая рука» откашлялся.

— А вы проницательны, Елена, — хмыкнул он.

— А еще мстительна и беспощадна! — согласилась с ним ведьма, снова влезая туда, куда ее не просят.

— Лучше поверю на слово. Причина действительно есть. Я хоть и не боюсь смерти, но умирать как-то не планировал. На данный момент меня вполне устраивает моя жизнь. — Если на протяжении всего разговора, где-то глубоко в душе я жалела наивного любящего мужа, то после этих слов мнение о нем изменилось. Возможно, сказывается общение с демоном, но когда слишком часто идешь на сделки со своей совестью, однажды забываешь, что она у тебя вообще есть. Это и произошло с тем Андреем. Он просто умер, его больше нет. Есть «правая рука Гольцмана» и трус.

— Продолжайте! — поторопила мужчину, жадно всматриваясь в воду за его спиной.

— Все дело в посохе и фиолетовом камне. Ведьма сказала, что как только он весь наполнится сиянием, демон перестанет во мне нуждаться, — наконец выдохнул Андрей.

Так вот в чем проблема? Просто подошло время платить за грехи. Пусть даже палачом будет тот, у кого их гораздо больше.

— Понимаю ваше отчаянье, вот только помочь не смогу. Слишком уж вы зло раскормили, одной ведьме здесь не справиться, — спокойно ответила я.

— То есть, надежды нет? — обреченно спросил Андрей.

Вот только ответить я не успела, в его руке ожила рация и голос, если опустить маты, в целом ничего не сказал.

— Коля, тише на поворотах! — мой собеседник строго предостерег таинственного Николая, а потом добавил: — Докладывай.

— Чертовщина какая-то, шеф! Мели точно нет, но посудину будто держит кто-то.

— Кто ее может держать на нашей-то реке? Гигантская щука? — усмехнулся Андрей.

— Если она размером с дом, то возможно! — оскорбился Николай. — Приборы исправны. Правда, эхолот пошаливает, но это с ним случается. В общем, нет у меня толкового объяснения. Водолазов вызывать надо, наверняка какая-нибудь дрянь на винт намоталась!

За «дрянь» как-то даже обидно стало. Нет, змей, конечно, не пушистый котик, но так-то уж слишком оскорбительно получается.

— Ладно, вызывай водолазов, — согласился Андрей, потом снова посмотрел на меня: — Может все-таки...

— Чай не буду! — перебив, предупредила я. И какой там чай? С такими делами впору Гольцмана на коньяк раскручивать, но голова мне нужна трезвая.

Рация снова ожила.

— Водолазы будут минут через сорок, — сообщил загадочный Николай.

Отлично. Значит, именно столько времени у меня есть, чтобы удрать с яхты. Избавиться бы от общества Андрея, тогда, возможно, змей откликнется на мой призыв, как тогда, на заимке.

К счастью, судьба сегодня практически все решала за меня. Так мне казалось...

— Извините, Елена, мне нужно отойти, чтобы сообщить своему нетерпеливому другу эту пренеприятнейшую новость, — усмехнулся «правая рука того самого друга». — Но, наш с вами разговор еще не закончен!

Как не закончен? Почему? Он, вообще, слышал, о чем я ему говорила? Надежду не вселяла, в помощи отказала, а у человека, словно крылья за спиной выросли. Нет, ежели мужчина там себе чего надумал, то ни я, ни моя внутренняя ведьма тут совсем не при делах.

Радовало одно — Андрей, оттолкнулся от леера и медленно направился к кают-компани. Путь был свободен! Сердце застучало чаще, душа возликовала.

— И о чем ты договорился с МОЕЙ ведьмой? — хриплый, почти нечеловеческий голос заставил мужчину замереть.

Неподалеку, опираясь на металлический трос, стоял Асмодей. И вид его был грозен и ужасен. На полном серьезе! Отвратительно колдун выглядел, болезненно и дико. Вены на лице вздулись и почернели, глаза влились и налились кровью, губы посинели. Его пошатывало, но вовсе не от качки. Яхта по-прежнему стояла как прибитая ко дну.

И если сам демон производил удручающее впечатление, то камень на его посохе сиял. Насыщенно, ярко. При нашей встрече на

набережной артефакт не выглядел столь впечатляющим и величественным.

Внутри все как-то нехорошо похолодело. Напрашивался вывод — Асмодей питался. Он был голоден и восполнял свой резерв. Именно поэтому позволил Гольцману завладеть моим вниманием и увести. Именно поэтому не пошел следом. Он был занят все это время, и я даже не хотела представлять чем, но страшные картинки одна за другой все равно всплывали в моей голове.

— Твоей? — спокойно, даже как-то безразлично спросил Андрей. Но я заметила, как нервно пульсирует жилка на его виске. Спокойствие давалось мужчине нелегко, даже бисеринка пота засеребрилась по кромке дорогой стильной стрижки. — Не ты ли говорил, что с момента твоего появления у нас все общее, что мое — твое?

Колдун хрипло захохотал.

— Что твое — мое! Это ты верно подметил, но своим я делиться не обещал.

— Не забудь, Асмодей, я все еще тебе нужен! — растеряв напускной флегматизм, выкрикнул Андрей.

А я... Я понимала, что час X настал и этот доверчивый глупец уже не просто не нужен — он помеха, а помехи зло сметет со своей дороги, как ненужный сор.

— Если только в качестве добровольно предоставленной души, — оскалился демон. — С тобой по благу великому могу даже отсроченный договор заключить. Скажем, лет на десять.

Гольцмановский помощник покачнулся и побледнел. Асмодей же продолжал над ним издеваться.

— Как тебе мое щедрое предложение? Одобряешь?

Андрей явно не одобрял, но и возражать не спешил. И правильно, даже моя лихая ведьма прижала уши и затаилась. Помнит, зараза, как нас с ней в коридорчике к стенке припечатали. Несколько минут отдышаться не могли.

И пока мужчины были заняты друг другом, я приняла отважное, ответственное и своевременное решение. Мелкими шагами, дабы не привлекать внимания, добралась до самого леера и вцепилась в металлический трос. Вода билась о корму где-то совсем рядом, вот только знакомой чешуи или огромных желтых глаз там не было.

— Я бы тебе не советовал прыгать за борт, ведьма! — медленно почти прошелестел демон и добавил: — Из-под воды достану!

Ага, много вас доставальщиков, а я одна такая глупая и даже немножечко несчастная, потому что в столь страшный и нелегкий миг все равно предпочитала, чтобы в случае прыжка из-под воды меня совсем другая сущность доставала, чешуйчатая!

— Укачало меня! У-ка-ча-ло! — голос от ужаса осип, поэтому слова оправдания я прокаркала, зато рвотный рефлекс изобразила правдоподобно.

— Ну-ну! — хмыкнул Асмодей. — Дыши пока дышится, а я пока с товарищем пообщаюсь, если не возражаешь.

А я и не возражала. Более того, предпочла бы, чтобы они на ветру не стояли, а вошли в тепло и уют помещения. Но им, кажется, было совсем начихать на мои желания. Ну и ладно! Ленка, тебе, в конце концов, чья жизнь дороже своя или того, кто вообще все человечество предал? Нет, тут даже думать нечего — своя! Своя, родименькая! Где-то на дне души кивала согласная ведьма. Мы, может, полезные! И, может, еще ни одно хорошее дело сделаем, а он... Совесть все же кусала, но на нее я старалась просто не обращать внимание. Перегнувшись через леер, снова взгляделась в темную воду.

Пустота! Снова пустота! Где же ты, когда так нужен? А еще суженый... И что делать-то теперь? Звать? Если звать то как? Дима кК-то очень фамильярно звучит, еще подумает, что навязываюсь.

— Долго ты там реку пугать будешь? — крикнул Асмодей.

Ох, видать договорились они с Андреем. Интересно, сколько лет у демона выторговал? Раньше трусы-будильники продавали, а сейчас вот души начали. Да-а-а, дела-а-а!

— Отстань от девушки. Ей и так сегодня досталось, — неожиданно вмешался Гольцмановский партнер. Точно, договорились!

— Ты бы больше о себе думал, мастер! — «мастер» из уст Асмодея прозвучало неуважительно и даже глумливо. — Сколько той жизни у тебя осталось...

Нет. Не договорились. Осталось между ними некая недосказанность все-таки.

Ну и ладно. Мне же легче. Маленькой лодочке легче улизнуть, пока два больших корабля воюют. На чем я там остановилась? На правильном обращении.

— Дмитрий Петрович! Дмитрий Петро-о-о-ович! — шепотом позвал я.

Даже ветер стих, а в воде ничего не булькнуло. Перевелись рыцари! Перевелись!

— Эй, ведьм, завязывай! — рыкнул демон. — Даю тебе минуту!

Нет, он что там себе думает? Приплыл спасать, так спасай, тендер тебя побери, чурбан бесчувственный! Все время современные мужики чего-то выжидают. Ждут они, пока бабонька за них почти всю работу сделает, а потом появляются принцами крови, любите их! А я, между прочим, только жить начинаю и, вообще, боюсь.

Слезы навернулись на глаза, деля мир зыбким и расплывчатым.

За меня бабушки всю жизнь решения принимали. Даже когда казалось, что мысли и поступки мои, на деле за всем стояли ведьмы! Любимые... Родные мои... Они-то в беде точно не бросят, не то что зверь этот...

Зверь... Ну, конечно! На заимке я его иначе звала.

— Эй, чудище речное-е-е-е-е! — снова в отчаянье зашептала я. — Змей... Зме-е-е-ей!

— Да, уйди ты! — натурально зарычал Асмодей. — А то ведь я вам человечкам слово дал, я его и забрать могу!

На палубу упало что-то большое, весом примерно с Гольцмановского помощника. А потом меня схватили и попытались отодрать от троса, в который я вцепилась, как утопающий в спасательный круг.

— Нет! Не-е-е-е-ет! — завопила, пытаюсь одновременно вывернуться из захвата колдуна и еще раз всмотреться в темную воду. — Сгинь! Сгинь!

— А вот это вряд ли! — прошипел демон мне на ухо. — Не устраивай истерику, мы здесь ненадолго.

И силы кончились. Ему удалось отделить одну сильно напуганную и почти отчаявшуюся ведьму от несчастного троса. С виду хлипкий, а скажите какой жилистый! Перед тем, как я вновь потеряла свою выгодную позицию у борта, в воде что-то мелькнуло.

Хотя... Сейчас мне любя чертовщина со страху приглючиться могла.

Глава 25

Глава 25

Как только я оказалась оторванной от леера, демон тут же прижал меня к себе. Жар его тощего тела пугал, словно рядом с полыхающим огнем стояла.

— Асмодей! Зачем она тебе? Отпусти девочку! — крикнул Андрей. Он лежал на палубе, и одна нога была неестественно подвернута. Мужчина пробовал подняться, но в который раз снова валился на тисовые доски.

«Спасибо тебе, рыцарь, за поддержку твою и опору!» — внутри меня истекала ядом ведьма.

И я была, в общем-то, солидарна с ней. Из-за этого говнюка стою сейчас прижатая к телу злой сущности, а виновник спохватился, в благородство играет. Да пошел ты! Можно подумать, он не понимает, что Асмодею плевать с высокой колокольни на все его слова. Остается лишь одна причина, чтобы понять, для чего Андрей занимается совершенно бесполезным, а с моей точки зрения, еще и опасным для нас с ним делом. Он до сих пор уверен, что я смогу ему помочь! Господи, этот дурень мне не поверил! Совсем от страха мозги растерял.

— Зачем она мне? — переспросил демон и еще теснее прижался.

А поскольку роста мы с ним были примерно одинакового, то я почувствовала... почувствовала! Нет! Только не это! Знаете, у зла тоже бывает эрекция, и именно она сейчас упиралась мне... В общем кто-то охамел совсем! Ведьма тут же согласилась со мной и даже добавила несколько красочных картинок довольно откровенного содержания, со мной и Асмодеем в главных ролях. «Фу! — я вам сажу! — Просто фу-у!».

— Хороший вопрос... — протянул демон и его мерзкий холодный язык коснулся кожи на моей шее.

Правда, ощущение ледяной липкости почти сразу сменилось жарким огненным дыханием, и мне это понравилось еще меньше. Ну не извращенка же я в самом деле. Но от омерзения и греховности

ситуации на теле проступили мурашки, хотя все внутри содрогалось от отвращения. Удивительно, а вот к змею я ничего подобного не испытывала. Подумаешь, чешуя! С кем не бывает?

— Оставь ее, а? — зачем-то продолжал просить Андрей. Заткнулся бы лучше, что ли. Целее будем.

— Исключено! — рыкнул демон. — Она моя, и тебе не понять, насколько ценна эта девчонка! — зло процедил Асмодей, а потом, как издевку, добавил обращение: — Мастер!

Похоже, здесь все понимали незавидную участь Андрея, кроме самой будущей жертвы. Вот только мне разделять его судьбу совсем не улыбалось, а вступать в интимные отношения с непонятной тварью — тем более!

«Правая рука» дернулся и пополз в нашу сторону. Идиот! Ну какой же ненормальный. Совсем рядом что-то защелкало, словно ток в оголенном проводе. Я так сконцентрировалась на своих ужасных ощущениях, что упустила из виду тот факт, что держал меня демон одной рукой, причем, без видимых усилий, а во второй — продолжал сжимать зловещий посох. И сейчас кристалл на его конце искрил и переливался, распространяя вокруг себя холод и отвратительный запах тлена.

— Берегись! — заорала я, одновременно пытаюсь наступить Асмодею на ногу.

Должны же и у него быть слабые места. Стопа или пах, к примеру. Вот только ошиблась. Демон словно не ощущал ничего вокруг, продолжая прижимать к себе одну несомненно не самую мудрую ведьму. Бабушки, любимые! Клянусь, если живой отсюда выберусь, век вас слушать буду!

Но одновременно с моим криком из кристалла вырвался яркий фиолетовый луч.словно лазер, но только более чудовищного, жуткого назначения.

Андрей попытался откатиться, но не успел. Луч добрался до цели, угодив прямо в плечо мужчины. И тогда он выгнулся и завыл, а фиолетовое сияние, как лишай, как порча, ползло и ползло, захватывая новые участки тела, пока не покрыл все полностью. Вой то и дело переходил в стоны и снова почти срывался на ультразвук. Так может голосить только существо, испытывающее поистине адские муки.

И с Андреем происходило нечто подобное, неотвратимое. Я ничем не могла помочь. Мои тщетные попытки вырваться не увенчались успехом. Точнее, на меня совсем не обращали никакого внимания. Демон сосредоточился на посохе и луче, направленном на мужчину.

Фиолетовый кокон с телом внутри оторвался от тисовых досок и завис над палубой. Андрей корчился, выгибался в совершенно неестественные позы и кричал... кричал... кричал... С каждым мгновением все тише, а его тело делалось меньше, словно усыхало, словно луч впитывал в себя всю жидкость из организма.

На жуткий вой из кают-компания на палубу вывалилась толпа охраны, во главе с семенящим Гольцманом, и даже абсолютно аморфный чиновник не остался в стороне. Вот только увиденное заставило всех в ужасе замереть. Видимо, до сего дня Асмодей не спешил показывать свою силу компаньонам.

Крик оборвался. Еще на какое-то мгновение тело, превратившееся в мумию, висело в воздухе, а потом с легким хлопком рассыпалось в пыль, которую тут же подхватил ветерок. Фиолетовое сияние угасло.

— Э-э-э-э, мы т-так н-не договаривались! — заикаясь проблеял Гольцман.

— А я с тобой, тюфяк, вообще не договаривался. А сейчас ты мне вообще без надобности.

— Охрана! Взять его! — завопил толстяк, очевидно осознавший, что никто из присутствующих не застрахован от участи Андрея. А лучшая защита порой — это нападение.

Где-то за спиной раздался леденящий кровь смех Асмодея. Я не могла увидеть лицо демона, но судя по тому, как слаженно отшатнулась, ринувшаяся было в наступление охрана, он явил миру истинный лик. Мамочки... Ой, нет... Бабушки! Даже замуж выйду за того, на кого укажете, и спорить не буду!

Не успела я так подумать, как яхта, до этого стоявшая неподвижно, резко дернулась. Причем, настолько сильно и внезапно, что на ногах смогла устоять только я. Да и то, потому что Асмодей до последнего прижимался ко мне пахом, который даже в такой ситуации был довольно напряжен.

К слову, сам колдун равновесия не удержал, и тоже грохнулся, при этом (Аллилуйя!), разжав, удерживающую, меня руку. Мы с ведьмой тут же сделали рывок вперед, хорошо понимая, что убежать не удастся,

но хотя бы на короткое время увеличить расстояние между нами и разорвать ненавистный контакт хотелось очень.

И снова ошиблась, потому что резво, на четвереньках, но мне удалось добраться до самого носа и вновь мертвой хваткой вцепиться в трос. А потом... А потом я услышала то, отчего чуть не расплакалась. От счастья и облегчения.

Где-то надо мной раздалось знакомое, родное шипение.

И такая волна тепла затопила — не передать. Змей, свой, привычный, совсем нестрашный, огромный, как Китайская стена и такой же надежный. От облегчения выдохнула и уж потом задрала голову, чтобы убедиться, что мне не привиделось. В паре метров от меня слегка колыхалось мощное тело речного дракона. Его глаза сверкали не хуже кристалла с посоха, только цвет был желтым.

Асмодей медленно поднялся на ноги. Если меня он все-таки упустил, то с посохом зловещим не расстался. После смерти Андрея энергия в кристалле забурлила, на его гранях то и дело появлялись вспышки. Жуткое и впечатляющее зрелище.

Я, как та избушка бабы Яги, развернулась лицом к опасности, а тылом... в общем к тому, кому доверяла. Лицо колдуна поплыло, и демон больше не скрывался. То ли понял, что напрасное это дело, то ли злился очень. Хотя, вполне вероятно, и то, и другое. По крайней мере, меня просто прожигал его взгляд. Дураком Асмодей не был. Иначе не отожрался бы так на людской наивности и вере в чудеса. Возможно, и не в них дело, а в корыстности и жажде быстрой наживы. Демоны на то и демоны, чтобы играть на людских слабостях. Я же привыкла думать о каждом человеке самое лучшее. Даже о Гольцмане. Поэтому Асмодей прекрасно осознавал, что меня от свободы отделяешь один прыжок, а змей намерен всячески в этом способствовать. И такое положение дел его не устраивало.

— Выжил... — процедил демон, особо ни к кому не обращаясь, а просто констатируя факт.

За моей спиной раздался всплеск, а потом огромная голова дракона появилась совсем рядом со мной и застыла. Я даже, протянув руку, могла дотронуться до серебряных чешуек. И, признаться, очень хотелось это сделать, чтобы все же уверовать в реальность происходящего вокруг кошмара.

Словно услышав мои мысли, змей сам подался вперед и легонько потерся о плечо. Ну ты еще замури, чудище речное! Не до нежностей сейчас.

Поднявшиеся с палубы люди демона совсем не волновали. Его взгляд был прикован к нам. И с каждым мгновением злился Асмодей все больше.

— Стра-а-аж! — протянул он. — Оставь мне ведьму и живи. Она моя!

Огромная голова качнулась из стороны в сторону, и в ответ раздалось громкое шипение. Не согласен. Уже хорошо. Хотелось поскорее убраться с этой богом забытой яхты.

— Что ж, я предложил, а от моих предложений не отказываются, — оскалился демон. — Когда передумаешь, поздно будет. Не стоят бабы нашей смерти.

Ох уж эти демоны... Умирать никто не хочет: ни змеи, ни бабы. Все жить хотят. По возможности спокойно и счастливо. Тут разве станет кто-то спорить?

Люди за его спиной сгрудились в кучу и дрожали. Даже самые смелые охранники великого босса бледнели и украдкой стирали со лбов липкий пот. Похоже, моего змея они считали намного большим злом, чем знакомого им колдуна. Ненормальные. Это все равно что в ужасе смотреть на мирно пасущегося бычка, не заметив у своих ног гадюки. Человечество в своем репертуаре. Нам ли, ведьмам, об этом не знать.

Змей зашипел, а я заволновалась, потому что Дмитрий Петрович, он хоть и надежный, но ведь благородный и не подлый, а Асмодей... Договаривался с Андреем, что-то там отсрочивал и что? Где теперь «правая рука Гольцмана»? Прахом по ветру развеян, а остатки души в кристалле замурованы. Эх, Андрюха! Не стоит наперекор высших сил идти, а то можно таких дел наворотить, что не исправить никому.

— Это твое последнее слово? — ехидно поинтересовался демон. Посох он уже направил на нас.

Любопытно, он что, по-змеиному понимает? Ладно я, мне по должности положено дракона бабкой моей недоделанного чувствовать. Асмодей отвечал на шипение зверя так, словно осознавал смысл каждого звука.

И, главное, морда змеиная вперед ломанулась, полностью прикрыв меня. Что он творит? Что творит? Дракон — не кошка, ему девять жизней не положено. Если сейчас демон его лучом поймает, все... Кранты ящерице!

Вцепившись в отростки у гребня, постаралась его оттащить. Понимала, что не стоит на это рассчитывать. Нет в маленькой ведьме столько сил, сколько в огромном речном змее. Да и в человеческом обличье он тот еще осел упертый. Впрочем, как все великие начальники. Но вот конкретно его терять не хотелось. Как бы сказала Гриппа — с ним еще жить и жить, а он смерти улыбается.

На мгновенье показалось, что мои старания не напрасны, и исполинский зверь внял моим желаниям. По крайней мере, его голова подалась назад, вынуждая отпустить шипы, за которые я держалась. А потом и вовсе взмыла в воздух, раскачиваясь на длинном мощном туловище, открывая обзор. И вот он-то меня совсем не обрадовал.

Гольцман и охрана достаточно пришли в себя, чтобы двигать конечностями, но соображали по-прежнему слабовато. Почему я сделала такие выводы? Все очень просто. Эти придурки достали весь имеющийся с собой арсенал оружия, и дула нескольких пистолетов смотрели прямо на нас со змеем. Допускаю, что его чешую не любой калибр возьмет, а мне вполне будет достаточно одного более-менее точного выстрела. Бессмертных в роду Усольцевых отродясь не бывало.

Страшно, конечно. Но боялась я не Гольцмана. Меня больше кристалл на посохе беспокоил, а колдун направил его прямо в голову змея. Ну нет! Заречному я точно не дам погибнуть, как Андрею. Не знаю почему. Не дам и все тут! Тем более ведьма аж подпрыгивала, интенсивно кивая в знак солидарности. И чего это она со мной такая согласная? Может уже получится магией демона отovarить? Силы, конечно, не велики, но хоть отвлеку, а змей сориентируется.

Примерно так я размышляла, совершенно не понимая, что задумала коварная ящерица! Впрочем, и о мыслях Асмодея не имела никакого представления. И когда кристалл на посохе вновь затрещал, не стала терять времени.

— А ну отпусти свою палку! — завопила я, спешно про себя проговаривая один из заговоров на рассеивание внимания, потерю

концентрации и частичную амнезию. Даже показалось, что сила как никогда меня слушается, собираясь в кончиках пальцев рук.

А потом... потом... Потом случилось неожиданное! Вопиющее! Неслыханное! Да за такое любая ведьма мстить и мстить будет, и припомнит, и не забудет, и не простит никогда тоже!

Меня подло, сверху, как нашкодившего маленького ребенка, подцепили за ворот легкой курточки и со всего размаха закинули на середину реки, подальше от яхты. Последнее, что успела заметить, пока летела, орала и снова летела, как чудовищных размеров змей с разгона врезался в яхту.

Думайте, о чем мечтаете, люди! Думайте, и только потом мечтайте! Не я ли считала воду избавлением от всех проблем? И вот, пожалуйста — пытаюсь вынырнуть, одновременно сбрасывая куртку и туфли. Превозмогая боль, между прочим! А приложилась я... В общем, сильно приложилась и обидно очень. Никто не поинтересовался: а умеешь ли ты плавать, Леночка? Лети дикой горлицей! Спасение утопающих — дело рук самих утопающих! Ящерица бесчувственная! Подозрительно, но ведьма надулась тоже.

Правда, ненадолго нас обеиххватило. Стоило нам вынырнуть и отплеваться, кое-как привыкнуть к температуре водички и приноровиться к течению, как глаза тут же принялись искать змея.

А посмотреть было на что.

Яхта оказалась прочнее, чем выглядела. Обманчивая изящность и хорошие материалы — отличное сочетание. Не поскупился хозяин. Да и зачем считать наворованное, если оно на поток поставлено. Змей разгонялся, а потом стремительно бросался к лодке, со всей силы врезаясь в борт. Треск стоял такой, что, казалось, вся река уже должна была покрыться досками, но плавсредство держалось, хотя кое-где появились пробоины, потому что крен был виден невооруженным взглядом.

Гибкое, мощное тело скользило среди волн. Змей петлял, иногда погружался в воду, но снова появлялся на поверхности, и снова бросался на свою цель. Странные маневры. Но как только раздались первые выстрелы, стало понятно, почему его траектории такие извилистые. Думаю, тут дело опять же не в Гольцмане и его охране, а в злой сущности, что давила своей мощью. Большая часть боевиков плавала возле яхты, стараясь не пересечься с разъяренным морским

чудовищем. Те же, кому удалось зацепиться и зафиксировать свое положение, пытались отстреливаться, но пули практически не наносили вреда дракону.

Небо затянуло тучами, и вокруг потемнело. На фоне черной воды едкие фиолетовые всполохи кристалла казались еще более зловещими. И вот их стоило опасаться. Шум волн, крики тонущих людей, треск ломающихся досок и выстрелы, выстрелы, выстрелы... Если бы кто-то мог это заснять и выложить в социальные сети, то количество просмотров точно бы зашкалило. Но ни на реке, ни на берегу, словно по волшебству, никого не было. Может оно и к лучшему. Человечество вон с братьями по разуму еще встретиться не готово, а тут такое.

Лично я даже холода не ощущала, держалась как буй на плаву и все выглядывала Гольцмана и Асмодея. От этих гадов неприятностей в разы больше, чем от любого другого. Толстяка не видела, а вот демон мелькал. И посохом махал эпически, и спецэффекты использовал такие, что любой голливудский блокбастер нервно курит от зависти в сторонке. Вряд ли меня, как потомственную ведьму, это впечатляло. Скорее, заботила вероятность попадания в большую, пусть и мобильную, мишень. А речной змей был очень, ну просто очень большой мишенью. И палил колдун не хаотично, целился! Но дракон всегда оказывался проворнее, уворачивался и вновь бился о борт. Головой, между прочим, бился! Интересно, а сотрясения у крупных рептилий бывают? А если они волшебные, то второй ипостаси травмы тоже передаются? А отклонения по наследству?

Лена! О чем ты думаешь? Ну, о чем, скажи на милость? Какое наследство, если его сейчас как куренка распотрошат? Змей в очередной раз увернулся и врезался в борт, на этот раз оставив не просто вмятину, а зияющую дыру. Только на серебряной чешуе я тоже увидела раны, и стекающие в воду красные ручейки. Кровь. Дракон был ранен, но не обращал на это внимания. Теперь, когда яхта медленно, но уверенно погружалась в воду, он смотрел лишь на Асмодея.

Демон держал посох перед собой, но ни искр, ни треска не было. Да и кристалл горел тускло, словно лампочка при плохом напряжении. Я поняла сразу две вполне очевидные вещи. Первая: посоху необходимо время на перезарядку. Вторая: посоху необходимы

душевные силы на подзарядку. И обе они нам на руку, так как помогли выиграть время.

Нормальные мудрые женщины, попавшие в переделку, спокойно ждут спасения там, куда ими запульнули. Но не я. Ибо ведьмы всегда спешат на помощь своим раненым спасателям. Забарахтавшись в воде, кое-как подвернула юбку, протиснув ткань за ремень, а потом поплыла к яхте. Не молча, нет.

— Змей! — вопила я. — Зме-е-е-ей!

Скорее всего, мне показалось, что дракон странно заметался, потом тяжело вздохнул от безысходности и склонил свою огромную голову в знак смирения и полной покорности судьбе. Довольным он точно не выглядел. И я его понимаю! Будешь тут довольным, когда вокруг тебя барахтаются выбившиеся из сил боевики Гольцмана, еще и с борта постреливают. Он в очередной раз посмотрел на демона, оскалился и нырнул, пропав из виду.

Вот так просто? Взял и бросил меня? Я к нему на помощь, а он! А я...

Асмодей наблюдал, не сводил с меня глаз, я чувствовала его взгляд и холодела. Не хватало мне еще судороги, и так вода — не парное молоко, а тут еще страсти-мордасти. Поэтому, от греха подальше, я развернулась и поплыла в обратную сторону. Ничего! Если плыть медленно, могу долго на поверхности продержаться. Пожалуй, если форс-мажоров не возникнет, и до берега доберусь. К ночи.

Но в мечтах снова что-то перепуталось, и реальность пошла совсем по другому сценарию. Сначала затрещал посох, и мне пришлось обернуться. Причем, сделала я это в тот самый момент, когда яхта, устав бороться, уступила стихии и с громким звуком «бульк» скрылась под водой, оставив на поверхности лишь доски, за которые цеплялись уцелевшие. У самой длинной — заметила Гольцмана. Уцепился крепко. Можно подумать, утонуть боится! Увы! Оно не тонет по всем законам физики.

Сам демон избежал печальной участи. Он парил над черной толщей реки, и на фоне свинцовых туч фиолетовый кристалл искрился ярко и жутковато. Прямо фокусник-иллюзионист над ареной цирка. Только забавно не было. Ни капельки. Где-то внутри завязывался узлом липкий, противный страх.

Что-то задело мою ногу, от неожиданности я едва не закричала. Почти сразу рядом всплыл змей. Стоило лишь взглянуть на его морду, как стало очевидным, что состояние дракона еще плачевнее, чем мне показалось издали. Из глаз, ноздрей и пасти ручейками стекала кровь. Справа на шее чешуя вообще отсутствовала, открывая зияющую рану, в которой белели кости. Глаза не полыхали, а тускло мерцали желтым. И нырял он, наверное, чтобы меня не напугать и смыть хотя бы часть кровавых разводов.

Бедный... Бедный мой! С Асмодеем кругу ведьм не справиться, а уж неинициированному стражу и подавно. Я подплыла ближе, прижалась и нежно провела по мелким чешуйкам у пасти. Змей зашипел и закрыл глаза. Мощное тело всплыло, и весь он как-то вытянулся, обмяк, словно уже испустил дух.

— Миленький, только не сейчас, слышишь? Не смей! Не смей! — шептала я. — Дмитрий... Дима... Димочка, не уходи! Иди на мой голос! Иди!

Пальцы покалывало от силы, но все же ее у меня слишком мало, а дракон очень большой. Но искорки срывались и впитывались в чешую. А я все говорила и говорила, обещала, что приму, не отпущу, не отдам и не предаю никогда.

Снова раздался жуткий треск кристалла. Я обняла насколько хватило рук огромную морду. Если нам суждено сегодня погибнуть, то, по крайней мере, мы уйдем вместе. И внутри ничего этому не противилось. Наоборот, мысль принесла успокоение и тихую радость. Всего один луч и больше я уже ничего не почувствую, лишь бы поймать, лишь бы не упустить его. Душа — это часть существа, а значит, часть меня. Ох, и намучается Асмодей, если заберет ее. Тогда ему века покоя не видать!

— Я рядом, — снова прошептала дракону. — Я теперь всегда буду рядом.

А потом прижалась губами к холодной чешуе. Пахло илом, но меня это не отталкивало. Еще раз окинула взглядом огромное тело речного змея и лишь затем развернулась, чтобы встретить смерть, глядя ей в глаза.

Вот только сама смерть отвечать не спешила. Демон даже не взглянул на меня, он склонился над кристаллом и что-то тихо напевал. Станный язык. Очень похожий на истинный и древний, на котором

творится любое светлое волшебство. Только в этом языке все слова наоборот читались и оттого были мертвыми.

— Ну... что же ты... — одними губами произнесла я. — Давай! Всего один залп...

Не знаю, услышал ли меня Асмодей, но петь перестал. Да, теперь он снова смотрел в нашу сторону. Только триумфа в его взгляде не было, скорее их переполняли злость и досада. Демон поднял посох и заорал:

— Долги да вернутся!

— Ты не посмеешь! — истерично завизжал Гольман. — Не посмеешь!

— Уже. Посмел. — И демон оскалился. Демоническая сущность поглотила человеческую оболочку. Теперь он выглядел как истинное зло, а значит, кончилось время прятков.

Я вздрогнула и еще сильнее прижалась к змею. А с посоха сорвался пучок лучей, каждый из которых нашел свою цель. Одиннадцать фиолетовых коконов поднялись из воды в воздух. И в каждом выл, выгибался и кричал человек. Пока еще человек.

Сердце закололо, дыхание сбилось. Я просто не могла... не могла этого вынести... Даже одна смерть — это слишком, а одиннадцать... Слезы сами навернулись, и я всхлипнула, а потом и вовсе отчаянно зарыдала.

— Змей... Змей, миленький, очнись! Да очнись же ты! У нас совсем мало времени, совсем мало, но мы еще можем...

Захлебнувшись словами и эмоциями, замолчала. Чешуйчатое веко дрогнуло, и на меня уставился тусклый желтый глаз.

— Нам это... — дышала тяжело, мне катастрофически не хватало воздуха. — Валить надо, Дима, понимаешь? Валить отсюда! Сейчас...

Ноздри дракона раздулись, и он выдохнул теплую струю пара. Живой... Светлые силы! Живой!

Серебряное тело пришло в движение. Змей нырнул, а когда вынырнул, я уже сидела верхом. Причем в самой безопасной и крупной выемке, между острыми наростами гребня. Ее словно специально кто-то создал для всадника. Вопрос в другом: кто решится оседлать такое чудище? Дракон слабо зашипел и не оборачиваясь мотнул головой.

— Да поняла, что держаться надо! Не бойся, не потеряешь! — и я обхватила самый высокий нарост. — Но! Поехали уже!

Позади все еще хрипели и выли новые жертвы Асмодея. Оборачиваться не стала, не нашла в себе смелости. А когда змей ускорился, практически погрузившись в воду, вообще, потеряла сознание.

Глава 26

Глава 26.

Сознание возвращалось медленно. Сначала донеслись звуки леса: шелест листвы на ветру, чириканье птиц, шуршание мелких грызунов, где-то совсем рядом плескалась вода. Да, определенно, вода! Потому что потом я стала различать запахи: песка, нагретого солнцем, травы, полевых цветов, хвои и ила. Странно, такой знакомый и совсем не отталкивающий запах...

Змей! Раненый змей!

Я распахнула глаза, и возникло чувство дежавю. Словно все это уже со мной было: река, светлеющее небо и массивное неподвижное тело дракона совсем рядом. Это ж сколько мы с ним в отключке пролежали? Вчера было вчера, а сейчас раз и уже сегодня.

Зябко поежилась. Несмотря на довольно теплое лето, по утрам становилось уже прохладно. Получается, мы со змеем здесь всю ночь валялись? Да живой ли он?

Соображалось с трудом. Я, конечно, не тяну на академика, но обычно мыслительный процесс давался гораздо легче. Птичек слушаю, время определяю, а у меня там может дракон уже не дышит!

Подняться удалось. С трудом, не с первой попытки и пришлось задействовать густо покрытую травой кочку, которая оказалась рядом, но ноги держали вполне сносно, передвигались и не норовили подогнуться при каждом шаге. Что радовало невероятно. Прошлая стычка с бандитами Гольцмана и колдуном потрепала больше. Что ж, в нашей непростой ситуации любое позитивное изменение — к лучшему.

Еще проще и так привычно упала на колени перед огромной мордой. Другие хомячков заводят, морских свинок, собак выгуливают, а я вот к речному змею прикипела. Интуиция молчала. Если тогда, на заимке, она вопила об опасности, а ведьма внутри рыдала и примеряла траурное платье, то сейчас все было тихо.

Дотрагивалась осторожно. Чешуя обожгла привычным холодом. Рана на мощной шее уже не выглядела такой уж жуткой и

устрашающей. Зияющий провал затянулся молодой перламутровой кожей. Хорошая регенерация! Кровавые дорожки у пасти высохли и потемнели. Из ноздрей вырвалось облачко пара, и кто-то очень сладко засопел.

Спит. Просто спит.

Дракон-даркон! Я улыбалась, искренне, безмятежно. Такой питомец точно лучше котенка и к туалету, опять же, приучен.

Теперь, когда беспокойство за одну смелую ящерицу немного улеглось, а тело согрелось под лучами утреннего солнышка, можно было и оглядеться. Пейзаж показался смутно знакомым. И даже не смутно. Я совершенно точно знала это место. С детства. Но как мы здесь могли оказаться, не понимала.

Белая песчаная коса, широкий ковер мягкой изумрудной травки. Узкая речка, которая на самом деле и не река вовсе, а широкий ручей. Его ведьмины ключи питают. Во-о-о-он там бьют, под горкой. А с того камня я нырять училась. Вода здесь хоть и студеная, но чистая, живая. А лопухи по склону растут какие! Листья больше метра вырастают! Только вот не впадают ведьмины родники в реку. И каким чудом мы бы смогли угодить сюда? Никак снова бабушки мои вмешались, сильное да безопасное место выбрали. Пока жива хоть одна ведьма, которую земля эта питает, злу в леса заповедные хода нет. От Асмодея уберечь старались.

Бабушки. Ох уж эти бабушки! И снова я улыбалась, подставляя лицо солнышку. Заговорщицы! От ключей до алтаря древнего два шага. Все продумали. Воде и отступают, но все равно гнут свою линию.

Тело ломило так, будто я всю ночь на драконе каталась. Представляю, каково коню моему чешуйчатому. Напоить водицей живую — дело не мудреное. Главное, придумать, во что ее набрать. Хотя, еще в детстве бабушки научили из лопуха и пары прутиков туесочки собирать. Долго не прослужат, но на разок выручат. А со здешним размахом листа вместимость не меньше ведра получится. Как раз для особо крупных рептилий.

Для начала решила искупаться сама. Одежду отряхнуть. И вот странное дело, пока раздевалась, показалось, что желтый глаз приоткрыт. Прикрывшись юбкой, я резко обернулась, но дракон спал,

дышал размеренно и даже посвистывал во сне. Точно, показалось. Да и глупо как-то ящерицы стесняться. Тут размеры не имеют значения.

Конечно, мой змей не просто дракон, а, можно сказать, принц зачарованный. Человек, теоретически, подсматривать может, и хитрить тоже. Зверь, напротив, действует и поступает прямолинейно. Если глаза закрыты — значит спит. В конце концов, сейчас-то он зверь.

Поплывать в прохладной водичке хотелось, поэтому, отбросив сомненья и одежду, я все же полезла в ручей. Тело на мгновение обожгло холодом, а потом по нему такая волна удовольствия разлилась, что казалось, будто за спиной крылья выросли. Напряженность и усталость уходили, а энергия прибывала с каждой секундой. Я набирала в ладони искрящуюся на солнце водицу и жадно пила, едва не мурлыча от удовольствия. Но стоило повернуться к берегу, как накатило негодование и даже злость.

Слегка потрепанная рептилия больше не изображала из себя дохлую ящерицу, а в оба ярко-желтых глаза с неподдельным мужским интересом пялилась на меня! Пойманный с поличным, дракон не смутился и взгляда не отвел. Его пасть растянулась так, что мне показалось — змей улыбается! Вот негодяй!

— А ну отвернись, чудище речное! — завопила, собственно, я, одновременно приседая в воду поглубже.

— Пх-х-ха-а-а-а! — ответила озабоченная ящерица и недвусмысленно помахала раздвоенным языком. Нахал!

— Отвернись! Я кому сказала? — в этот раз я даже попыталась его обрызгать, но капли воды немного не долетели до чешуйчатой туши.

— Пхы-пхы-пхы пф-ф-ф-фе-е-е! — философски заметили в ответ и... придвинулись ближе. Пусть на шаг, но все же!

— Я вот сейчас вылезу и тебе такое «пфе» покажу — век от меня по кустам ныкаться будешь! — постаралась убедить зверя, прибегнув к решительным аргументам.

— Фырк, — обиделся змей и демонстративно отвернулся, при этом сделал настолько обиженную физиономию, что мне его на секунду жаль стало. Где-то очень глубоко внутри. Весь его облик будто говорил: «Я тебя спасал живота не жалеючи, а ты... Ты мне даже такой малости не позволила».

Ведьма ему сочувствовала, да и я, признаться, тоже. Но стыдно все же было. Что ни говори, а для меня, что Дмитрий Петрович, что змей — оба мужчины мало знакомые, а я девушка порядочная и временами даже стеснительная. Поэтому, чтобы не тратить время напрасно, и не ждать, пока у моей ящерицы любопытство победит обиду, выскочила на берег и спешно натянула блузку и юбку.

Хорошенько подумав, оторвала от юбки приличный лоскут, сделав из макси почти мини. А куда деваться? Одной водой с чешуи кровь не смоешь, чем-то потереть придется. Одетой я чувствовала себя смелее, решительнее и отважнее. Туеска решила не делать. В принципе, был более легкий путь.

— Сюда ползи, горе мое луковое, раз уж двигаться сам можешь, — позвала змея, встав у самой кромки воды.

Смешно отталкиваясь плавниками, и извиваясь, дракон послушно устремился ко мне, оставляя после себя на песке глубокий след.

— Пф-ф-фха-а-а-а! — сообщил он, поглядывая то на меня, то на воду.

— Вот уж нетушки! — пришлось категорически возразить, для убедительности скрутив фигу. — Я больше туда не полезу, а тебе придется. И без возражений мне, ясно?

Дракон тяжело вздохнул, фыркнул, обдавая теплым паром, и плюхнулся в воду, поднимая столбы брызг. Да, теперь без разницы: лезть или не лезть... Все равно вся мокрая.

Засучив рукава, еще раз намочила тряпку, сварганенную из юбки, и потянулась к морде зверя. Дракон застыл и прикрыл глаза. Он наслаждался солнцем, чистой водой и моими легкими прикосновениями. Иногда выдыхал струйки пара и блаженно вздыхал.

— Ну вот, уже не такой чумазый, — с удовлетворением заметила я, когда основные подтеки крови с чешуи были смыты. — И знаешь, спасибо тебе, что не бросил, что пришел, что спас...

Поддавшись порыву, чмокнула рептилию прямо в теплую чешую над ноздрями. И мир качнулся, его вдруг заволочло туманом, а потом разрезало на осколки ослепительной вспышкой. Такой яркой, что пришлось зажмуриться. А когда я открыла глаза, змея уже не было. Мне улыбался, осторожно придерживая за талию, Заречный. Собственной персоной. В том же костюме, что и вчера днем, только теперь с намоченными по колено брючинами. Такой родной, близкий, с

отросшей щетиной, измученный и помятый, но довольный и счастливый какой-то что ли.

— Ты... — выдохнула я.

— А ты еще кого-то ждала? — со смешком спросил он.

Да, глупый, конечно, вопрос. Но подобные чудеса приводят в замешательство даже потомственных ведьм.

— Дмитрий Петрович, а вы... — договорить мне не дали.

— Дима! — поправил он, намекая, что мы давно перешли на «ты». — Впрочем, сейчас я бы и от Димочки не отказался...

И как он это сказал! Как сказал! А последние слова прошептал... в губы, мучительно медленно склоняясь к ним, заставляя нас с ведьмой томиться ожиданием, растекаться ручейками тягучей патоки и трепетать.

И Заречный поцеловал. Очень сладко, неистово, словно поцелуй возвращал его к жизни. С каждой секундой прижимая меня все крепче к своему сильному телу. И я горела, плавилась, словно воск в умелых руках мастера, совершенно потеряв голову, растворившись в своих чувствах, забыв о времени и пространстве.

— Ленка, ведьма моя глупая... — задыхаясь, хрипло простонал Дмитрий, оторвавшись от моих губ. — Леночка... Ленка...

А я слушала и слушала, никак не могла прийти в себя, продолжая наслаждаться каждым звуком, каждым касанием. Это я, а вот ведьма моя что-то притихла, затаилась и, кажется, напряглась. Стоп!

— Глупая? — поинтересовалась все еще довольно мило и томно, но туман эйфории рассеивался. К сожалению, быстрее, чем мне бы хотелось.

— А какая? — синие глаза стремительно темнели. — Зачем сама к колдуну полезла?

— Я полезла? — возмущению не было предела. — А ты не думаешь, что у него достаточно сил, чтобы спроектировать ситуацию! Ты сам вчера видел, на что он способен.

— Видел, — не стал юлить Заречный. — Кстати, спросить хотел, что это у него с лицом? Маска такая или опять ваши колдовские штучки?

— А это, Димочка, не маска. Это его истинный лик.

— Ужас какой, — мотнул головой он.

— Я тебе больше скажу, Асмодей вообще не человек. Точнее, он сначала как бы вселился в человека, но сейчас от того несчастного даже тела не осталось.

— И кто же он по-твоему?

— По-моему, Асмодей — демон, темная сущность, зло воплоти. Выбирай любой вариант, не ошибешься.

— Чертовщина какая-то!

— Не то слово, — кивнула я.

— И все равно, Лена. Ты ведешь себя крайне неосмотрительно, попадаешь в неприятности сразу, стоит тебя только на секунду из виду выпустить! — выпалил Заречный.

Вот зануда! Не зря он так бабушкам моим, сводницам, по вкусу пришелся!

— Вот и не выпускал бы! — огрызнулась я.

— И не выпущу! — не остался в долгу он и для наглядности притянул меня ближе.

— Никогда? — не знаю, кто из нас с ведьмой поинтересовался.

— Никогда! — смотрел Дмитрий мне прямо в глаза и вроде даже не врал. Хотя кто их, змеев, разберет? Раз так, то сам напросился.

— Пошли! — я схватила его за руку и потащила по еле заметной тропинке в лес.

— Куда? — удивился Заречный.

— Увидишь.

До знакомой полянки, окруженной березками, от берега Ведьминога ключа меньше ста метров. Я молчала, Дмитрий тоже. Просто шел рядом, ни о чем не спрашивая. Знаете, это тоже своего рода признак доверия.

Лес внезапно кончился, и мы его увидели. Ведьмин круг — так его принято называть в народе. Небольшой, идеально круглый участок, на котором трава росла низенькая. Намного ниже, чем по соседству. И была она изумрудная, цвета своего даже зимой не теряла. А в середине стоял ОН!

— Что это? — изумленно выдохнул Заречный.

— Камень, — мило сообщила я.

— Вижу, что не дерево, — в тон мне, ответил Дмитрий. — Очень напоминает радужную, подсвеченную изнутри надгробную плиту. Ты меня на кладбище притащила?

В чем-то он был, конечно, прав. Именно сюда слетаются души тех, кто при жизни впитывал в себя силу этих мест, чтобы приумножить ее, беречь и хранить. Но Заречному пока об этом знать не обязательно. Судьбу, знаете ли, тоже спугнуть можно. Хотя он парень крепкий, может, и выдержал бы всю правду.

— Это Алатырь — священный камень земли нашей, — тихо ответила я. — В нем сила и магия великие скрыты. Хорошему человеку Алатырь помогает, а злого — близко не подпускает. Кстати, слово «алтарь» от него пошло, потому что подносили ему дары разные, когда о милости просили.

— Ох... — выдохнул Дмитрий. — Я думал, Алатырь только в сказках бывает.

— А ведьмы и колдуны? — хитро улыбнулась, посмотрев в растерянное лицо Заречного. Привык мужик все под контролем держать, а тут любая мелочь его из равновесия выбивает.

— Да, уж! — ухмыльнулся он. — Трудно не поверить, когда лично знаком с одной симпатичной ведьмочкой.

— С тремя! — поправила его. — Ты про бабушек моих забыл, а они, между прочим, твои почти штатные сотрудницы.

Дмитрий слегка скривился. Сразу видно, что наши представления о симпатичном коренным образом различались. Какие там старушки, ему молодежь с силиконовыми прелестями подавай. Вот те — да, симпатичные. Что-то злиться я стала, и, честно признаться, засомневалась. А не зря ли я его сюда притащила?

— Ну, и зачем мы сюда пришли? — поинтересовался он, пытаюсь перевести разговор в мирное русло.

Только вот мирным оно уже не было. Нельзя в сомнениях судьбу свою вершить, да частичкой души делиться. Коли ведьма избранника своего сюда привела, значит, верит ему и пойдет за ним и в огонь, и в воду. А я? Пойду ли? Задумалась...

Он-то, не задумываясь, за мной в реку прыгнул, и змею позволил над собой верх одержать, и на смерть шел. А что девки вокруг него вертятся, так они всегда вокруг красивых да успешных хороводы водят, испокон веков. И тянет меня к нему, невероятно, непреодолимо. А уж поцелует если, так и вовсе земля из под ног уходит, голову теряю. Нет, Ленка, не жить тебе без него. Не жить. Упустишь, до конца дней всех мужчин с ним сравнивать будешь и жалеть, что не сладилось.

Ведьма молчала. Она была со мной согласна. Целиком и полностью. Теперь главное. Узнать нужно, а так ли я ему нужна, как он мне?

— Дима, — тихонько позвала я.

— М? — он рассматривал камень, который переливался в лучах утреннего солнца, и щурился.

Помолчала. Чтобы такое спросить, нужно сначала с духом собраться. Да и вопрос, хоть и важный, но звучит как-то глупо. А мне нужен честный, идущий от сердца, ответ.

— Ты меня любишь?

Заречный посмотрел на меня, легонько потянул за руку, а потом обнял крепко-крепко и выдохнул куда-то в макушку:

— Жить без тебя не могу, Ленка. Погибаю. Снишься каждую ночь. — И говорил он так просто, но очень серьезно, дотягиваясь каждым словом до моего сердца. — Не знаю, что такое любовь. Но если то чувство, когда готов свою жизнь отдать за единственного и самого дорогого человека, она и есть, то да. Да, люблю тебя, ведьма моя несносная! Люблю, и ничего не могу с этим поделать.

А у меня губы сами в широкую улыбку расползались. И хорошо, что я в его мощную грудь уткнулась, и Димка не видел моей довольной физиономии. Ведь о серьезных вещах говорим, жизненно важных.

— А я тебя еще больше люблю!

— Врушка, — рассмеялся Заречный.

— Ни капельки! Я всегда говорю правду, просто иногда не всю! — сообщила я, но голову так и не подняла, потому что в глаза смотреть рано, сейчас речь пойдет о вещах более стыдных. Вообще-то мужчина должен инициативу проявлять, но времени мы и так много потеряли. — Дим?

— А?

— А судьбу ты готов связать со мной?

Ох! Ну и вопросы задаю! Не каждый современный человек поймет, не каждый оценит. А, между прочим, они важные.

— Готов, — не дрогнув, ответил он.

— И жизнь готов разделить?

— И жизнь разделить.

— И душу?

— Лена!

— Ответь!

— И душу, ведьма! Я готов разделить с тобой все! И не просто разделить — отдать безвозмездно! Еще вопросы или пожелания есть?

— Есть!

— Валяй, — любезно позволили мне.

И вот теперь я подняла голову, потому что хотела видеть его лицо, когда скажу это:

— Раздевайся!

— Что? — Да! Да-да-да! Изумление сильного, любимого, единственного мужчины бесценно.

— Раздевайся, Дима. Времени у нас мало.

Заречный спорить не стал, он просто расстегнул пиджак. В общем, от одежды избавились быстро. А потом нагие, босые ступили на теплый камень. И здесь Димка поцеловал меня совершенно по-особенному. Он поцеловал меня так, словно действительно дарил всего себя навсегда, на веки вечные. А я, совершенно ошалевшая от счастья, тоже дарила, отдавала всю себя без остатка. Навсегда и даже дольше, пока стоит этот мир, пока светят звезды Вселенной.

Алтырь сиял, укрывая своим светом, согревал теплом, щедро делился силой. Он принял нас, благословил, соединил, поверил. На камне сплелись не только тела. Здесь сплелись две жизни, две судьбы, две души.

— Люблю тебя, Ленка! Безумно тебя люблю! — прошептал мой змей, прежде чем я закричала, раскалываясь от переполняющего счастья на миллионы мелких осколков.

А когда части собрались вновь, улыбнулась, глядя в самые синие в мире глаза.

— Я люблю тебя, муж, — тихо выдохнула я, и потерлась носом о небритую щеку.

— Жена... — медленно, словно пробуя слово на вкус, произнес Дима. — Знаешь, ведьма, обряд, конечно, красивый...

Я напряглась. Вот прямо дыхание затаила.

— Но свадьбу мы все же сыграем! — закончил он и хрипло рассмеялся. — Ночь хочется брачную с любимой женщиной, постель мягкую и... — Димка замолчал, к чему-то прислушиваясь. — Странно, я раньше зверя прямо под кожей чувствовал. Все его мысли, желания. А сейчас его нет. Эй, змей, ау-у!

Заречный протянул руку к солнцу и удивленно выдохнул. Прямо на глазах загорелая человеческая кожа превращалась в серебряную чешую, а ногти удлинялись, преобразовываясь в когти.

— Нет, Ленка! Ошибся я. Здесь он, во мне. Только делить нам больше нечего, и мы с ним словно слились в одно целое, понимаешь? Раньше были Дмитрий и змей, а теперь я за всех, получается, — и он беззаботно рассмеялся.

— Ты просто стал стражем, настоящим стражем земли нашей, как в легендах древних написано, — улыбнулась мужу.

Моя ведьма тоже молчала, но пустоты я не ощущала. Наоборот, во мне бурлила и клокотала такая силища, что поверить невозможно. А еще я отчетливо помнила все, что читала в родовых фолиантах. Может быть и не я помнила. Возможно, это знания ведьмы, с которой мы тоже слились в одно целое, как Димка со змеем.

Я последовала его примеру и протянула руку к солнцу, и из ладони полился свет, теплый, ласковый, словно медовый. Он собирался в причудливые узоры, сворачивался прекрасным браслетом на запястье, тянул ажурные усики к Димке.

— Знаешь, а я ведь сегодня стала настоящей ведьмой и тоже кое с кем объединилась в одно целое.

— И как ощущения? — поинтересовался муж.

— Странные. Словно я всю жизнь со сломанными крыльями жила, а теперь они излечились вдруг, — неожиданно призналась я, а потом, глядя в любимые синие глаза, искренне сказала: — Спасибо!

— За что?

— За чудо. За то, что ты есть. За то, что мой. За мир. За счастье. Спасибо тебе, Димка!

Он не ответил и снова поцеловал, передавая всю силу своих чувств. И это была огромная сила, настоящая, истинная. Но увлечься и зайти дальше не дало чутье ведьмы.

— Дима... Дима... Ну Дима же... — со смехом вывернулась я.

— Ну что тебе еще, ведьмочка? — шутливо прорычал он, пытаясь вернуть ускользнувшее.

— Одеваться нужно. Быстрее! — и первая вскочила с камня.

— Зачем? — вяло поинтересовался в общем-то вполне уже готовый к новым подвигам муж.

— В принципе, можешь встретить моих родственниц и так, показать, так сказать, товар лицом! — хихикнула я, наблюдая, как Заречный вскочил и спешно стал натягивать брюки.

— Знаешь, кто вы? — недовольно буркнул он, переходя к изрядно помятой рубашке.

— Кто? — вежливо поинтересовалась я, уже полностью одевшись.

— Ведьмы! — констатировал факт Димка.

— И от кого я это слышу? — расхохоталась, пытаюсь хоть немного пригладить растрепанные волосы. — От рептилии-переростка!

— Укушу! — меня поймали и тут же ощутимо куснули за шею.

Идиллию прервали. Все три ведьмы из рода Усольцевых топтались на опушке и умильно на нас поглядывали.

— Ну, слава светлым силам, сладилось! — выдохнула довольная, вся светящаяся от счастья Гриппа.

— Будет тебе, сватья, детей смущать! — попеняла ей Ядвига, а у самой улыбка с лица не сходила.

— Счастья вам, — тепло пожелала Светлана.

— Поздравили и ладно, сейчас делу время, о молодых дома вспомним, — Гриппа принялась расставлять по периметру круга небольшие белые свечи, приговаривая: — Четыре ведьмы — четыре стороны света, четыре стихии, и свечи, стало быть, тоже четыре.

— А тебе, сынок, — Ядвига тронула Заречного за плечо, а потом не удержалась и коротко, но крепко обняла. — Тебе придется в стража снова оборотиться.

— Без проблем, — заверил он.

— Душить тебе гада этого придется, — доверительно сообщила Света. — А он сильный. В прошлый раз мы втроем едва жизни не лишились.

— Он вообще не человек, а демон! — наконец, смогла вставить слово я.

Ядвига с теткой ахнули, а Гриппа прищурилась и почесала подбородок.

— Да-да, что-то в этом ключе я и удумала, — тихо произнесла она. — Еленка, ну как ты? Чуешь в себе силушку? Яви ее, зажги свечи!

Ох, до чего волнительно творить в первый раз настоящие чудеса! Заречный легонько тронул за плечо, и, когда я повернулась, ободряюще

улыбнулся. С такой поддержкой не имею права не справиться.

Протянув руку, мысленно прикоснулась к силе, и она откликнулась, такая же теплая, родная и близкая, как Димка. Я чувствовала, как сотни маленьких сияющих частиц устремились к кончикам пальцев. Да, сейчас по моим венам текла чистая, ничем не замутненная магия. Четыре огненных луча, сорвались с руки и устремились к свечкам. Четыре пеньковых фитилька вспыхнули одновременно. И пламя было ровным, мощным, спокойным. Даже ветер стих, чтобы его не тревожить.

— Алатырь, батюшка, не оставь своей милостью, помоги, защити, убереги землю свою, детей своих. Вбери в себя зло лютое, дабы не поганило оно души чистые, — зашептала Гриппа, возложив на камень обе руки.

Ядвига лила на Алатырь свежий янтарный мед. Тонкая струйка попадала на поверхность, но не образовывала липкой лужицы, а тут же впитывалась. То же самое происходило с пшеничным зерном, которое сыпала из большого глиняного горшка Светлана.

Ритуал принесения даров древний и недолгий. Спустя минуту, Гриппа поднялась с колен, и, глядя на Диму, сказала:

— Пора, касатик. Обращайся в стража-то. Ты уж не подведи!

И так Заречный посмотрел на бабушку, что сразу стало ясно — умрет, но не подведет. А через мгновение огромный речной змей свернулся толстыми кольцами вокруг священного камня.

— Ох, девоньки, время не ждет, не дремлет. Начнем помаленьку. Встаньте каждая со стороны своей, да поддержите меня песнею на языке светлом, истинном.

В этот раз я тоже пела, потому что слова знала и глубинный смысл понимала. Сила вместе со звуками выплескивалась из моего рта, собиралась в затейливые узоры и невесомой паутинкой покрывала пространство над священным камнем. Удивительно, и как я раньше этого не замечала? Жила, словно слепая, на ощупь.

И был тот орнамент ярче, чем у моих любимых родственниц. Они лишь улыбались мне, подбадривая, и продолжали петь и петь, пока воздух над Алатырем не сгустился, пока не возник там сам Асмодей, ужасный и величественный. Посох его сиял, глаза горели, словно геенна огненная, а над головой вились рога, пока еще прозрачные, но уже имеющие вполне реальные очертания.

— Ведьмы-ы-ы-ы... — завыл он, а потом рухнул на колени, прямо на камень, и выгнулся. — Ведьмы-ы-ы-ы! — голосил демон, извивался и пытался взлететь, но полотно нашего колдовства не пускало его.

Мы запели громче. Я видела, как отделяются от кристалла тонкие фиолетовые нити, как он тускнеет на глазах, как из Асмодея черным ручьем утекает злая сила, мгновенно впитываясь в камень. И когда прозвучали главные слова песни, в бой вступил страж. Он сплетался с демоном, обвивал его мощным телом, сжимал кольцами, не обращая внимания на раны, от когтей и зубов темной сущности. Зло боролось, хрипело, но таяло на глазах, становясь все меньше, все прозрачнее. Кристалл тоже терял свой цвет с каждой оброненной нитью. Освобожденные души летали вокруг и жалили своего мучителя, помогая стражу победить.

На последних словах песни демон захрипел, и Алатырь поглотил белесую дымку, оставшуюся от проникшего на Землю зла. Обессиленный змей прижался к теплой поверхности камня, и тот щедро делился с ним своей силой, рассыпая вокруг радужные искры. Посох обычной безвредной палкой упал на траву, кристалл исчез, а бывшие его пленники, сделав над нами несколько кругов, взмыли к небесам и растворились в солнечном свете. Колдовство растаяло, словно его и не было.

Ритуал закончился. Не верилось, но мы победили. Да, на этот раз именно мы, потому что я стала настоящей частью семьи, я стала ведьмой.

— Чего стоишь-то? Иди, целуй своего ненаглядного, — Ядвига беззлобно толкнула меня в бок.

— Неужто стражу каждый раз для обращения мой поцелуй занадобится? — не то чтобы я смутилась, но уточнить все же хотела.

— Стражу — может и не каждый, а любимому мужчине завсегда его приятно получить от своей-то женщины, — подмигнула мне Гриппа, и они втроем рассмеялись.

Да и пусть! Жалко что ли?

— Не робей! — улыбнулась Светлана. — Чай не сейчас вам «горько» кричать будем.

Я и не робела. Для меня уже дело привычное дракона целовать. Подумаешь. Легкое прикосновение губ к прохладной чешуе, и на месте рептилии стоит мой Димка. Большой, сильный, надежный.

Целовал в этот раз долго, под умиленные вздохи родственниц. На публику старался. А когда отпустил, ноги меня почти не держали. Пришлось Заречному на руки подхватывать жену свою, он и не возражал, только спросил у Гриппы:

— Надеюсь, бабуля, со злом покончено и теперь мы будем жить спокойно?

— Спокойствия не обещаю, — ответила она. — Чай не на кисейной барышне женился, а ведьму взял. Зато увлекательно будет точно.

— Да уж, с вами не соскучишься! — расхохотался Димка.

До скита шли медленно, разговаривали, все больше шутили. Светило солнышко, шелестела листва, сердце радовалось, а душа пела от тихого уютного счастья. Ведь по сути, не так уж много каждому человеку для него надобно: мир на земле родимой, здоровья немножко, да близких людей рядом, а все остальное отмерят, не сомневайтесь, по делам вашим да по заслугам.

Эпилог

Эпилог

Антон Сергеевич Потемкин гнал свой внедорожник по шикарной свеженькой шоссейке, ведущей напрямик к новой здравнице, выросшей за последние два года на месте бывшего Ведьминого скита. Только называлась она теперь «Живые ключи». Так себе название, но друга, владеющего этим богатством, он не осуждал. Дмитрий Заречный — примерный семьянин, и почти всегда исполнял небольшие просьбы членов своей горячо любимой, но весьма странной семьи. Впрочем, дамы в его окружении, хоть и выглядели экстравагантно, но все же отличались трезвостью взглядов, логикой действий и глубиной мысли.

Сам Антоха скучал по тем временам, когда их с Дмитрием жизни тесно переплетались. Скучал по гулянкам, рыбалке, охоте. Домик на дальней заимке давно пустовал, хотя сторожу платили исправно и регулярно. Эх, было времечко! Сейчас же они не только не отдыхали вместе, но и виделись крайне редко.

С тех пор, как основной конкурент фирмы «СтройИнвест» пропал без вести, организация разрослась, прибрав к рукам львиную долю бизнеса Гольцмана. Которого, по слухам, то ли убили в бандитских разборках, то ли своя же охрана грохнула за жадность. Ходили даже мистические сплетни, будто толстяка черти в пекло утащили. Многие верили. Да и как не поверить, если родственницы Димона сплошь ведьмы? Никто, конечно, не доказал, что они причастны к устранению основного конкурента зятя, но факт остается фактом, работы прибавилось.

Заречный теперь предпочитал руководить из дома, построенного здесь же, в «Живых ключах», и в офис наезжал крайне редко, ограничиваясь видеоконференциями. А сейчас, когда они с супругой ожидали прибавление, мог даже на звонок не ответить. Как сегодня. А вопрос не терпел отлагательств. Пришлось ехать лично.

Друга повидать хотелось. Очень. А вот встречаться с его распрекрасной семьей Антон как-то не горел желанием. И тому были

свои причины. До сих пор при упоминании имени Агриппины Саввичны Усольцевой он нервно вздрагивал. И было отчего. Все, что она в сердцах нагадала Димону, сбылось. Да Потемкин сам, собственными глазами видел, как тот обрастает чешуей и превращается в водную рептилию поистине гигантских размеров. Правда, в результате все закончилось вполне благополучно, и Заречный женился на внучке той самой ведьмы. Прекрасная женщина Елена Мирославовна, умница, красавица. Антоха и сам был не прочь приударить за ней, но Дмитрий оказался быстрее. Эх, ради такой, можно и чешуей научиться обрастать.

Теперь Потемкин опасался, что сбудется второе предсказание Усольцевой. Его персональное. А напороочила ему ведьма судьбу, которую он в воде встретит. Утонет? Или может утопленницу спасет? Бред! Ну не русалку же, в самом деле!

Чем ближе подъезжал к «Ключам», тем тревожнее становилось на сердце. Кто бы мог подумать, в век развитых технологий, мобильных телефонов, компьютеров и интернета, какие-то ведьмы, колдуны, драконы. Тьфу ты, нечисть!

Он едва не пропустил поворот, притаившийся за могучими соснами. Вообще, при строительстве здравницы, природу старались не потревожить. Даже для автомобилей построили стоянку на въезде, а по территории санатория проложили красивые дорожки с резными деревянными перилами и глиняной тротуарной плиткой. Одно расточительство, зато экологически чисто. Уж за этим-то бабки Усольцевы в четыре глаза следили.

Домики из бруса, электроэнергия из солнечных батарей самоокупаемая, меню крестьянское местными травками приправленное, а отбоя от посетителей нет. Народ за пять лет вперед записывается. И все потому, что вода местная и чародейская родня Дмитрия действительно чудеса творят. Даже сильным мира сего приходится к Заречному на поклон идти, только ведь и он не владеет ситуацией. Все ключевые посты с самого начала отдал старушкам: Гриппе — исполнительное директорство пожаловал, а Ядвиге, как затейнице, отдали всю коммерцию. Антон предпочитал держаться в стороне от этого проекта, и подальше от глаз главной ведьмы.

Дом Заречный себе поставил аккурат рядом с бабкиным. Агриппина наотрез отказалась менять свою дислокацию. Конечно,

облагородили немного территорию, клумбы посадили, альпийских горок поставили. Так и соседствовали добротный особняк с подземным гаражом и лифтом с крестьянской избой с печным отоплением да парой сараек.

— Тьфу, нечисть! — снова выругался Потемкин, когда дорогие брюки повторно зацепились за колючий куст на тропинке к дому. — Ну почему нельзя нормальную дорогу прямо до места проложить?!

— Ме-э-э-э! — раздалось угрожающее из ближайших зарослей.

О скверном нраве черной козы ходили легенды, и встречи с ней Антон никак не планировал.

— Изыди, Сатана! — рыкнул он, и зря.

На тропинку выскочила довольно упитанная животина и воинственно выставила вперед рога. Если опустить нецензурную брань, то Потемкин промолчал, и козе его немногословность явно не понравилась. К домам рысили в резвом темпе. Антон был в прекрасной спортивной форме, но и рогатая ему не уступала. Так и ворвались в огороженное стилизованным под старину частоколом подворье.

— Вельзевуловна, не приставай к гостям! Антон Сергеевич к нам по делу! — раздался мелодичный голосок, а потом на крыльце появилась изрядно располневшая в талии Елена. Беременность только украсила женщину, сделав ее еще более нежной и трогательной. — А ну беги в сарай! Я там тебе яблочек насыпала!

— Ме-э-э-э! — возмутилась коза, но послушаться не посмела и скрылась за приоткрытыми воротцами сарая.

— Здравствуйте! — крикнула ему жена Заречного. — Вы проходите в дом, Дима с Гриппой сейчас придут, и обедать будем.

Встречаться с бабкой этой прекрасной женщины не хотелось, но и уйти было как-то совсем неудобно. Еще подумают, что струсил. Поэтому Потемкин улыбнулся фирменной улыбкой заправского обольстителя и ответил:

— Добрый день, Елена Мирославовна. Давно вас не видел, чудесно выглядите.

— Ой, ну что вы! Восьмой месяц беременности никого не красит. И зовите меня просто Лена, — смутилась женщина.

А вот это она зря. В кои-то веки Потемкин говорил вполне искренне.

— Тогда и вы зовите меня по имени.

В доме пахло медом, яблоками и еще чем-то таким, что словно волшебный портал переносит мыслями в детство. Его провели в гостиную и предложили подождать хозяина. Антон, словно зачарованный, рассматривал совсем простой интерьер дома, и с удивлением понимал, что отсутствие дорогой техники и новомодных штучек, совсем не портит его. Наоборот, выгодно отличает.

— О, какие люди и без охраны! — в комнату вошел Дмитрий. Друзья обнялись.

— Да у вас тут своя охрана, рогатая, — проворчал Потемкин.

— Да уж, с этой козой шутки плохи. Хорошо хоть ты жив остался! — У Антона невольно округлились глаза, и Заречный рассмеялся. — Шучу я. Она у нас смиренная, хотя и с характером.

Дела обсудили быстро, и Потемкин хотел откланяться, но Дмитрий не дал ему ни шанса.

— Куда? А ну за стол! Столько времени не виделись! Зря что ли Ядвига седло барашка в печи томила? А Ленка такую уху варит, какую не каждый рыбак сможет.

И Антон пошел, как агнец на заклание. Но на удивление, Усольцева старшая была мила и приветлива.хлопотала, подкладывая в его тарелки лучшие кусочки. Люди собрались замечательные, разговоры велись тихие, неспешные. После обеда подали чай, а темы все не кончались.

Только когда стемнело, Потемкин с сожалением понял, что ему очень не хочется покидать дом, наполненный уютом и теплом, заботой и любовью. Где от каждой вещи, от каждого слова будто душой отдыхаешь.

Провожать его вышли Дима с Леной. Медленно и почти молча добрались до стоянки. И тут Антон не выдержал.

— Может, в субботу на рыбалку махнем? На тайменя, как в былые времена? — выпалил он.

Заречный улыбнулся и с нежностью и великой осторожностью обнял жену.

— Нет, Тоха. В эту субботу никак не могу. С Ленкой на УЗИ едем. Последнее, оно, брат, самое важное. Лучше ты к нам заезжай, будем рады! — И Дмитрий улыбнулся открыто и счастливо, как человек у которого почти все заветные желания исполнились.

— Заеду, — пообещал Потемкин и сел в машину.

Отъезжая, он видел, как семья Заречных провожала его взглядом и махала вслед до тех пор, пока машина не скрылась из виду. Антон немного завидовал другу, а внутри разливалось неведомое доселе чувство щемящей тоски. Наверное, он тоже давно созрел для вот такого тихого семейного счастья.

Но разве подойдет для этого любая? Нет. Женщин на свете много, а вот отыскать среди них свою единственную совсем непросто. Димке удалось, значит и его счастье ходит где-то рядом. Остается только надеяться и верить в судьбу.

* * *

Едва молодежь вышла, старушки в цветастых платочках хитро переглянулись.

— Хороший мальчик этот Антон, уважительный вежливый. Не ему ли ты судьбу наворожила? — спросила Ядвига.

— Ему сердешному, — кивнула Гриппа. — А ну-ка, сватья, доставай свою колоду, авось я чего и напутала.

Расклад вышел странный. Более того, неправдоподобный.

— Нет его судьбы на земле. Нету! Вода, вода, кругом вода... — вздохнула Мефодьевна спустя несколько минут.

— То-то и оно. А я уж грешным делом в себе сомневаться стала. Так и останется неприкаянным. Жаль мальчишку.

— Да ты погоди жалеть-то его! — подбоченилась Ядвига. — Я вот и волосок его с костюма припасла. Поворожим над тем фолиантом, что миры открывает, глядишь, что и сладится.

— Да ты с ума сошла, сватья, кто ж ради судьбы порталы распахивает?

— Эх, Гриппа, оно и видно, что тебе-то любовь на блюдечке с голубой каемочкой, да без труда досталась. А иной ради нее и несколько десятков миров перетряхнуть не прочь.

— С ума ты тронулась... — прошептала Саввична. — Запрещенная, совсем запрещенная ворожба...

— Оставим мы те миры в покое. Чего переполошилась? — светло улыбнулась Ядвига. — Судьба чай не с гору размером, в любую щелку

проскочит.

— А ведь точно... — задумалась Гриппа. — Есть там заклинание призыва! Ох, есть!

И старушки исключительно довольные собой стали собирать необходимый скарб, чтобы сотворить такое нужное и желанное чудо.

Конец